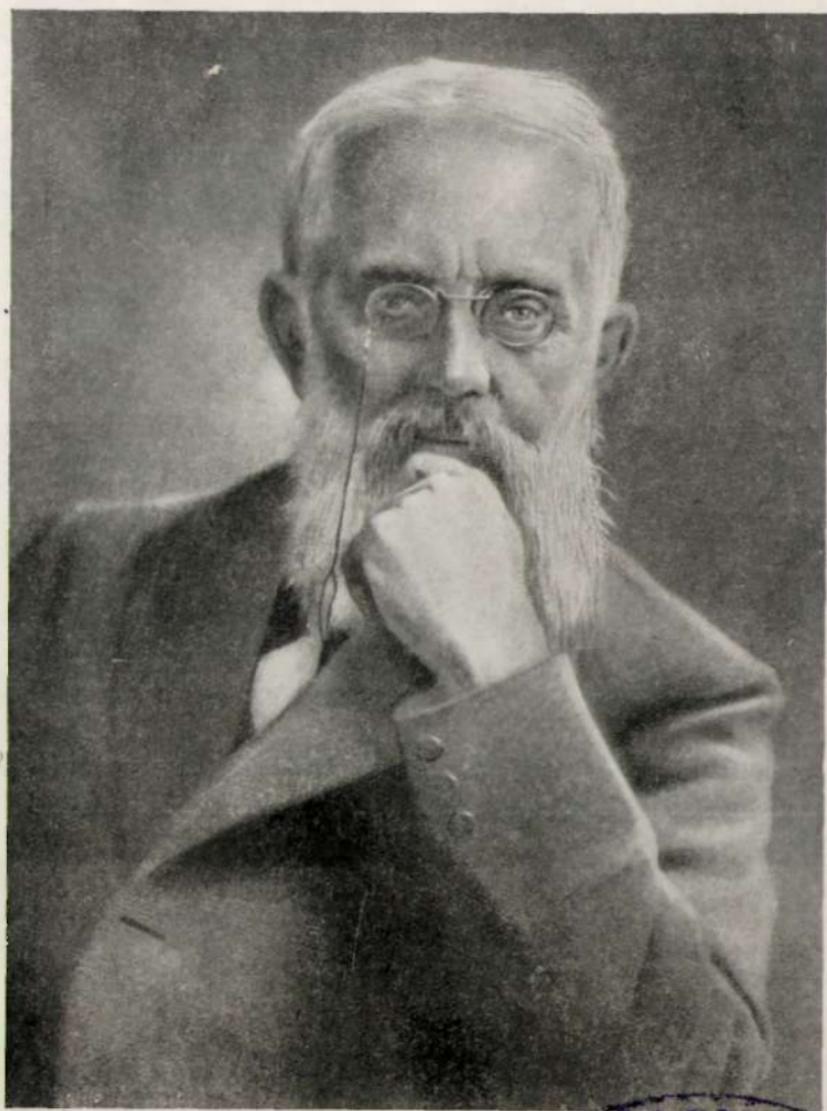

А. ГАГАРИН

**ФРАНЦ МЕРИНГ
И ЕГО
ФИЛОСОФСКИЕ
ВЗГЛЯДЫ**

СОЛЫКОВСКОЕ 1937

ФРАНЦ МЕРИНИ

«...Франц Меринг, человек не только желающий, но и умеющий быть марксистом».

Ленин, т. XIII, стр. 290.

«Если большевики удержатся у власти, их подвиги будут благословляться рабочим классом всего мира».

Ф. Меринг, Милитаризм, 1918 г.

«Нас очень радует, что Вы, товарищ Меринг и др. товарищи спартаковцы в Германии «головой и сердцем с нами».

*Ленин, письмо К. Цеткин,
26 июля 1918 г.*

«...У левых в Германии были не только серьезные ошибки. Они имеют за собой также большие и серьезные революционные дела».

Сталин, О некоторых вопросах истории большевизма.

1/5-12

А. ГАГАРИН

ФРАНЦ МЕРИНГ
И ЕГО
ФИЛОСОФСКИЕ
ВЗГЛЯДЫ

ПЕРЕВІРЕНО
1982 р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1937

335.5 | 146
Г 12 доб. | 92

Книга А. Гагарина представляет собой систематическое изложение и критику философского наследства Ф. Меринга. Изложение философских взглядов Ф. Меринга дается на фоне истории революционного рабочего движения, а также теоретической и философской борьбы в социал-демократической партии Германии. Книга рассчитана на партийный и советский актив.

Редактор *А. Дворцов*. Техред *О. Прохорова*. Корректор *В. Сергеев*.

Сдано в набор 31/VIII—36 г. Подписано в печ. 9/V—37 г. Тираж 10 000 экз.
Формат бумаги 82×110¹/₃₂. 8²/₄ п. л. 34.000 зн. в п. л. ОГИЗ № 1788.
Заказ № 1142. Уполномоченный Главлита Б-12976

16-я типография треста «Полиграфкнига», Трехпрудный пер., 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	7
<i>Глава I</i>	
Политическая и философская эволюция Ф. Меринга от мелкобуржуазного радикализма к марксизму (1869—1889)	15
<i>Глава II</i>	
Социал-демократический этап деятельности Ф. Меринга (1889—1914)	31
<i>Глава III</i>	
Материалистические взгляды Ф. Меринга	47
<i>Глава IV</i>	
Ф. Меринг как диалектик. Его теоретико-познавательные и историко-философские взгляды	65
<i>Глава V</i>	
Материалистическое понимание истории у Ф. Меринга	86
<i>Глава VI</i>	
Ф. Меринг в борьбе с буржуазными и социал-демократическими идеалистами	101
<i>Глава VII</i>	
Спартакоевско-коммунистический период деятельности Ф. Меринга и других левых и оценка их Лениным и Сталиным (1914—1919)	113
<i>Глава VIII</i>	
Борьба вокруг теоретического наследства Ф. Меринга	125
Библиография	136

ВВЕДЕНИЕ

Всесторонний анализ эпохи, в которую жил Меринг (1846—1919 гг.), а также содержания и развития его философских взглядов в значительной степени вскрывает теоретические основы левых во II Интернационале вообще и в германской социал-демократической партии в особенности. Мы имеем в виду Ф. Меринга, К. Либкнехта и Р. Люксембург.

В работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина имеется богатейший материал для исчерпывающей и единственно правильной политической оценки философских взглядов как самого Ф. Меринга, так и других левых в германской социал-демократии.

А между тем, как показала литературная дискуссия 1932 г., даже в коммунистической партии Германии до сих пор в этих вопросах проявляется «новая теоретическая путаница»¹.

Во II Интернационале «были правые (большинство), были левые (без кавычек) и были центристы, вся политика которых состояла в том, чтобы подкрасить левыми фразами оппортунизм правых и подчинить левых правым», — пишет товарищ Сталин.

«Мы, ленинцы, входили во II Интернационал до периода начала империалистской войны как крайняя левая фракция социал-демократов... Ленинизм есть самое левое (без кавычек) течение в мировом рабочем движении»².

¹ См. об этом в журнале «Коммунистический интернационал», русское изд., № 2—3, 1933 г., стр. 12—22.

² Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат, 1932 г., стр. 377—378 (курсив мой.—А. Г.).

Разоблачая предательскую линию Каутского и К^р, Ф. Меринг, Р. Люксембург и К. Либкнехт вступили на путь изживания своих теоретических и практических расхождений с ленинизмом, на путь окончательного идейно-организационного разрыва с центризмом (каутскианством), в ряде вопросов подошли к ленинизму, став в конце концов одними из организаторов коммунистической партии Германии (1919 г.).

После краха II Интернационала и возникновения Коминтерна часть современной социал-демократии, пытающаяся всякого рода «левыми» маневрами затушить свое банкротство, широко использует меньшевистский груз ошибок Ф. Меринга, Р. Люксембург и К. Либкнехта, не имея однако ничего общего с их революционными делами.

Правильный анализ теоретических корней так называемых левых в германской социал-демократии и оценка их положительных и отрицательных сторон возможны лишь на основе марксо-ленинского анализа той партийной борьбы, которая имела место в революционном движении международного пролетариата в эпоху I и в особенности II Интернационала.

Партия пролетариата развивается в обстановке мелкобуржуазного окружения, которое в основном всегда было и питательной почвой для правого оппортунизма, «левого радикализма» и антимарксистских извращений революционной теории и практики марксизма-ленинизма.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин писал, что марксистская теория и европейский опыт подтверждают, что мелкий собственник, мелкий хозяйчик, испытывая при капитализме резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, «...легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости... Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением,—все это общеизвестно»¹. На наших глазах история еще раз подтвердила гениальное предвидение Ленина о «превращении» взбесившихся мелких буржуа

¹ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 180.

из троцкистско-зиновьевского лагеря в откровенных защитников фашистского каннибализма, фашистской контрреволюционной ненависти к СССР, к ВКП(б) и ее вождям, в гнусных террористов.

Даже после прихода пролетариата к власти приходится и придется победившему, успешно строящему социализм пролетариату иметь дело с этой мелкобуржуазной «революционностью», потому что, как писал Ленин в 1920 г., коммунизм строится «...из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию; надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее;...перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божьей матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями»¹.

В философских взглядах Ф. Меринга нашла свое отражение идеологическая и политическая борьба во II Интернационале, как удачно однажды выразился Ф. Меринг— «...борьба за голову революционного пролетариата», в форме идейно-теоретической, тактической и организационной линии.

Эта борьба дает богатейший теоретический и практический урок для сегодняшнего дня, показывает революционные заслуги Ф. Меринга, Р. Люксембург и К. Либкнехта и одновременно вскрывает антимарксистские ошибки их, подчеркивая международное значение русской революции и ленинизма для международного пролетариата и всемирноисторическую роль Ленина и Сталина для теоретического и практического высвобождения рабочего класса из-под социал-демократического буржуазного влияния.

Анализ философских взглядов Ф. Меринга проливает свет и на методологическую основу люксембургизма.

Ленин писал, что нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает. Это

¹ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 247.

в полной мере относится к Мерингу и его единомышленникам в период их борьбы с большевизмом.

В развитии философских взглядов Меринга мы видим три основных этапа. *Первый этап был периодом мелкобуржуазного радикализма (1868—1889 гг.)*, характерной особенностью которого является преимущественное влияние на Меринга метода идеалистической диалектики Гегеля и его эпигона Лассалья и материализма Л. Фейербаха.

Диалектика политической борьбы требовала от левого радикализма в Германии определенного классово-партийного теоретического самоопределения. Политические взгляды и логический путь развития Ф. Меринга—революционного борца и выдающегося историка, философа и литературоведа, как мы знаем, вели и привели его к революционному пролетариату, к марксизму-ленинизму.

Второй, социал-демократический, этап (1889—1914 гг.) развития Ф. Меринга характеризуется активной, хотя и не всегда последовательной, защитой Ф. Мерингом историко-материалистических взглядов Маркса и Энгельса.

Однако в общих вопросах философии и естествознания Меринг и в этот период во многом остается на позициях созерцательного материализма Фейербаха, причем, кроме ошибок механистического характера, он допускает некритическое отношение к идеалистическому методу Гегеля и его эпигона Лассалья и идеалистические ошибки в борьбе с неокантианством и махизмом.

Третий этап развития Ф. Меринга—спартаковско-коммунистический (1914—1919 гг.)—начался с момента империалистической войны и краха II Интернационала. Этот этап характеризуется солидарностью Ф. Меринга с большевистской тактикой борьбы за диктатуру пролетариата и с признанием всемирноисторического значения ленинизма. От философии и методологии буржуазно-демократической и социал-демократической «левизны» к марксизму-ленинизму—таков был путь развития на протяжении пятидесяти лет политических и философских взглядов Ф. Меринга.

В последние годы своей жизни Ф. Меринг стал на ленинскую точку зрения необходимости пролетарской диктатуры для победы пролетариата над капитализмом и для построения социализма. Он увидел в

Октябрьской революции и большевизме начало новой эпохи.

Меринг, видя необходимость полного разрыва с социал-демократией, активно поддерживал большевистскую линию в деле создания коммунистической партии Германии и III Интернационала, которые должны были, по мнению Ф. Меринга, положить в основу своей деятельности идейно-организационные принципы большевизма.

Ф. Меринг, как один из вождей спартаковцев и как коммунист, пришел к осознанию ряда своих философских ошибок в процессе окончательного размежевания с «теоретиками» II Интернационала вроде Каутского и К°.

Оценки Мерингом ленинской теории и практики, которые давались им в этот период, отчетливо указывают на коренной пересмотр им своих прежних ошибочных теоретических позиций. Если раньше, в социал-демократический период, Ф. Меринг нередко критиковал Л. Бернштейна и К. Каутского, обнаруживая при этом сильное влияние лассальянских и фейербахских установок, то после войны 1914 г. и в особенности после Октябрьской революции Ф. Меринг все больше и больше приближался к большевистской точке зрения в критике целого ряда каутскианских и люксембургских установок и стоял за решительный разрыв с центризмом, разделяя оценку Октябрьской революции и диктатуры пролетариата Лениным и Сталиным. Таков заключительный аккорд в философском и политическом развитии Ф. Меринга.

Хотя Ф. Меринг вплотную подошел к ленинизму, но за его плечами оставался еще тяжелый меньшевистский груз. Этот груз в той или иной степени и пытаются использовать враги рабочего класса. В то время как одни из них (Каутский, Рязанов и К°) замалчивают левых и третируют их, другие наши враги, как Тальгеймер, Брандлер и К°, используют ошибки левых для оправдания своего ренегатства. Однако, критикуя Ф. Меринга, Р. Люксембург и К. Либкнехта, мы при этом не должны забывать и об их революционных делах. Левые все же в конечном счете в самый решающий для революционной борьбы момент остались революционерами. Социал-демократическое правительство Германии, расчистившее дорогу современному фашизму, постаралось физически уничтожить

(убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург) столь опасных для него врагов, арестами, преследованием и травлей сократить жизнь старика Ф. Меринга, пережившего на немного дней своих друзей.

Одним из видов борьбы классового врага с революционным влиянием Ф. Меринга и его друзей на пролетариат является заведомо лживая теоретическая и политическая дискредитация. Часто враги это делали грубо, топорно. Например, на Дрезденском партийтаге (1903 г.), чтобы политически «убить» Ф. Меринга, редактировавшего самый боевой орган левой социал-демократии Германии «Лейпцигер фюльксцейтунг», ревизионисты с партийной трибуны объявили революционную позицию Ф. Меринга провокационным маневром. На этот путь дискредитации вступил впоследствии по отношению к Р. Люксембург и известный ренегат Леви. После ее убийства он поспешил вместе с русскими меньшевиками опубликовать одну ее тюремную брошюру, содержащую выпады против большевизма, от которых впоследствии Роза Люксембург отказалась.

То же самое сейчас проделывают представители фашистского лагеря, так называемые «религиозные социалисты». Они спекулируют на теоретических ошибках К. Либкнехта и противопоставляют их марксизму-ленинизму¹.

Наряду с этой ведется более тонкая провокационная работа против Ф. Меринга Каутским, Троцким и К°. Каутский еще в 1913 г. посредством статей неизвестного ренегата Рязанова в «Нейе цейт» пытался доказывать, что Ф. Меринг протаскивает под социал-демократическим флагом анархическую контрабанду.

Другой ренегат, Тальгеймер, присвоивший литературное наследство Ф. Меринга, пытается в своих предисловиях выдать ошибочные философские положения Ф. Меринга за ортодоксальный марксизм, противопоставить его марксизму-ленинизму,

Хотя в работах Ленина и Сталина дана классическая характеристика центризма и левых, однако не все коммунисты, особенно в Германии, разбираются в вопросе

¹ См. журнал «Религия и социализм», № 2, 1932 г., изд. Союза религиозных социалистов, Мангейм.

о том, в чем заключается сходство и принципиальное различие теоретических и в особенности философско-методологических взглядов левых по сравнению с центризмом, с одной стороны, и с ленинизмом, с другой стороны.

Так, небезызвестный в Германии К. Зауэрлянд¹ в целях «углубления», как он выражался, ленинской и сталинской критики левого радикализма стер все теоретические грани между центризмом и полуменьшевистскими ошибками Р. Люксембург, Ф. Меринга, К. Либкнехта и антидиалектически подошел к анализу их философских взглядов, вульгаризовал их.

Журнал «Коммунистический интернационал» в статье, посвященной предварительным итогам возникшей в связи с выступлением К. Зауэрлянда дискуссии, правильно писал: «Люди вроде Зауэрлянда, которые клялись своей стопроцентной верностью диалектическому материализму, на деле, на практике изменяют и диалектике и материализму, теряя всякую конкретную историческую почву под ногами, поскольку они считают достаточным для оценки политической роли того или иного марксиста разобрать, в какой мере он усвоил логику Гегеля. Такая критика «со стороны» объективно на руку только врагам международного пролетариата»².

Однако совершенно неправильно поступили и те, которые в полемике с левацкими загибами К. Зауэрлянда перегнули палку в другую сторону.

Признавая ошибки Ф. Меринга, Р. Люксембург и К. Либкнехта в области философии, политической экономии и исторического материализма, они объясняли их исключительно «объективными условиями» и, возмущаясь резкостью зауэрляндовской критики левого радикализма, проявляли беспринципное отношение к их теоретическим ошибкам. Такова например установка Ю. Альпери³. Его метод замазывания философских и политических ошибок левых, метод, основанный на обывательском правиле «не выносить сора из избы», — представляет собой отрывку неизжитой догмы II Интернационала, заключающейся

¹ Зауэрлянд, Диалектический материализм, Берлин, 1932 г.

² «Коммунистический интернационал», № 2, 1933 г., стр. 17.

³ «Интернационал», № 96—99, 1932 г.

в либеральном отношении ко всякого рода ревизионистским течениям и «ручейкам» внутри партии. При таком отношении к литературному наследству Ф. Меринга и других левых нельзя воспитывать международный пролетариат на началах марксистско-ленинской непримиримости к ошибочным теоретическим и политическим установкам левых социал-демократов.

В данной работе мы сконцентрировали внимание главным образом на философских взглядах Ф. Меринга, характеризующих методологическую основу левых в германской социал-демократии. Эти философские взгляды мы даем на фоне классовой и партийной борьбы в Германии, без чего философские взгляды Ф. Меринга и приход его к ленинизму превратились бы или в «психологическую загадку» (оценка Кунова, Каутского) или оказались бы случайностью, персональным исключением, что также неверно.

Товарищ Сталин в своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» дал исчерпывающее объяснение классовых и теоретических основ центразма, с одной стороны, и так называемой левой социал-демократии — с другой. Он показал блестящий пример ленинской борьбы на два фронта, и эта борьба не нуждается в зауэрляндовском «углублении». Он показал, как надо подходить к оценке левых в Германии.

«...У левых в Германии, — писал товарищ Сталин, — были не только серьезные ошибки. Они имеют за собой также большие и серьезные революционные дела... Именно поэтому и считались с ними большевики, как с левыми, и поддерживали их, толкали их вперед. Но это не уничтожает и не может уничтожить того факта, что левые с.-д. в Германии вместе с тем имели за собой целый ряд серьезных политических и теоретических ошибок, что они не освободились еще от меньшевистского груза и нуждались ввиду этого в серьезнейшей критике со стороны большевиков»¹.

---

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат, 1932 г., стр. 609.

ГЛАВА I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ Ф. МЕРИНГА ОТ МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО РАДИКА- ЛИЗМА К МАРКСИЗМУ (1869—1889)

«Статьи в берлинской «Фольксцейтунг», очевидно, написаны Мерингом,—по крайней мере, я больше никого не знаю в Берлине, кто бы так хорошо писал. Он очень талантлив и у него хорошая голова... Он снова вернется к нам, как только времена переменятся».

Энгельс, Из письма к Бебелю,
24 июня 1885 г.

Ф. Меринг родился в 1846 г. и вырос в маленьком городке Нижней Померании. Эта местность до сих пор является оплотом крупного юнкерского землевладения. Неудивительно, что, по словам Ф. Меринга, уже со школьной скамьи его обильно поили «молоком прусской любви к отечеству», и даже темой его выпускной работы была тема: «Заслуги Пруссии перед Германией».

С малых лет близкое знакомство с жизнью прусского юнкерства показало Ф. Мерингу все убожество и реакционность этого класса. Впоследствии Меринг в «Истории Германии» писал, что во всей мировой истории нельзя отыскать такой класс, который бы «столь долгое время обнаруживал такую бедность ума и силы и был столь расточительно богат всякой низостью, как прусское юнкерство во главе с германскими государями XVII—XVIII вв.»¹. Прусское государство, по Ф. Мерингу, выросло «на постоянном предательстве, обирании и обдирании трудящихся клас-

¹ Ф. Меринг, Легенда о Лессинге, стр. 77.

сов»¹. А прусские помещики всегда диктовали свою волю слабым и неспособным Гогенцоллернам.

Окончив университет, Ф. Меринг начал работать в качестве журналиста в Берлине.

Уже студенческие годы и начало общественно-политической деятельности Ф. Меринга (70-е годы) совпали с острейшим переломным моментом в истории Германии.

Разгром Германией Франции (Франко-прусская война 1870 г.), присоединение к Германии Эльзас-Лотарингии, пятимиллиардная контрибуция, полученная Германией в результате этой войны,—дали возможность бисмарковской Германии усиленно форсировать развитие промышленности страны.

Бисмарк властно повел за собой всех сторонников прусско-юнкерского пути капиталистического развития.

Однако две души имелись у прусского юнкерства, шедшего за Бисмарком, писал Ф. Меринг: «Одна, просвещенная и буржуазная, стремившаяся по возможности развивать капитализм, а другая—средневековая, феодальная, стремившаяся как можно больше выжать из нации соков в интересах феодалов».

В возникшей на этой почве борьбе принимали активнейшее участие все классы и партии Германии. Эта борьба нашла свое отражение в литературе, науке и философии.

В одном только сходились помещики и буржуазия—в создании единого фронта против пролетариата, в борьбе с идеологией пролетариата—материалистической диалектикой и учением о пролетарской диктатуре.

Рассмотрим кратко те философские течения, которые господствовали в Германии в первые годы деятельности Ф. Меринга и в борьбе с которыми начал формироваться Ф. Меринг как философ.

На первом плане была философия Э. Гартмана. Если «железный канцлер» представлял собой одного из дальновиднейших политиков юнкерства, которые успешно организовали победу прусско-юнкерского пути капиталистического развития, то философия *Эдуарда Гартмана* (1842—1906 гг.) была философией другой части прусского юнкерства, отчаявшегося в своем спасении.

---

¹ Ф. Меринг, Легенда о Лессинге, стр. 79.

Presiden und Arbeiterinnen!

Die Propaganda in Westfalen, dass die Arbeiter-
alle Mitglieder der Gewerkschaften ^{untereinander} oft
schweren hat, muss ein unüberwindliches Hindernis sein.

Es ist ein unüberwindliches Hindernis, das
jede Arbeiterin in der Bewegung abgelehnt hat
und die Arbeiterinnen in der Bewegung abgelehnt hat.
Es ist ein unüberwindliches Hindernis, das
jede Arbeiterin in der Bewegung abgelehnt hat
und die Arbeiterinnen in der Bewegung abgelehnt hat.
Es ist ein unüberwindliches Hindernis, das
jede Arbeiterin in der Bewegung abgelehnt hat
und die Arbeiterinnen in der Bewegung abgelehnt hat.

Es ist ein unüberwindliches Hindernis, das
jede Arbeiterin in der Bewegung abgelehnt hat
und die Arbeiterinnen in der Bewegung abgelehnt hat.
Es ist ein unüberwindliches Hindernis, das
jede Arbeiterin in der Bewegung abgelehnt hat
und die Arbeiterinnen in der Bewegung abgelehnt hat.

В первой своей работе «Философия бессознательного» (1869 г.) Э. Гартман определяет свою философию как «синтез Гегеля и Шопенгауэра с решительным преобладанием Гегеля». Все это Э. Гартман пересыпал «эмпирическими основаниями индуктивного метода современных наук», как он сам писал. Философия Гартмана—это своего рода «Крейцера соната» Толстого, философия обреченного на умирание класса.

Ф. Меринг выступил со всей решительностью против упадочнической философии Шопенгауэра—Гартмана. Так, в «Берлинер фольксцейтунг» (22 февраля 1888 г.), редактором которого был Ф. Меринг, он высмеивал легкомысленное отношение Шопенгауэра и Гартмана к Гегелю и подчеркивал, что Гегель—враг филистерства, и его школу прошли такие люди, как Руге, Штраус, Фейербах, Ласаль, Энгельс и Маркс.

Что же касается воли, о которой так много говорится у Шопенгауэра и Э. Гартмана, то Ф. Меринг совершенно правильно объяснял их безволие фаталистическим ожиданием неизбежной развязки и жадной возврата старого доброго времени, патриархальных отношений прошлого. Э. Гартман, говорил Ф. Меринг, без конца развивал только идею пессимизма, характерную для безвольной части дворянства, прикрывал свою философскую наготу обрывками немецкой классической философии, полученными им из вторых и третьих рук от ее эпитонов.

Заключительным аккордом гартмановской философии являлось требование, чтобы сознание вступило в борьбу с волей и искупило бытие мира коллективным самоубийством всего человечества.

Тоска по старому укладу, которой была охвачена и часть разоряемой мелкой буржуазии, нашла свое выражение не только в философии, но и в немецком романтизме, и в исторической школе права и т. д.

Фантастика мелкобуржуазной романтики являлась нередко протестом против постылой действительности, выражая одновременно возмущение всемогуществом «кумазога» (капитала).

Ф. Меринг, будучи врагом гартмановского отхода в философии и литературе от жизни, от борьбы, от совре-

29006

менности, беспощадно бичевал дворянских и мелкобуржуазных романтиков.

Ницше (1844—1900 гг.) вышел из школы Шопенгауэра—Гартмана, но он начал писать тогда, когда крупный капитал в Германии, после разгрома Франции, был полон надежд на мировое господство и веры в свою «мессианскую роль».

Шопенгауэр и Э. Гартман оттолкнули Ницше своим пессимизмом, но Ницше сохранил в своей философской установке их аристократическое, пренебрежительное отношение к массе. Массу—«стадо»—Ницше всегда глубоко презирал.

Представители крупного капитала, шедшие за Бисмарком, симпатизировали ницшеанству, философски оправдывающему право «сверхчеловека» прокладывать себе дорогу, не останавливаясь ни перед чем.

«Падающего—толкни»,—говорил у Ницше крупный капитал устами мифического пророка.

Цель истории, по Ницше,—это «сверхчеловек». «Народные же массы лишь средства или препятствия», а в остальном «побери их черт и статистика»;—так учил современников Ницше. Многих привлекала ницшеанская борьба с традиционным христианством и моралью. «Религия, ходячая мораль и ее добродетели годятся лишь для стада, но не для избранных»,—писал Ницше.

Вместо проповеди пессимизма и призывов к состраданию Ницше призывал сильных людей, не задумываясь, использовать общество, подобно тому как ползучие растения используют дубы для того, чтобы «достигнуть своей верхушкой света и там показать всем свое счастье».

Всяческую поддержку милитаризма Ницше объявлял необходимым средством для сохранения традиции высокого и сильного человеческого типа. «Сверхчеловек» будет так мало похож на современного человека, как мало на него похожа обезьяна.

Современный германский фашизм использует философию Ницше для своей политической демагогии, для оправдания бесчеловечных зверств штурмовиков. Штурмовик, по мнению фашистов,—это «сверхчеловек», его право—это сила. Солдатина и дух марширующей колонны—вот к чему приспособили фашисты философию Ницше.

Фашистская «философия» современной Германии с исключительной яркостью подтверждает, что Ф. Меринг был глубоко прав в своем резком отношении к Ницше. Учение Ницше о неравенстве рас и людей, его антидемократизм, возвеличение культа войны, его проповедь о том, что «сверхчеловеку все должно быть доступно», нашли у немецких фашистов восторженный прием. Некоторые из фашистских «идеологов» превратили Ницше в одного из пророков фашизма.

Уже в апреле 1930 г. в «Национал-социалистическом ежемесячнике», издаваемом А. Гитлером и редактируемом А. Розенбергом, можем прочесть статью Гросса «Фридрих Ницше, Пауль Лягард и Хаустон Чемберлен в их значении для нас». «Общее между политическим движением национал-социализма и философией Ницше,—пишет Гросс,—в основе их мировоззрения».

Из номера в номер в этом журнале идет агитация за пророка фашизма—Ницше, и лишь в декабре 1931 г. рядом с Ницше поставлен фашистами и Гегель. При этом Гюнтер, автор данной статьи, пишет, например, что «ницшеанская философия является философией наших вождей... там, где жизнь хочет стать сильной, там она должна идти по пути Ницше».

А неизвестный Розенберг в «Мифе XX столетия» доказывает, что в Ницше расовая чистота достигла наибольшей высоты. «Если вы меня спросите о философах, которые имеют для нас ведущее значение, то я назову Ницше»,—говорит один из фашистских «теоретиков». О Ницше фашисты пишут целые книги.

Так, Боймлер в 1931 г. написал книгу «Ницше—философ». Боймлер, теоретик фашизма, дал фашистское истолкование всей философии Ницше. Он признает, что Ницше в вопросе о войне и государстве является предтечей фашизма.

Ницше оказал влияние также и на идеологию итальянского фашизма. Муссолини рассказывает, что философия Ницше помогла ему превратиться из социалиста в фашиста. «Сочинения Ницше излечили меня от моего социализма»,—откровенно писал Муссолини.

В свете откровенной оценки фашистами ницшеанской философии нужно по достоинству оценить заслуги Мерин-

га, активно боровшегося со всеми попытками кое-кого из немецких социал-демократов объявить Ницше социалистом и таким образом «усыновить» Ницше.

Во времена Ф. Меринга социал-демократы в проповеди Ницше не сумели «рассмотреть крупнокапиталистический характер классовой основы философии Ницше и те идеи, которыми воодушевлен любой биржевой делец и любой продажный газетчик».

* * *

Гораздо труднее для Ф. Меринга было разобраться в философских позициях представителей антипрусской и радикальной буржуазии.

Философская позиция идеологов радикальной буржуазии в Германии в значительной степени определялась той внутрипартийной борьбой, которая расколола буржуазию на два лагеря.

Борьба естественно-научного материализма развертывалась главным образом вокруг биологических проблем, вокруг дарвинизма; она вскрыла все слабые стороны стихийного материализма естественников (К. Фогт, Молешотт, Бюхнер). Со второй половины XIX в., когда, по словам Ф. Меринга, «начал выступать ограниченный материализм, он своими громкими фразами давал приятную забаву буржуазии, переживающей свой подъем, пока она еще не открыла, что для народа нужно сохранить религию». Этими «ограниченными» материалистами были вульгарные материалисты: Карл Фогт (1817—1895 гг.), Я. Молешотт (1822—1893 гг.), Людвиг Бюхнер (1824—1899 гг.).

Они пропагандировали дарвинизм, симпатизируя той части немецкой буржуазии, которая стояла за манчестерский путь капиталистического развития в Германии.

Вплоть до момента окончательной победы прусско-юнкерского пути капиталистического развития Германии часть оппозиционной буржуазии сочувствовала этим ученым, которые владели умами университетской молодежи, буржуазной интеллигенции. Но у них были противники справа и слева. Справа с ними боролись реакционеры,

видя в них «зловредных» атеистов и нигилистов, а слева против них боролись представители мелкобуржуазного радикализма, вроде Фейербаха. И наконец самую непримиримую борьбу с ними вели идеологи революционного пролетариата—Маркс и Энгельс. Перед представителями революционного марксизма в немецкой социал-демократии стояла ответственная задача разоблачения вульгарного материализма с позиций диалектического материализма, борьба не против материализма как такового, а против упрощенной; вульгарной его защиты, приводящей, как это случилось с Молещоттом, к субъективно-идеалистическим установкам в теории познания. Естественно-научным материализмом Ленин называл «стихийное, несознаваемое, неоформленное, философски-бессознательное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием». Это положение замалчивали всякого рода идеалисты и особенно, как Ленин подчеркивал, махисты и неокантовцы (Адикес), «...загушевая или запутывая *неразрывную* связь стихийного материализма естественников с *философским материализмом*, как направлением, давным-давно известным и сотни раз подтвержденным Марксом и Энгельсом»¹. Уже вульгарные материалисты середины XIX в. являлись и виднейшими представителями буржуазной науки. Фогт, например, дал ценные работы по геологии, зоологии и палеонтологии. В своих «Зоологических и физиологических письмах» и «Лекциях о человеке» он причинил очень много беспокойства феодальным слоям и клерикалам, но в то же время этот идеолог буржуазной демократии в эпоху реакции, после поражения революции в 1848 г., сделался фактическим агентом Наполеона и получил позорную известность в пролетарском лагере своими грязными обвинениями Маркса и других коммунистов. Маркс выступил против Фогта с блестящим политическим памфлетом «Господин Фогт».

Ф. Меринг, выявляя свое отношение к Фогту, показал, что вульгарный материализм у Фогта соединяется с идеалистическими послылками. В статье «Неоламаркизм и ме-

¹ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 283.

ханистический материализм» Ф. Меринг проанализировал фогтовскую трактовку эволюционной теории и показал полную абсурдность фогтовского отрицания естественного отбора. Дарвинизм являлся сильнейшим аргументом для подтверждения объективного значения материалистической диалектики. В эволюционной теории Дарвина мы находим прекрасные иллюстрации законов диалектики.

Те возражения против отдельных установок Дарвина, которые делал Фогт, сводились к тому, что естественный отбор так же непонятен, как если бы кто-то стал утверждать, что по этому закону «лодка развилась в парусное судно».

Но отрицание закона естественного отбора, как справедливо заметил Ф. Меринг, привело Фогта к идеалистическим утверждениям и к признанию, что истинным фактором развития и биологического разнообразия является «дух».

Фогт сдал материалистические позиции идеализму и стал утверждать, что «существует абсолютное бытие», которое раскрывается ему лишь в его «собственном мире».

Это объяснение, писал Ф. Меринг, по существу мало чем отличается от шопенгауэровского утверждения о воле. Таким образом вульгарный материалист оказался философским единомышленником отъявленного идеалиста. Заслуга Ф. Меринга заключалась в данном случае в том, что он доказал, как вульгарные материалисты скатываются к идеализму. Однако дать исчерпывающую критику вульгарного материализма со своих феербахианских позиций в области естествознания Меринг не мог.

Не менее типичным представителем вульгарного материализма был физиолог Молешотт, подвергавшийся частым гонениям за свои материалистические убеждения. Он много работал над исследованием крови, желчи, молока, над исследованием изменений различных веществ в организме. Его «Круговорот жизни», «Физиологические ответы», «Учение о пище», «Единство науки с точки зрения учения о жизни» являлись не только узкими работами по физиологии, но и работами, дающими широкое поле для определенных философских и социологических выводов.

Огромнейшее влияние на представителей буржуазного радикализма оказала работа также вульгарного мате-

риалиста Бюхнера «Сила и материя» (1855 г.). Она выдержала десятки изданий. Ф. Меринг был свидетелем того, как газеты (1872—1873 гг.) были полны то ругательных, то хвалебных отзывов об этом труде Бюхнера и информационных сообщений об успехах бюхнеровской пропаганды даже за пределами Германии.

* *
* *

В немецкой литературе шла та же ожесточенная классовая борьба. Так, литераторы антипрусской промышленной буржуазии создали реалистическое направление (во второй половине XIX в.) в художественной литературе.

Фрейтиг например в своем романе «Дебет и кредит» дал апологию состоятельного бюргерства и его уклада, которое он противопоставляет неприспособленному дворянству. В реалистической литературе мы видим отражение борьбы двух путей развития Германии. В 60-х годах этот мотив мы встречаем у Шпильгагена, который осудил например единоборство Лассалья с Бисмарком («Одни в поле не воин»), проводя в своем романе установки антипрусской буржуазии¹.

В реалистических произведениях Шпильгагена нашла отражение грюндерская лихорадка («Шквал») и боязнь за дальнейшие судьбы Германии после войны с Францией («Что-то будет?»).

Шпильгаген восставал против нищезанятия («Маленький Фауст»), этой идеологии крупного капитала.

Но самым выдающимся мастером реалистического направления, властителем дум, стал Гауптман. Его персонажи мещанской Германии—неврастенические мелкие буржуа, способные только сочувствовать эксплуатируемым пролетариям и социализму, но не бороться за социализм («Ткачи»).

Меринг в своих превосходных литературно-критических работах очень ярко показал преимущество естественно-научного материализма перед идеализмом и реализма перед немецким романтизмом.

¹ Лассальянцы не остались однако в долгу. В своем романе «Эмма» Швейцер защищал лассальянство от политических и литературных нападок прогрессистов.

Он чрезвычайно сочувственно отнесся к реалистическому жанру в литературе, и не только в германской. Ф. Меринг хвалил например Горького. Просмотрев первую постановку «На дне», Ф. Меринг был «очарован этим удивительным произведением» и писал: «С гениальной точностью творческого гения Горький воссоздал этот чуждый для нас мир так, что мы можем оцупать его руками». Антипрусски настроенная часть крупной буржуазии бесцеремонно «выбросила за борт философию», подняла на щит вульгарный материализм и превратилась в философски безграмотных разносчиков дешевого материализма (Фогт, Мошшотт, Бюхнер и им подобные).

* *
*

Л. Фейербах и Ф. Лассаль—вот под чьими знаменами пошла радикальная буржуазия в условиях борьбы двух путей развития. На одном из этих знамен был лозунг материализма Фейербаха; а на другом—диалектики, но диалектики Лассалья. Эти позиции были настолько противоречивыми и взаимоисключающими, насколько противоречиво было вообще положение мелкобуржуазного радикализма, опиравшегося на пеструю и противоречивую классовую базу.

После победы прусско-юнкерского пути развития антипрусская оппозиция, за исключением социал-демократии, оказалась разгромленной в политическом и философском отношении, и перед лассальянством стал вопрос: с кем из основных классов капиталистической Германии—буржуазией или пролетариатом—пойти рука об руку. Тот же вопрос диалектика жизни поставила и перед антидиалектиком Фейербахом.

Лассальянцы очень много толковали о диалектике Гегеля, а сторонники Л. Фейербаха—о материализме, но ошибочность их философских позиций обуславливалась мелкобуржуазной природой как лассальянствующих диалектиков, так и фейербахянцев. В общеизвестном письме к Швейцеру о Прудоне¹ Маркс бичевал тех мелкобуржуазных диалектиков, которые вследствие собствен-

¹ 24 января 1865 г.

ных классовых противоречий никогда не могли принять определенное революционное решение и признать примат за тем или иным ведущим звеном диалектической противоречивой цепи.

Их по форме диалектический ответ («и то и другое») по существу являлся отсутствием определенной линии у мелкобуржуазного радикализма и проявлением мелкобуржуазной нерешительности и колебания.

В письме к Анненкову (28 декабря 1846 г.) Маркс дал классический пример критики прудоновского мелкобуржуазного понимания диалектики.

Прудон, как известно, очень увлекался диалектическими категориями. «И это не случайно... — писал Маркс. — *Мелкий буржуа* в современном передовом обществе... в одно и то же время и буржуа, и народ...» Он «обожествляет *противоречие*, потому что противоречие есть основа его существа»¹.

Диалектика превращается у него, как однажды выразился Энгельс, «в псевдогегелевское фокусничество» (письмо Марксу 21 августа 1851 г.). Таким «диалектиком» был, разумеется, не только Прудон, но и Лассаль.

В письме к лассальянцу Швейцеру (24 января 1865 г.) Маркс очень хорошо объяснил тягу мелкобуржуазного радикализма к диалектике. Мелкий буржуа в экономическом, политическом, художественном и научном отношении «сам—живое противоречие».

Прудон и Лассаль «жонглировали своими собственными противоречиями», превращали их в блестящие парадоксы. Однако Ф. Меринг не принадлежал к категории субъектов, у которых «лишь один движущий принцип—тщеславие» (Маркс), и поэтому, шаг за шагом освобождаясь от мелкобуржуазного, лассальянского понимания диалектики, он шел к революционной теории пролетариата—к марксизму.

Вот почему в домарксовский период развития наиболее ярким выразителем идеологического „якобинства“ являлся Ф. Меринг.

Немецкие якобиты, в том числе и Ф. Меринг, группировались вокруг неокантианствующего либерала Иоган-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 31.

на Якоби (1805—1877 гг.) и Г. Вейсса (1802—1899 гг.) и поэтому получили ироническую кличку «якобитов».

Буржуазно-демократические радикалы Германии—народная партия «якобитов»—после победы прусско-юнкерского пути капиталистического развития оказались у разбитого корыта.

Возникновение Народной партии в Германии относится к периоду революции 1848 г. в Южной Германии, но организационно оформилась она только в 60-х годах. Во главе ее стояли Иоганн Якоби, Зоннеман и Гаусман. Она была резко настроена против прусско-юнкерского пути национально-капиталистического объединения Германии и примирилась с ним лишь в 1895 г.

Однако массовое влияние этой «народной» партии было ничтожно. Для буржуазии она считалась слишком радикальной, а для рабочего класса слишком буржуазной. Поэтому в 1871 г. на выборах в рейхстаг она получила всего лишь 18 тыс. голосов.

Программа Народной партии предусматривала законодательную охрану труда, антимиитаризм и улучшение социально-экономических условий рабочего класса в рамках капитализма.

Что представляли собой эти «якобиты», в среду которых пошел Ф. Меринг?

Философские взгляды «якобитов» отразили все противоречия радикальной части мелкобуржуазной демократии Германии. Эта демократия пыталась, и, как всегда, безуспешно, вести независимую не только политическую, но и философскую линию, с одной стороны, от юнкерства, опиравшегося на известную часть крупной буржуазии, а с другой—от революционного пролетариата.

Философская линия «якобитов» была крайне расплывчатой: ряд программных философских статей писался для «якобитов» фейербахианцем Юлием Дюбоком. Дюбок писал, например, на темы: «Жизнь без бога» (1875 г.), «Оптимизм как мировоззрение», «Психология любви» и т. п. Темы о Л. Фейербахе и фейербахианское решение ряда проблем для части «якобитов» были частым явлением. Так, например, журнал «Ди Ваге» очень много места уделит прославлению Л. Фейербаха, умершего в 1872 г. социал-демократом.

Сам Дюбок был человеком очень близким к Л. Фейербаху, и последний через Дюбока давал целый ряд указаний о том, в каком направлении необходимо развертывать идеологическую борьбу в журналах и газетах, где сотрудничал Дюбок. Л. Фейербах видел в нем человека, который способен от пропаганды и вербовки перейти к организационному сплочению сторонников феербахского материализма. Так, Л. Фейербах писал ему: «Все, что связано с политикой, у нас остается обычно на бумаге. Большим злом является то, что мы предоставляем только врагам свободы и человечества создавать организации и всевозможные корпорации. Мы же сами, вопреки нашему теоретическому материализму, в жизни утопаем в небытии чистой свободы мысли, без всякой материальной связи».

Однако подлинная трагедия феербахского крыла радикальной буржуазии в эту эпоху заключалась именно в том, что оно было исторически поставлено между буржуазией и пролетариатом. Все попытки феербахянцев найти средний путь приводили к жалким потугам вроде «истинного социализма» К. Грюна (1817—1887 гг.).

В конце концов и сам Л. Фейербах, как затем и большинство сотрудников «Цукунфт» и «Ди Ваге», вступил в социал-демократическую партию, не продвинувшись однако дальше «истинного социализма» в своих социологических взглядах.

«Истинные социалисты» вместо интересов пролетариата выдвигали на первый план интересы абстрактного человека, не принадлежавшего ни к какому классу и существующего поэтому не в действительности, а витающего «в небесных туманностях философской фантазии»¹.

«Истинные социалисты» (а их было немало в «Цукунфт» и «Ди Ваге») представляли на деле реакционные отсталые слои немецкой мелкой буржуазии, так как их «социализм» пытался стать «выше всякой борьбы классов».

К. Грюн писал о философии Л. Фейербаха: «Когда называют философию Фейербаха, то этим называют всю работу философии от Закона до наших дней и этим также говорят, чего хочет в последней инстанции философия и что она значит».

¹ Маркс и Энгельс, Манифест коммунистической партии, Паргиздат, 1932 г., стр. 40.

Что же представлял собой в этот период Ф. Меринг?

На Ф. Меринге всегда сказывалось, как мы увидим потом, большое влияние Л. Фейербаха, но философским и политическим авторитетом для Ф. Меринга в этот период являлся Лассаль¹.

Если материализм Л. Фейербаха мог в некоторой степени удовлетворить Ф. Меринга при решении основной философской проблемы, то последнего совершенно не удовлетворяло феербахинское учение о любви. Тем более не могла удовлетворять Ф. Меринга этическая трактовка социализма в духе Якоби—Гехберга.

Вокруг разгорались политические страсти, кипела классовая и партийная борьба, а такого борца, как Ф. Меринг, мелкобуржуазная демократия ориентировала на философию категорического императива и феербахинской любви. С такой философией Ф. Мерингу было не по пути.

Литературным органом в середине 60-х годов этих радикальных демократов, их блока были сначала «Цукунфт» («Будущее», 1868—1871 гг.), газета, редактируемая Гвидо Вейсом, затем «Ди Ваге» (с 1873 г.)—еженедельник политики и литературы. Его редактором был тот же Гвидо Вейс, а издателем и соредактором Иогани Якоби. Вокруг этих двух органов сплотились самые разнообразные мелкобуржуазные элементы; которые не могли тянуть успешно свой философский воз. Самое большее, на что они были способны,—это только вместе бороться, как им казалось, с двумя крайностями: присяжной философией безвольной части прусско-юнкерской буржуазии—философией Шопенгауэра—Гартмана и с диалектическим материализмом пролетариата.

Остановимся несколько подробнее на марксовых характеристиках теоретиков и политиков, оказавших в этот период на Ф. Меринга свое философское влияние, от которого он долгое время не мог освободиться.

Прежде всего скажем несколько слов о д-ре Гвидо Вейсе, левом демократе, как редакторе «Цукунфт» и «Ди Ваге». Ф. Меринг всегда говорил о Вейсе как о своем

¹ Подробнее о социологических и политических взглядах С. Лассалья см. в моей работе «Из истории философии XIX в.», Соцэкгиз, 1933 г., стр. 179—219.

учителе. Вейс, в силу своих антипруссских установок культивировавший идеалы буржуазной демократии 1848 г. и очень лояльно относившийся к Марксу, симпатизировал этическому социализму. Жизнь требовала однако от Вейса и в философском и в политическом отношении или перейти мелкобуржуазный рубикон и стать под знамя пролетарской идеологии или свои позиции сдать буржуазному юнкерству. Вейс и Якоби не сделали ни того, ни другого, и поэтому их позиции не нашли для себя мощной классовой базы. Вейс, как показывают письма Маркса и Энгельса (за 1867 г.), был способен даже выполнять ряд небольших поручений Маркса¹, но философски и политически он стоял далеко от марксизма. И уже 14 апреля 1870 г. Маркс констатирует, что номера «Цукунфт» дают ясную картину прусско-либеральной действительности, причем сама «Цукунфт» («Будущее») превращается, по словам Маркса, в «Гегенварт» («Настоящее»). «В качестве «Будущего» газета действительно обанкротилась. В своем новом виде она выходит под контролем Зоннемана из Франкфурта (с Вейссом, как и прежде, в качестве главного редактора). Она должна чисто политически представлять в Берлине *народную партию*. Какая глупость! [Она] совершенно утратит свое небольшое влияние и небольшой круг читателей среди рабочих, перестав кокетничать с «социальным вопросом», а прусских и особенно берлинских «бюргеров» она безусловно не привлечет благодаря сильной южно-германской окраске»².

Кантианский «социализм» Вейса, Якоби, Гехберга и им подобных был действительно только «кокетничаньем» с «социальным вопросом», хотя Зоннеман дипломатически и уверял Маркса, что цель вейсовских литературных предприятий—«втянуть мелкую буржуазию в социал-демократическое движение»³. Ближайший единомышленник Г. Вейса Якоби очень часто писал в «Цукунфт» и «Ди Ваге» в кантианском духе по вопросам философским и политическим.

Эпоха империализма и пролетарских революций, блестящий анализ которой дали Ленин и Сталин, нашла

¹ См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 284, 448.

² Там же, т. XXIV, стр. 315.

³ Там же, стр. 447.

свое отражение и в той теоретической борьбе, которая развернулась в недрах II Интернационала.

Ленин в «Империализме, как высшей стадии капитализма» вскрыл общественно-экономические причины перерождения «теоретиков» II Интернационала.

В предисловии к этой книге он писал: «слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по своему миросозерцанию, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная *социальная* (не военная) *опора буржуазии*. Ибо это настоящие *агенты буржуазии в рабочем* движении, рабочие приказчики класса капиталистов..., настоящие проводники реформизма и шовинизма. В гражданской войне пролетариата с буржуазией они неизбежно становятся, в немалом числе, на сторону буржуазии, на сторону «версальцев» против «коммунаров»¹.

Бернштейнианство представляло из себя первый продукт империалистической эпохи подобного рода политического идейного перерождения обуржуазившейся части рабочего класса и социал-демократии. За ними последовали и центристы-каутскианцы.—«Это идейное течение есть,— писал Ленин,— с одной стороны, продукт разложения, гниения II Интернационала, а с другой стороны—неизбежный плод идеологии мелких буржуа, которых вся жизненная обстановка держит в плену буржуазных и демократических предрассудков»².

Левые с.-д. в Германии, к которым в начале XX века примкнул и Франц Меринг, «то и дело колебались между большевизмом и меньшевизмом» (Сталин), пока, под влиянием пролетарской революции и ленинизма, не порвали идейно-политические и организационные связи с центристами, создав коммунистическую партию Германии.

---

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 77.

² Там же, стр. 75—76.

ГЛАВА II

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. МЕРИНГА (1889—1914)

Мелкобуржуазный радикализм после победы прусско-юнкерского пути капиталистического развития оказался у разбитого корыта. Если в революцию 1848 г. он еще мог отражать собою революционное недовольство мелкой буржуазии, то после партийно-организационного и теоретического обособления пролетарского движения в эпоху Парижской коммуны за мелкобуржуазным радикализмом никакие массовые организации не шли. Фейербахянство и лассальянство теряло социальную почву под ногами. Не могло вполне удовлетворить лассальянство и Ф. Меринга еще и потому, что Лассаль, как известно, был сторонником прусско-юнкерского пути национального развития Германии, Ф. Меринг же всегда оставался принципиальным врагом бисмарковской политики, направленной на объединение Германии под главенством прусского юнкерства.

Для Ф. Меринга становилось все яснее и яснее, что сама, как он писал, гвардия буржуазии 1848 г., представлявшая «идеалистически-гегельянских знатоков государства и его нравственных целей, оказалась «предводителем без войска»¹; так как «огромная часть буржуазии... устремилась под знаменем капитализма с манчестерскими иконами вперед».

При первых признаках пролетарского движения все лучшие представители буржуазно-демократической гвар-

¹ Ф. Меринг, Легенда о Лессинге.

дии, писал Ф. Меринг, «должны были, в том числе и Лассаль, покинуть этот класс»¹, так как в нем «каждый купец возмнил себя знатоком национальной экономики и отвергал политику, как нелепую вещь, отождествляя государство с торговой областью»².

Буржуазная демократия, даже в ее наиболее радикальной части, не удовлетворяла Меринга как в области теории, так и в области практики.

«Прусость и лицемерие, ненасытная жажда барышей, духовное самодовольство, рекламное шарлатанство, преклонение перед высшими, угнетение низших, низкопоклонство и слабость в политической и социальной борьбе— вот отличительные особенности современной немецкой буржуазии»,—писал Ф. Меринг в «Легенде о Лессинге».

Ф. Меринг совершенно открыто и сознательно пришел к пролетариату, став впоследствии в немецкой социал-демократии одним из теоретиков левых.

В философско-политической эволюции Ф. Меринга «закон о социалистах» (1879 г.) сыграл решающую роль. Его принципиальная борьба с социал-демократией до издания этого закона почти совпала с жестокой борьбой Бисмарка с социал-демократией. Ф. Меринг, враг юнкерской буржуазии, радикальный демократ и защитник демократических свобод, своей борьбой с социал-демократией объективно лил воду на мельницу «железного канцлера». Ф. Меринг тоже мечтал о создании единой великой Германии, но меньше всего он ориентировался в этом отношении на прусское юнкерство. И когда политические события поставили его перед дилеммой: или прусско-юнкерская гегемония Бисмарка, или курс на диктатуру пролетариата,—Ф. Меринг избрал последнее.

С переходом в социал-демократический лагерь Ф. Меринг должен был определенно высказаться о своем отношении к лассальянству. Он сделал это не путем декларации, а путем напечатания «Легенды о Лессинге», прекрасного произведения, в котором нашел свое яркое выражение метод исторического материализма Маркса и Энгельса.

¹ То-есть буржуазию.—А. Г.

² Ф. Меринг, Легенда о Лессинге.

Однако, оценив по заслугам исторический материализм Маркса и Энгельса как в этой работе, так и в теоретическом к ней приложении, Ф. Меринг не переставал переоценивать Лассалья, защищая его от «суровых суждений» Маркса.

Даже в 1894 г. в «*Нейе цейт*» Ф. Меринг писал о Лассале: «Германская социал-демократия в настоящее время находится в таких отношениях к Лассалю и Марксу, в каких сам Лассаль состоял к Фихте и к Гегелю. Он был гегельянцем и очень хорошо знал, что философия Фихте в известном пункте оказалась несостоятельной. Германская социал-демократия стоит на почве исторического материализма, созданного Марксом и Энгельсом. Она знает, что в этой почве коренится ее непреодолимая сила. Она знает, что философский идеализм Лассалья в определенном пункте должен привести ее в тупик, и ей в голову не приходит ставить на одну доску Маркса и Лассалья. Но суровые суждения, высказанные Марксом в минуты неудовольствия, не могут определять его отношения к Лассалю».

Ф. Меринг, став уже социал-демократом, все же еще считал, что идеализм Лассалья несовместим с марксизмом, но диалектический метод Гегеля входит без изменения в философский инвентарь марксизма наряду с материализмом Л. Фейербаха.

Ленин в «Предисловии к переписке Зорге» дал следующую характеристику Ф. Меринга в этот период: «Фр. Меринг... старается смягчить нападки Маркса, как и позднейшие нападки Энгельса на оппортунистов,— старается, по нашему мнению, несколько чрезмерно. ...Отстаивает свое мнение о неверной оценке Марксом Лассалья и лассалеанцев»¹. Ленина интересует не скрупулезная «...оценка правильности или преувеличенности нападений Маркса на таких-то именно социалистов, а принципиальная оценка Марксом определенных течений в социализме вообще»².

Ленин иронически замечал, что Марксу может быть недоставало «хорошего тона» по отношению, например,

¹ Ленин, Соч., т. XI, стр. 168.

² Там же, стр. 168—169.

к Лассалю при нанесении ударов противникам марксизма, но из всех социалистических планов в период II Интернационала (анархического, лассальянского, бернштейнианского и др.) только план Маркса—Энгельса, писал Ленин, был единственно верным и единственно революционным, а планы всех остальных оказались нереальными. Об этом Ленин писал еще в «Что делать?». «...Марксизм дает,—читаем мы у Ленина,—...гигантский толчок инициативе и энергии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая (если можно так выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов «стихийно» поднимающегося на борьбу рабочего класса!»¹, и в этих условиях четкость генеральной линии партии превышает всего и имеет решающее значение.

Во время великого исторического перелома в Германии, в 70-х годах, «один план социал-демократической политики и работы вообще был у Либкнехта,—писал Ленин,—другой у Швейцера». А затем, в период «закона о социалистах», «один план был у Моста и Гассельмана, готовых просто звать к насилию и террору, другой у Хехберга, Шрамма и (отчасти) Бернштейна», с их призывом «заслужить примерным поведением прощение»¹. Но победил третий план—Маркса и Энгельса, подготовивший и осуществивший издание нелегального органа. Социал-демократия испытывала большие колебания, и Ф. Меринг описал эти колебания и эту нерешительность в выборе «тактики плана» в своей «Истории германской социал-демократии».

В этой же «Истории германской социал-демократии» нашли свое отражение и лассальянские симпатии Ф. Меринга, с которыми он пришел в социал-демократическую партию.

С 1889 г. Ф. Меринг стал сотрудничать в лучшем для того времени теоретическом марксистском журнале «Нейе цейт». В этом же году он выдвигается на одно из первых мест в социал-демократической партии Германии.

Но в рядах этой же партии продолжает оставаться и Бернштейн, оставаться даже после того, как он в своих

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 398.

«Предпосылках научного социализма» выкинул за борт революционный марксизм и в первую очередь материалистическую диалектику и учение о диктатуре пролетариата. Положение дел в германской социал-демократии в то время чрезвычайно благоприятствовало бернштейнианству.

Дело в том, что с 1893 г. в Германии наступил период экономического подъема и расцвета промышленности. Свирепствовавший до этого времени кризис был изжит, сократилось число безработных. Социал-демократические лидеры типа Бернштейна в интересах буржуазии доказывали возможность осуществить социалистический строй без революционного потрясения, исключительно на основе этического социализма. В «порядок дня» германской социал-демократии ставится эволюционная тактика парламентской борьбы, отказ от пролетарской диктатуры, и соответственно этой тактике пышно расцветает неокантианство.

В правом лагере социал-демократии под влиянием классовых и партийных причин неокантианство приобрело права гражданства. Бернштейн, Вольфман, Форлендер, Макс Адлер и многие другие соединяли Канта с Марксом, превращали Канта в социалиста, объявляли кантианство марксистской философией, борясь с материалистической диалектикой.

В области политической идеологии бернштейнианство фетишизировало идею демократии, отрицало значение классовой борьбы, пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

Свой поход против материалистической диалектики Бернштейн оправдывал в своих «Предпосылках научного социализма и задачах социал-демократии» тем, что диалектика в марксизме является «историческим самообманом» революционной эпохи (1848 г.). Борьбу Энгельса с оппортунизмом и антиреволюционным эволюционизмом Бернштейн объяснял исключительно тем, что Энгельс некритически унаследовал от Гегеля диалектику, ее «да—нет и нет—да». Бернштейн в своей работе почти на каждой странице клеветал на Маркса и Энгельса.

Философия Канта, по мнению Бернштейна, остается в принципе «неопровергнутой». Бернштейн считал, что

научный прогресс рассеял только объективное существование «вещи в себе» Канта. Все остальное содержание кантианства сохранилось. Успехи физики и химии, по Бернштейну, «отправили на задний план проблему материализма...»

Материальность атома условна. Существование эфира — лишь гипотеза, как и объективность пространства и времени¹.

В своих «Предпосылках» Бернштейн открыто заявляет, что «ангельсовское определение материализма включает в себе весьма антиматериалистические представления».

Что касается «теории познания», то, по Бернштейну, «мы никогда не узнаем, как и вследствие чего образуется наше сознание», т. е. Бернштейн высказывал типично неокантианские взгляды.

Сознание, по Бернштейну, — непознаваемая трансцендентальная сущность. Характерно, что Бернштейн положил в основу своей борьбы с диалектическим материализмом извращенное понимание марксизма как разновидности спинозизма. И это вполне естественно, так как со спинозовским материализмом легче бороться, чем с диалектическим материализмом.

Неокантианство для Бернштейна явилось той позицией, с которой им была проведена ревизия марксизма как в области философии, так и в области политэкономии и политики. В области политэкономии его ревизия выразилась в отрицании развития капитализма в сельском хозяйстве, в отрицании неизбежности кризисов и краха капитализма. В своих «Предпосылках» (1898 г.) Бернштейн отверг закон концентрации и централизации капитализма, неизбежность кризисов, доказывал возможность организованного капитализма и открыто выступал против пролетарской диктатуры.

Таким образом бернштейнианство представляло собой совершенно открытую, ничем не завуалированную борьбу с марксизмом в интересах буржуазии.

Политика, по Бернштейну, должна быть согласована

¹ См. Э. Бернштейн, Идеалистические и реалистические моменты в социализме.

с капиталистической экономикой, следовать во всем за ней. Вся революционную основу исторического материализма Бернштейн демагогически отождествлял с бланкизмом. «Коммунистический манифест», по Бернштейну, насказом проникнут бланкизмом, марксизм — только разрушительная сила, в то время как реформизм — созидательная, мирно-эволюционная сила. Отрицая роль субъективного фактора в революции, Бернштейн обвиняет Маркса и Энгельса в том, что они скатились в вопросе о соотношении экономики и политики на позиции политического авантюризма Виллиха—Шаппера из «Союза коммунистов».

Бернштейн тщательно собрал все цитаты, где Маркс и Энгельс положительно высказываются о демократии, реформах, и пытался истолковать их как «переоценку революционных ценностей» самими Марксом и Энгельсом, как отход их с революционных позиций на реформистские, как отказ от революционной политики и материалистической диалектики.

Отсюда и ренегатский вывод: «демократия — форма осуществления социализма» и, значит, нет смысла стоять за диктатуру пролетариата. Диктатура пролетариата, по Бернштейну, не путь для осуществления социализма (такой является демократия). «Пролетариат не может принять в свои руки политическую власть», — говорит Бернштейн. Социал-демократия, по Бернштейну, вовсе «не желает уничтожить буржуазное общество», а лишь стремится «всех вывести в буржуа» и объединить все классы общества для решения национальных задач. Это было откровенное признание классового врага, стопроцентная буржуазная концепция, против которой вынужден был одно время «бороться» даже Каутский.

Характерно, что Бернштейн, борясь против левых (Парвус, Р. Люксембург), считал (и тут он оказался прав) Каутского своим будущим союзником и единомышленником.

В период, когда Бернштейн выступил с открытой ревизией марксизма, находя своих единомышленников в среде буржуазии, Ф. Меринг, работая в «Нейе цейт», объединял вокруг себя всех не соглашавшихся с нескантианской ревизией марксизма.

Однако составившийся в «Нейе дейт» антибернштейнианский блок далеко не был ортодоксально-марксистским. В него входило много союзников и попутчиков марксизма из лагеря вчерашних позитивистов — дюрингианцев, вульгарных материалистов, фейербахианцев, лассальянцев, влившихся в немецкую социал-демократию.

Только с уходом из «Нейе дейт» Бернштейна¹ общее направление журнала становится более левым. Даже бесхребетный Каутский начал «леветь». Он почувствовал смену политической и экономической конъюнктуры, так как с 1901 г. в Германии промышленный подъем сменился кризисом, и надежды бернштейнианства стали испаряться вместе с иллюзиями о мирном будто бы развитии капитализма. Это положение закреплялось усиленной активностью таких теоретиков левых социал-демократов, как Ф. Меринг и Р. Люксембург.

Капитальная работа Ф. Меринга «История германской социал-демократии» не отражает однако той радикализации, которая захватывает Ф. Меринга с начала XX в.

Создавая этот свой труд, Ф. Меринг еще находился под обаянием личности Лассалья и защищал целый ряд положений, которые были типичны для немецкой социал-демократии конца XIX в. Поэтому история немецкой социал-демократии излагается Ф. Мерингом в значительной мере как история ее парламентской легальной борьбы.

Обсуждая возможности нелегальной работы в эпоху 1878—1890 гг., Ф. Меринг заявляет: «Партия немедленно и навсегда отвергла мысль о тайной организации». Эту «ликвидаторскую» установку впрочем впоследствии отвергал сам же Ф. Меринг, вступивший на путь создания нелегальной организации. Но в «Истории немецкой социал-демократии» Ф. Меринг все еще без всяких критических замечаний излагает заявление В. Либкнехта о том, что «партия будет соблюдать «закон о социалистах», так как она, мол, — партия реформ в самом строгом значении этого слова, и вообще насильственное делание революции — «бесмыслица».

Нужно сказать, что уже в дискуссии с Бернштейном Ф. Меринг сам развивал другую точку зрения.

¹ Апрель 1900 г.

Однако при наличии всех этих типично полуменьше-вистских ошибок Ф. Меринг уже тогда высказал ряд положений, характерных для оценки всей глубины и серьезности перелома во взглядах Ф. Меринга — перелома, приведшего его в лагерь левых.

В томе IV «Истории немецкой социал-демократии» Ф. Меринг дает следующую критику ревизионизма. «Признавая справедливость основных воззрений научного коммунизма и требования о превращении всех средств производства в общественную собственность, этот «социализм» объективно однако свое осуществление возможным лишь, — иронически замечает Меринг, — в отдаленном будущем, практически лежащим вне поля зрения».

Особенно ярко развернулась деятельность Меринга и других левых в газете «Лейпцигер фольксцейтунг», издаваемой в Лейпциге. Эта газета была основана еще в 1894 г. Шенланком. В 1902—1911 гг. вокруг «Лейпцигер фольксцейтунг», которую редактировал Ф. Меринг, сплотились Р. Люксембург, К. Либкнехт и др. Эта газета стала боевым органом левых немецких социал-демократов, не имевших возможности высказывать свои взгляды в «Нейе цейт», где в то время Каутский ставил всяческие преграды их высказываниям.

Большинство передовиц «Лейпцигер фольксцейтунг» или писалось самим Ф. Мерингом или отражало его точку зрения. Уже в 1902 г. газета, отвергая путь социальных реформ, призывает взять курс на социальную революцию.

В статье «О значении теории», напечатанной 20 июля 1906 г. в этой газете, Ф. Меринг развивает следующие положения: хотя общество и не может измениться, пока в нем не созреют элементы нового строя, но «роль политики и теории необычайно велика для революционного движения. Они воодушевляют массу, указывают ей правильные пути и ведут к победе».

Тем не менее, понимая значение теоретического фронта классовой борьбы, Ф. Меринг и левые, когда дело касалось идейного размежевания по вопросам идейно-организационного порядка, не смогли провести это размежевание и часто некритически пополняли свой арсенал каутскианскими и меньшевистскими установками.

Дальнейший анализ философских взглядов Ф. Меринга покажет нам, что как у него, так и у других левых это вовсе не было случайным явлением.

В то же время Ф. Меринг с величайшей любовью отмечал всякий намек на пробуждение революционного движения в Германии и России. В «*Нейе дейт*» Ф. Меринг мог выражать только в самой общей, бесцветной форме свою солидарность с русской революцией и с тем передовым отрядом русской революции, каким являлись большевики.

Так, Ф. Меринг писал в статье, посвященной памяти Энгельса: «Маркс и Энгельс всегда считали, что падение царского деспотизма послужит поворотным пунктом в пролетарской революции. Их духом, их учением питался передовой отряд русской революции, и утренняя заря, распространившаяся на Востоке, шлет свой привет могильному холму в столице Англии, под которым покоится революционер Маркс, и волнам моря, над которыми развевался пепел революционера Энгельса».

То, чего не мог открыто сказать Ф. Меринг в «*Нейе дейт*», он говорит языком пламенных статей и фактов в «*Лейпцигер фольксцейтунг*». По «*Лейпцигер фольксцейтунг*» можно получить довольно верную картину общего хода развития русской революции в 1905 г.

Ф. Меринг высказывает крайне отрицательное отношение к террористической тактике эсеров, как не имеющей ничего общего с марксистской революционной тактикой борьбы, положительно отзываясь о тактике большевиков.

Одновременно Ф. Меринг отрицательно относился также к лассальянско-троцкистскому третированию полупролетарской массы и крестьянства как массы реакционной.

Меринг решительно отверг ту точку зрения, будто грядущая русская революция не сможет перерасти в социалистическую и международную.

Взгляды Ф. Меринга казались «подозрительными» руководству немецкой социал-демократической партии.

Особенно неистовствовали оппортунистические элементы, которые требовали заткнуть рот Мерингу и разрушить гнездо левых социал-демократов в «*Лейпцигер фольксцейтунг*». С этой целью пробовали было применить к Ф. Мерингу организационные меры. Так, была сделана

попытка отозвать Ф. Меринга из редакции «Лейпцигер фольксцейтунг». Когда же это не удалось, то с трибуны Дрезденского партийтага (1903 г.) была пущена о Ф. Меринге гнусная, дискредитирующая его клевета.

В защиту Ф. Меринга выступил целый ряд левых социал-демократов. Ф. Меринг, впрочем, и сам не остался в долгу. Он написал брошюру «Мое оправдание»¹, в которой документально доказал всю вздорность выдвинутых против него обвинений о связи с буржуазным продажным писателем Максимилианом Гарденом, а также обвинений в якобы провокаторской роли его в партии.

Выделенная партийная комиссия, расследовав все обвинения, вынуждена была реабилитировать Ф. Меринга, который с еще большим жаром продолжал вести свою боевую публицистическую работу. Его внимание в данный момент было всецело поглощено русской революцией.

«Лейпцигер фольксцейтунг» не перестает описывать русскую революцию в самых сочувственных тонах. В этой газете нашли освещение: падение Порт-Артура², якутский процесс³, разложение царской армии⁴, революционное брожение в Польше⁵ и т. д. и т. п. Иногда орган Ф. Меринга с необычайным сарказмом критиковал ренегатов типа Струве⁶.

Первое сообщение о расколе в РСДРП появилось в «Лейпцигер фольксцейтунг» 14 января 1905 г. Оно, однако, показывает чрезвычайно слабую осведомленность Ф. Меринга о большевизме, который не был еще Мерингу знаком по первоисточникам и документам. Правда, в качестве представителя большевизма газета Меринга впервые упоминает Ленина, чего Меринг не мог бы сделать в «Нейе дейт». В то время как К. Каутский и Р. Люксембург приняли идейно-организационную сторону меньшевиков, Ф. Меринг перепечатаывает в своей газете, без всяких комментариев, однако, документы и воззвания также и большевиков⁷.

¹ Ф. Меринг, „Мое оправдание“, Лейпциг, 1903 г.

² «Лейпцигер фольксцейтунг», № 231, 4/X 1904 г.

³ Там же.

⁴ Там же, № 269, 19/X 1904 г.

⁵ Там же, № 11, 14/I 1905 г.

⁶ «Петр Струве идет в народ» в «Лейпцигер фольксцейтунг», № 11, 14/I 1905 г.

⁷ «Петр Струве идет в народ» в «Лейпцигер фольксцейтунг», № 275, 28/XI 1905 г.

Это было тем более ценно, если вспомнить, что К. Каутский и Р. Люксембург открыто осуждали большевистскую тактику и организационные принципы ленинизма. Но все же крупной политической ошибкой Ф. Меринга было то, что он чисто по-меньшевистски рассматривал расхождения русских большевиков и меньшевиков главным образом как расхождения только организационно-тактического порядка и видел выход не в идейно-организационном разрыве большевиков и меньшевиков, а в их примирении. По мере нарастания революции 1905 г. симпатии Ф. Меринга все больше и больше склоняются к большевикам. Так, печатая воззвания ЦК РСДРП (фракции Ленина, как именует ее Ф. Меринг) к IV съезду, редакция «Лейпцигер фольксцейтунг» многозначительно заявляет: «Наконец-то нашелся товарищ, которому дороги интересы русской революции».

Однако пойти на идейно-организационный разрыв со своим оппортунистическим руководством левые были все же неспособны. Призывы левых во имя свободы критики к организационному слиянию большевизма с меньшевизмом, как делал это одно время и Ф. Меринг, а тем более оправдание меньшевизма, как это имело место у Р. Люксембург, означали по существу примиренческое отношение к меньшевизму. Сами левые, замедлив свой идейно-организационный разрыв с каутскианством, жестоко поплатились за это, необычайно ослабив свое идейно-организационное влияние на социал-демократические массы.

9 января 1905 г. Ф. Меринг встретил передовицей «Это—революция»¹. Революция 1905 г. многому научила левых. «Огонь разгорается дальше»²,— восторженно информировала о русской революции газета Ф. Меринга.

«Либерализм не будет играть в русской революции ведущей роли»,— доказывал в противовес русскому меньшевизму Ф. Меринг.

Уроки русской революции (стачки, борьба с парламентским фетишизмом и т. д.) использовались Ф. Мерингом и левыми и в целях международной революционной тактики.

¹ «Лейпцигер фольксцейтунг», № 18, 23/1 1905 г.

² Там же, № 20, 25/1 1905 г.

«Русская революция,—писал Ф. Меринг,—не сенсация, как думают Макс Гарден, «Цукуифт» и другие, а тот урок, на котором весь мир будет учиться. Русская революция создала уже и своих поэтов, например Горького»¹.

Газета Ф. Меринга защищала русскую революцию и большевиков от всех выпадов буржуазной прессы, от буржуазной лжи².

Взрыв восторга вызвало у Ф. Меринга восстание на «Потемкине» и в особенности декабрьское вооруженное восстание. Еще в июне 1905 г. газета Ф. Меринга писала: «Классово сознательный пролетариат всей Германии приветствует в русской революции подымающуюся зарю лучшего и обращается с призывом помочь революционной России. Европейская диктатура сродни русскому деспотизму»³.

17 июня 1905 г. «Лейпцигер фолксцейтунг» была сплошь заполнена материалом, посвященным вопросам русской революции: передовица, стенограмма доклада Клары Цеткин о русской революции, информация—все проникнуто симпатиями к революционной России.

Газета Ф. Меринга очень горячо приветствовала октябрьскую стачку⁴, выступления революционного крестьянства⁵ и революционного студенчества и по-большевистски провозглашала: «На штурм, вперед!»⁶.

Резолюции рабочих собраний, печатавшиеся в газете Ф. Меринга, сопровождались указаниями редакции «Лейпцигер фолксцейтунг» на правильность большевистской тактики.

Ф. Меринг крайне отрицательно относился к куцой октябрьской конституции 1905 г., обещавшей бесправную думу и «свободу», он заполняет страницы «Лейпцигер фолксцейтунг» статьями и схемами баррикадных боев, происходивших во время вооруженного восстания в Москве.

И немецкий рабочий, читатель этой газеты, точно знал, например, специфические особенности вооруженного вос-

¹ «Лейпцигер фолксцейтунг», № 32, 8/II 1905 г.

² Там же, № 43, 21/II 1905 г.

³ Там же, № 161, 13/VI 1905 г.

⁴ Там же, № 237, 12/X 1905 г.

⁵ Там же, № 240, 17/X 1905 г.

⁶ Там же, № 254, 2/XI 1905 г.

стания и расположение 14 главных баррикад в Москве¹ и мог делать революционные выводы о необходимости вооруженного восстания как метода завоевания власти революционным пролетариатом².

Газета Ф. Меринга, подводя предварительные итоги русской революции, призывала революционный пролетариат «отказаться от фаталистического отношения при решении революционных задач»³ и напоминала, что международная социал-демократия не должна допустить, чтобы революционная Россия испытала трагическую судьбу Парижской коммуны⁴.

В газете «Лейпцигер фолксцейтунг» до 11 апреля 1908 г. не сходил со страниц отдел «Русская революция». Как известно, после поражения революции 1905 г. представители меньшевизма, Плеханов и др., старались свалить всю вину за ее неудачу на большевистскую тактику. Нечего и говорить о К. Каутском, который вообще занимался клеветой на большевизм, сдобриваемой иногда комплиментами русской революции и с одновременным подчеркиванием, что именно меньшевики и есть ортодоксальные марксисты.

Совсем по-иному звучит выступление в «Нейе цейт» 1 октября 1905 г. Ф. Меринга: «Счастливы, что пережил славный год русской революции, который для истории является не менее историческим, чем французская революция 1789 г.». Дело русских братьев есть и наше дело, писал Меринг. А 27 декабря 1905 г. и 5 января 1906 г. он писал, полемизируя с Каутским и меньшевиками: «Нужно говорить не о поражениях, а об интернациональном значении русской революции... Немецкий рабочий класс с гордостью смотрит на нее».

На русском революционном опыте учились левые немецкие социал-демократы познавать свои собственные идейно-организационные ошибки, и в сокровищнице ленинизма черпали они потом силы для борьбы за пролетарскую диктатуру в Германии.

«...Величайшее несчастье рабочего движения в Гер-

¹ «Лейпцигер фолксцейтунг», № 7, 10/1 1906 г.

² Там же, № 13, 17/1 1906 г.

³ Там же, № 18, 23/1 1906 г.

⁴ Там же, № 263, 13/XI 1906 г.

мании,—писал Ленин,—в том, что им не был произведен разрыв еще до войны»¹.

В Меринге Ленин отделял действительно ценное, устойчиво-революционное от временного, наносного, объяснявшегося влиянием на Меринга социальной обстановки Германии, а также и особенностями его теоретического развития. Так, например, Ленин подчеркивал некритическое отношение Меринга к трактовке Р. Люксембург, единомышленницей Меринга, национального вопроса.

«...Мы не пойдем так далеко, как идет Меринг,—разъяснял Ленин.—Но нельзя сказать... чтобы польская буржуазия не могла при известных комбинациях встать на сторону независимости и т. д.»². Жизнь подтвердила гениальный прогноз Ленина. В то же время по целому ряду вопросов у Меринга еще до 1914 г. было, по свидетельству Ленина, много замечательных, метких и ярких высказываний³. Такова, по мнению Ленина, оценка Ф. Мерингом второй думы⁴. Ленин усиленно подчеркивал мнение Меринга о том, что «либеральная буржуазия играет роль покорной рабыни» (немецкое слово «дирне», значит, собственно, продажная женщина.—А. Г.), и сравнивал с ней меньшевиков с их лозунгом «беречь думу». Он считал, что у «русской революции гораздо больший размах, чем он некогда был у революции немецкой. Критика либералов о положительной работе—отвратительная оргия».

Ленин замечал по поводу этих высказываний Меринга: «Пусть подумают над этим те, кто, подобно Плеханову, пытается сослаться на Маркса... Меринг дает хороший урок этим людям. ...Добавлять что-нибудь к словам Меринга по существу значило бы лишь ослаблять их... Меринг... стоит на точке зрения революционной социал-демократии»⁵.

«Большевики поддерживали левых с.-д. в Германии лишь с известными серьезными оговорками, критикуя их полуменьшевистские ошибки»⁶.

¹ Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 437.

² Там же, т. V, стр. 341—342.

³ См. там же, т. XI, стр. 72.

⁴ «Нейе цейт», кн. 1, № 23, 6/III 1907 г.

⁵ Ленин, Соч., т. XI, стр. 76.

⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 470.

Тов. Сталин в письме «О некоторых вопросах истории большевизма» приводит примеры, когда левые с.-д. высказывались против большевизма: так было в 1903 году с Р. Люксембург и Парвусом, когда они, будучи лидерами левых, бросили обвинение по адресу большевиков в ультра-централизме и бланкистских тенденциях. Так было и в 1905 г., когда «они сочинили утопическую и полуменьшевицкую схему перманентной революции (уродливое изображение марксовой схемы резолюции), проникнутую насквозь меньшевицким отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства, и противопоставили ее большевицкой схеме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В дальнейшем эта полуменьшевицкая схема перманентной революции была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма»¹.

Критикуя левых с.-д. в Германии, «все время колебавшихся между большевизмом и меньшевизмом», Ленин и Сталин подчеркивали при этом особую враждебность к большевизму со стороны центристов: Каутского и Троцкого и никогда не отождествляли с ними ошибок левых с.-д. в Германии.

«Всеми известно,—писал товарищ Сталин,—что ленинизм родился, вырос и окреп в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе с центризмом на Западе (Каутский), с центризмом у нас (Троцкий и др.). Этого не могут отрицать даже прямые враги большевизма. Это аксиома»².

В своих работах Ленин и Сталин с предельной ясностью разоблачили контрреволюционную сущность троцкизма. А в 1931 году товарищ Сталин писал: «на самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР»³.

Судебные процессы над троцкистско-зиновьевскими бандами вскрыли гнусную работу этих фашистских диверсантов, шпионов, вредителей и убийц.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 471.

² Там же, стр. 468.

³ Там же, стр. 475—476.

ГЛАВА III

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ф. МЕРИНГА

После смерти Энгельса Мерингу пришлось вести в Германии активную борьбу за материалистическое мировоззрение (и в особенности за исторический материализм) почти со всеми теоретическими и социологическими направлениями своей эпохи. Мы знаем, что неокантианцы пытались навязать пролетариату свою идеалистическую концепцию. Затем имело распространение гегельяно-лас-сальянское идеалистическое объяснение истории. Наконец, давали себя чувствовать вульгарно-материалистический натурализм в философии и социологии, дюрингианство и позитивизм. Только в работах Маркса, Энгельса и Ленина давалось исчерпывающее научное объяснение закономерностей природы, общества и мышления.

Во время всеобщего похода на марксизм на Западе революционный пролетариат Германии в лице Меринга нашел защитника диалектико-материалистического мировоззрения Маркса, Энгельса, Ленина.

Меринг пришел к материалистическому мировоззрению еще до официального своего вступления в социал-демократическую партию, однако в процессе своего материалистического перевооружения Меринг допустил очень много ошибок и срывов. Но Меринг упорно изучал марксизм, считая, что история, философия и литературоведение, только опираясь на марксистскую основу, превращаются в действительную науку.

Еще будучи редактором мелкобуржуазной радикальной газеты «Берлинер фолксцейтунг», Меринг в статье «О памятном дне» (годовщина 1848 г.) писал 17 марта

1889 г., что надо отвергнуть прежнее «детское понимание истории», в основу которого «кладутся князья и генералы, делающие, якобы, историю»; необходимо исходить из общественно-политических предпосылок и вскрывать историческую необходимость явления. В ряде других статей Меринга этого периода мы также найдем историко-материалистическую трактовку рассматриваемых выше вопросов. Так например в 1888 г. Меринг в статье «Праздничные мысли» выступает с материалистической критикой религии, доказывая, что «от библии теперь не осталось камня на камне» и реакционная роль лютеранского духовенства стала теперь всем ясна. Далее в этой же статье Меринг вскрыл классовую сущность религии, разоблачив ее консервативную роль, заключающуюся в охране частной собственности, и призывал на борьбу с религиозным мраком.

Наиболее яркое применение Мерингом марксистского метода мы видим в его работе «Легенда о Лессинге», которая сразу обратила на Меринга внимание социал-демократических кругов и Ф. Энгельса. В ней Ф. Меринг чрезвычайно вдумчиво и по-революционному поставил вопрос о творчестве Лессинга (1729—1781 гг.), крупнейшего представителя эпохи просвещения Германии.

Лессинга, этого неутомимого борца за буржуазную культуру, этого защитника свободы совести и врага расовой ненависти и религиозного фанатизма, ненавидевшего феодализм и абсолютизм, казенные теоретики пруссачества превращали чуть ли не в идеолога просвещенного абсолютизма. «Легендой о Лессинге» Ф. Меринг разрушил легенду о Фридрихе Великом как отце «эпохи просвещения».

Лессинг был, по Ф. Мерингу, великим борцом и вождем прогрессивной буржуазии. Однако его наследство могло быть усвоено, писал Ф. Меринг, лишь революционным классом, каким во второй половине XIX в. стал пролетариат.

«Деятельность Лессинга принадлежит не буржуазии, а пролетариату,—писал Ф. Меринг,—так как Лессинг был отважным вожаком революционного класса».

Своей работой о Лессинге Ф. Меринг доказал, что «о XVIII в. мы должны судить не по басням и сказкам,

а по его экономике». «Только при свете научного познания, которое дает материалистическое понимание истории Маркса и Энгельса, станут понятными,—писал Ф. Меринг,—сильные и слабые стороны творчества Лессинга. Метод исторического материализма—единственный научный метод».

Ф. Меринг вскрыл подлинные классовые пружины так называемой «социальной» политики, проводимой в век «просвещенного» абсолютизма Фридрихом Великим, и, оперируя рядом фактов, показал в настоящем их виде пресловутую веротерпимость этого короля и будто бы данную им свободу печати и развенчал ту легенду о Фридрихе Великом, которая так успешно распространялась в Германии.

«Легендой о Лессинге» Ф. Меринг разрушил не только легенду о самом Лессинге, но и те легенды, которые сплетали вокруг имен Маркса и Энгельса, вокруг исторического материализма и диалектического метода враги марксизма.

К этому времени Ф. Мерингу было уже сорок пять лет. Ему, общественно-политическому деятелю, перешедшему из лагеря буржуазно-демократических радикалов в лагерь революционного пролетариата, приходшему путем упорной работы над собой к марксизму, предстояло нанести своей работой сокрушительный удар всяким врагам материализма и показать, почему пролетариат является единственным наследником литературного и философского наследия буржуазии периода ее революционного развития. Ф. Меринг под каждой идеологической надстройкой умел находить, не прибегая к механическому упрощенчеству, классовую и экономическую основу.

Ф. Меринг предпослал своей «Легенде о Лессинге» статью об историческом материализме. В этой статье Ф. Меринг проводит реакную границу между историческим материализмом Маркса—Энгельса, с одной стороны, и идеалистическим пониманием истории Гегеля и Лассалья—с другой.

Таким образом, констатирует Ф. Меринг: «Гегель и Лассаль вместе оказались бессильными дать научное объяснение общественно-историческому процессу».

Чем же являлся для Ф. Меринга марксизм?

В широком смысле слова Ф. Меринг определил его «как основу пролетарского мировоззрения и метода, как учение о человеческом мышлении, воле и действии, возникающих из материальных условий жизни».

Ф. Меринг не смог сразу вскрыть главное в марксизме—учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата—и ограничился рядом весьма широких и еще в достаточной мере расплывчатых определений. Марксизм представляет, по Мерингу, «объяснение общественных явлений и метод действия».

Меринг писал:

«Исторический материализм является научным методом, годным для исследования процесса развития человечества. Лишь с освобождением пролетариата исторический материализм достигнет своего полного расцвета, лишь тогда история станет наукой в полном смысле этого слова».

В работах Ф. Меринга красной нитью проходит мысль, что только материалистическое понимание природы и общества может стать теорией революционного пролетариата.

Это утверждение у Ф. Меринга и других левых социал-демократов являлось философским водоразделом между ними, с одной стороны, и бернштейнианством и каутскианством (центризмом)—с другой, так как и каутскианцы вообще не считали материалистическое мировоззрение «обязательным для марксиста» и провозглашали свободу философской совести. Свои материалистические взгляды Ф. Меринг подробнеем образом развернул в историко-философских статьях, посвященных английскому материализму XVII в., Спинозе, французскому материализму, Л. Фейербаху, и особенно в своих статьях об историческом материализме. В определении философских направлений Ф. Меринг исходит из энгельсовского критерия философии. Вопрос об отношении субъекта к объекту, о первичности мышления или бытия, духа или природы,—этот вопрос, писал Ф. Меринг, только марксизмом решен единственно правильно.

Меринг различает целый ряд форм борьбы материализма с идеализмом в истории философии, в зависимости

от конкретных условий классовой борьбы. В Англии, например, буржуазия на первых порах давала бой феодальным господствующим классам, выступая под религиозным знаменем; материализм же там в это время являлся тайной верхних слоев, в большей степени аристократических, чем буржуазных. Затем материалистическим оружием начала пользоваться и английская буржуазия, но половинчатость и нерешительность ее классовой борьбы с феодалами сказалась и на компромиссности ее материалистических взглядов.

Утренняя же заря буржуазного радикализма, писал Ф. Меринг, достигла необычайной яркости и силы в материалистической мысли Франции XVIII в. Анализируя дальше эволюцию материалистической мысли, Ф. Меринг связывает эту эволюцию с появлением утопического социализма. Французский материализм XVIII в. оплодотворил и утопический социализм. Представитель утопического социализма—англичанин Оуэн—тоже примыкал, по Ф. Мерингу, по своим взглядам к французскому материализму. Оуэн видел в человеке продукт естественных склонностей и окружающей среды. Французский материализм явился могучим оружием против феодалов и клерикалов Франции, но он покоился на очень слабой естественно-научной основе: физика, химия были еще в зародыше. Вследствие этого французский материализм, говорит Меринг, и не знал эволюции природы и общества. Только Маркс и Энгельс, жившие в более позднюю эпоху, пройдя философскую школу Гегеля, избавили материализм от консерватизма и рутины. Ф. Меринг высоко ставил французский материализм, считая его родственным марксизму, главным образом по линии тех социалистических выводов, которые из него можно сделать. Но гораздо ближе к марксизму стояли, по мнению Ф. Меринга, рационалистический материализм Спинозы и особенно естественно-научный материализм Л. Фейербаха.

Анализ английского, французского и немецкого материализма был проведен однако Ф. Мерингом односторонне. С достаточной полнотой показав положительные стороны домарксова материализма, Ф. Меринг все же не вскрыл слабых сторон спинозовского, английского и французского материализма и совершенно не считал нужным подвергнуть

марксистской критике сенсуализм XVII—XVIII вв. Так, упомянув мимоходом о сенсуализме Локка, Ф. Меринг полагал, что от анализа материалистического сенсуализма дело философии «не подвинется ни на один блошинный шаг».

Таким образом концентрирование Ф. Мерингом всего своего внимания на классовых корнях философии и совершенное игнорирование анализа истории теоретико-познавательных взглядов, предпосылок философии говорят о непоследовательности марксистской методологии Ф. Меринга как философа и об одностороннем, упрощенческом подходе к философии. Рассмотрим оценку Мерингом философии Спинозы.

«С современным социализмом,—писал Ф. Меринг,—Спиноза связан тремя могучими течениями. Он влиял на классическую литературу Германии (Гете, Лессинг, Гердер), влиял на французский материализм, наконец, наложил свой отпечаток на Шеллинга, Гегеля и Фейербаха. Ради славного Канта не дадим в обиду еще более славного Спинозу».

При этом однако Ф. Меринг ни в какой мере не отождествляет спинозизм с марксизмом.

Что же, по мнению Ф. Меринга, является неприемлемым у Спинозы?

Ф. Меринг не согласен со спинозовской трактовкой атрибутивности мышления и с замкнутой философской системой Спинозы вообще.

В вопросе об отношении марксизма к учению Спинозы Ф. Меринг стоял на более правильной точке зрения, чем Плеханов, заявивший, что «марксизм представляет собой род спинозизма».

Уже французские материалисты XVIII в. (Гольбах в «Системе природы») допускали двойное решение проблемы атрибутивности мышления. Л. Фейербах, отвергнув диалектику Гегеля, также не сумел вскрыть качественное своеобразие человеческого мышления. Плеханов же, наоборот, даже четкую антиспинозовскую энгельсовскую трактовку в отношении всеобщей одушевленности материи превратил в «род спинозизма». Достоинством Ф. Меринга является то, что в этом вопросе он правильно понял отношение марксизма к Спинозе и Л. Фейербаху.

В критике теории всеобщей одушевленности материи Ф. Меринг был совершенно прав, но в критике философской системы Спинозы в целом он сам сбивается на отрицание вообще философии как науки. «Ни одна из философий,—пишет Ф. Меринг,—не может быть окончательной истиной последней инстанции и представляет собой только научный метод». Таков, например, по Мерингу, даже исторический материализм Маркса.

Здесь следовательно в борьбе с закостенелостью философии одновременно отрицается самое право последней на самостоятельное существование как науки. Философия Маркса отождествляется с диалектическим методом, а ее содержанием, по мнению Меринга, является главным образом естественно-научный материализм вообще и материализм Фейербаха в особенности.

Сопоставляя Спинозу и Л. Фейербаха, Ф. Меринг открыто отдавал предпочтение материализму Л. Фейербаха. Однако было бы ошибкой рассматривать Ф. Меринга даже в его домарксистский период развития как последовательного фейербахианца.

Ф. Меринг был боевой политической фигурой, и его симпатии, разумеется, были не на стороне созерцательной философии «истинно немецкого социализма», боявшегося классовой борьбы пролетариата, а на стороне Маркса и Энгельса.

После прочтения «Введения к критике политической экономии» и «Капитала» Маркса для Ф. Меринга с предельной ясностью раскрылась вся научная глубина марксизма и его преимущества перед лассальянством и фейербахианством.

Почему же все-таки в вопросах естествознания Ф. Меринг солидаризировался с Л. Фейербахом?

Ф. Меринг это объяснял следующим образом.

Л. Фейербах показал, что гегелевская философия— последнее прибежище, последняя рациональная основа религии. Проложив путь перехода от идеализма к материализму, Л. Фейербах поднял материализм из праха.

Л. Фейербах чувствовал, по мнению Ф. Меринга, односторонность механистического материализма. Но к ясному пониманию того, что средой, в которой живет человек, является не только природа, но и общество, что «ма-

териализм, следовательно, есть не только естественная, но и общественная наука,—к такому пониманию он не пришел» (Ф. Меринг).

Заслуга Л. Фейербаха, по мнению Ф. Меринга, заключалась в том, что он отказался от всякого идеалистического фантазерства. Роковым для него оказалось то, что ему не удалось проложить путь к историческому материализму.

Скорее всего Л. Фейербах, по мнению Ф. Меринга, мог бы симпатизировать естественно-научному материализму 50-х годов, но у него был «слишком глубокий ум для того, чтобы проповеди Бюхнера, Молешотта, Фогта возбудили у него что-нибудь иное, кроме весьма смешанного чувства удовольствия... Немецкая буржуазия позволяла Фейербаху умирать с голоду, а некий богатый буржуа поставил над его могилой великолепный памятник,—писал Ф. Меринг,—но философское наследство Фейербаха оказалось не по зубам буржуазии, а только под силу пролетариату».

Такова оценка Ф. Мерингом Л. Фейербаха, высказывая которую, он считал, что не расходится с Энгельсом.

В своей статье «О гуманизме Фейербаха» Ф. Меринг излагает без всяких критических замечаний теорию познания Л. Фейербаха и все его материалистические взгляды, считая их в основном марксистскими.

«Сущность бытия как бытия,—писал Ф. Меринг, интерпретируя Л. Фейербаха,—это есть сущность природы. Развитие природы во времени касается лишь ее форм, но не ее сущности. Философия есть познание того, что есть. Мыслить вещи, познавать их так, как они суть, вот высший закон, высшая задача философии»¹.

При трактовке философских взглядов Л. Фейербаха Ф. Меринг ничего не говорит о диалектике природы, о качественно разнообразных формах ее развития, о созерцательности фейербахианской философии, о критерии революционной практики и о действительности теории познания и логики марксизма.

Л. Фейербах, как известно, отбросил абсолютную идею

---

¹ Маркс и Энгельс, Литературное наследство, предисловие, изд. Мерингом, Одесса, 1908 г.

Гегеля и на ее место поставил природу и человека. Л. Фейербах источником познания считал только главным образом чувства.

«Действительное в своей действительности или в качестве действительности,—писал он,—есть действительное лишь как объект чувства, есть чувственное».

Категории диалектической логики для Л. Фейербаха и Ф. Меринга теряли в естествознании всякий объективный смысл и теоретико-познавательное значение.

Ф. Меринг боролся только с социологическими взглядами Л. Фейербаха. Он доказывал, что хотя Л. Фейербах называл себя коммунистом и в 1870 г. вступил в социал-демократическую партию, но его политические взгляды покоились на отрицании классовой борьбы в классовом обществе, на признании общности классовых интересов всех людей, как представителей одного рода. Л. Фейербах клал в основу общественных отношений любовь. Этим самым политически феербахизм смыкалось с «истинным социализмом» Грюна, Гесса и других и шло вразрез с марксизмом, который в основу природы, общества и познания клал теорию диалектического (революционного) развития.

Л. Фейербах умер, когда Ф. Мерингу было 27 лет, но феербахизм усиленно культивировалось философскими кругами, с которыми был связан политически и литературно Ф. Меринг, поэтому оно оставило на нем глубокий след даже тогда, когда он стал марксистом.

В марксистский период своего философского развития Ф. Меринг, разумеется, понимал несовместимость с феербахизмом диалектического метода, с одной стороны, и марксистского учения об обществе—с другой.

Естественно-научные взгляды Л. Фейербаха Ф. Мерингом принимались целиком, хотя в Л. Фейербахе Меринг совершенно правильно видел весь трагизм мелкобуржуазного радикализма. От буржуазии Л. Фейербах ушел, и «она отвернулась от него и ушла к Шопенгауэру» (Ф. Меринг). Пролетариат не пошел за феербахизмом, найдя свою философию в диалектическом материализме Маркса и Энгельса. И остался Л. Фейербах, как он сам говорил, «цветком без горшка, огненным ручьем без русла и картиной без рамы». Причину этого явления Ф. Меринг

видел в том, что «отрыв от (революционной) борьбы опустошил дух этого борца... Ради своего сельского уединения он покинул ряды передовых борцов, оставаясь истинным мыслителем и одним из великих освободителей, стоящих в преддверии немецкого социализма».

В «Истории немецкой социал-демократии» Ф. Меринг рассказывает: «стремительная сила увлекательного языка Л. Фейербаха действовала после сухого тумана гегельянства, как бьющая ключом жизнь».

Л. Фейербах, по словам Ф. Меринга, «поднял материализм из праха». И только один крупный пробел имелся в философии Л. Фейербаха, по мнению Меринга: она не дошла до понимания того, что материализм есть не только естественная, но и общественная наука.

Фейербахианские симпатии Ф. Меринга сказались и на оценке им философского развития Маркса и Энгельса.

«С гуманизма Фейербаха, — пишет Ф. Меринг, — начал Маркс критику гегелевской «философии права», и им закончил Энгельс свою критику Карлейля».

Ф. Меринг указывал в «Литературном наследстве», что К. Маркс, несмотря на все оговорки, попал под сильное влияние Л. Фейербаха, причем, по мнению Меринга, особенно это влияние сказалось в «Немецко-французских ежегодниках». Меринг писал: «Та самая осязательная действительность, которую Фейербах выдвинул с поразительной мощью против гегелевской бесчувственной реакции, возбудила в К. Марксе сомнения в гегелевской философии» и сумела, как полагает Ф. Меринг, на некоторое время сделать его феербахианцем. Но социологическая концепция Л. Фейербаха «с убогим рассуждением о государстве» не смогла удовлетворить К. Маркса.

Здесь нет необходимости доказывать переоценку Ф. Мерингом влияния Л. Фейербаха на К. Маркса. И характерно, что сам же Меринг, помимо политической беспомощности Л. Фейербаха, подчеркивает также другое, очень существенное, отличие марксизма от феербахианства. «В отношении диалектики, — пишет он, — Маркс глубже Фейербаха. Фейербах, отвергнув гегелевскую философию, отбросил ее в сторону, как совершенно не стоящую внимания вещь. Маркс же, как хороший диалектик, знает, что

для того, чтобы изжить известную стадию исторического развития, недостаточно простого отрицания ее».

Поэтому Маркс и Энгельс вовсе не ограничились «шагом вперед» в деле достройки феербаховского материализма, «обосновав науку об обществе», как думал Ф. Меринг, а создали диалектический материализм как философию революционного пролетариата и метод научного исследования.

Нужно сказать, что феербахизанское влияние на многих с.-д. теоретиков было интернациональным явлением. Даже на Плеханове сказалось, и достаточно сильно, это влияние, хотя сам Плеханов в одном месте и заявил, что «он не совсем согласен с Мерингом в оценке Фейербаха». Однако это «не совсем» шло у Меринга и Плеханова больше за счет спинозистских симпатий последнего в вопросе о всеобщей одушевленности материи. Ф. Меринг и Плеханов сошлись, переоценивая роль феербахизанского влияния на К. Маркса. Ф. Меринг и Плеханов явились авторами теории «трехфазной» линии философского развития К. Маркса и по существу превратили марксизм в соединение исторического материализма с материализмом Л. Фейербаха и диалектическим методом Гегеля. При этом, если Ф. Меринг откровенно заявлял о своих феербахизанских симпатиях, то Плеханов свой тезис «гносеология Маркса и есть гносеология Фейербаха» старался прикрасить искажением взглядов Энгельса о Л. Фейербахе. Переводя «Людвига Фейербаха» Энгельса на русский язык, Плеханов ясное утверждение Энгельса, что «дальнейшее развитие феербахизанской точки зрения, выводящей за пределы философии Фейербаха, начато было К. Марксом в 1845 г. в «Святом семействе», упростил таким образом: слова «выводящее за пределы Фейербаха» он совершенно выбросил, а «дальнейшее развитие» переделал в «дальнейшую разработку».

В рядах самой социал-демократии главный водораздел философской борьбы проходил тогда в плоскости борьбы с идеализмом вообще и социал-демократическим неокантианством в особенности. Это и являлось главным фронтом политической и философской борьбы за революционный марксизм.

В этой борьбе с идеализмом вообще и с неокантианством в частности; кроме марксизма, естественно-научный ма-

териализм Л. Фейербаха был в руках Ф. Меринга почти единственным философским оружием из буржуазно-материалистического наследства, которое могло быть им использовано для борьбы с идеализмом за материализм.

Бюхнер, как мы знаем, отрицал значение философии, заменяя ее вульгарно-материалистическим объяснением природы и общества. Лозунг современных механистов «естествознание—само по себе философия» ведет свое происхождение от вульгарно-материалистических принципов Бюхнера и др. Своим отрицанием необходимости философии для естествознания вульгарные материалисты прикрывали только ползучий эмпиризм своей теории познания, сводили на-нет роль рациональной обработки данных чувственного опыта, биологизировали общественные закономерности и наполняли свой «материализм» заведомыми субъективно-идеалистическими принципами (Молешотт). Этим они лили воду на мельницу идеалистов, и их буржуазный атеизм часто давал совершенно противоположные результаты.

Механистическая трактовка материи приводила наряду со словесным признанием объективного существования материи к абстрактному формально-логическому пониманию материи, что служило козырем в руках идеалистов. Вульгарно-материалистическое понимание материи, отрицание качественного ее своеобразия толкало философскую мысль на путь идеалистического понимания качественного разнообразия природы. Таким образом обратной стороной вульгарного материализма был субъективный идеализм в теории познания.

Диалектический метод Бюхнер считал простой игрой слов. Отрицая натурфилософию, Бюхнер сам остался на почве натурфилософского материализма. Фейербах и особенно Ф. Меринг стояли на голову выше вульгарных материалистов. Последние могли быть—и были—только временными и ненадежными философскими попутчиками в борьбе с разгулом идеалистической реакции и клерикализма.

Однако большой политической и философской ошибкой Ф. Меринга как марксиста была его попытка в противовес «неокантианским партийным умам и идеалистическим ухищрениям» узаконить некритическое отношение к естественно-научному материализму. Это обстоятельство, ра-

зумеется, имело свое историческое объяснение: это не критическое отношение шло от феербахского отрицательного отношения к диалектике природы.

Особенно ярко видна колоссальная разница между Ф. Мерингом и вульгарными материалистами при анализе его взглядов на философскую роль естествоиспытателя Геккеля, современника Ф. Меринга и «владельца дум» естественно-научного радикализма.

Известно, что Геккель решительно и всесторонне защищал теорию Дарвина и последовательную перестройку ботаники и зоологии на эволюционной основе, будучи блестящим пропагандистом учения Дарвина о происхождении человека. Он пытался подвести философский фундамент под свои естественно-научные взгляды, останавливаясь на кардинальнейших проблемах философии: идеализм и материализм, витализм и механицизм, детерминизм и общественные закономерности, наука и религия.

Однако Геккель при решении им «мировых загадок» стал на неправильные позиции. Геккель позитивистски хотел стать выше материализма и идеализма и, отвергнув основной вопрос всякой философии и разделение философов на два лагеря, объявил себя сторонником философского монизма в духе гетевского спиритизма.

В основу своего монизма Геккель положил «единство силы и материи», считая это единство «универсальной мировой загадкой». Оно подчиняется, по его мнению, закону сохранения энергии и вещества, обнаруживая всюду всеобщую механическую причинность всех вещей и явлений. Основными элементами бытия являются, как мыслит Геккель, одушевленные атомы. Всеобщим законом мира, по Геккелю, является «закон механической причинности». Несмотря на то, что Геккель дошел только до механического понимания движения материи, тем не менее его естественно-научные взгляды были для его времени могучим оружием в борьбе против клерикализма. Открыто бичуя религиозное мракобесие и призывая прогнать «деспотических паразитов—разбойников-князей и разбойников-рыцарей, помещиков и попов», Геккель вызывал глубокую ненависть правящих классов и поддержку представителей пролетариата.

Но политическая позиция Геккеля находилась в рез-

ком противоречии с революционными взглядами пролетариата. Он был сторонником объединения Германии во что бы то ни стало, и когда Бисмарк это проделал, Геккель превратился в его горячего поклонника. В «культуркампфе» «железного канцлера» он увидел осуществление своих политических идеалов. Геккель был принципиальным врагом научного социализма. Под влиянием империалистической политики немецкой буржуазии Геккель, сторонник буржуазного пацифизма и идей Соединенных штатов Европы, превратился во время империалистической войны в шовиниста, ура-патриота, требовавшего войны до победного конца, тогда как его довоенная научно-общественная деятельность в той или иной мере была насыщена буржуазным радикализмом, облегчавшим пролетариату атаку философской, церковной и школьной реакции. Поэтому-то, ведя борьбу с геккелевским монизмом и социологическим дарвинизмом, Энгельс и Ленин, а также К. Либкнехт и Ф. Меринг отмечали и положительные заслуги Геккеля. При этом естественно-научный материализм Геккеля безусловно оказывал на Ф. Меринга в части естественно-научной (трактовка эволюционной теории Дарвина) свое влияние.

Когда вышли «Мировые загадки» Геккеля, Ф. Меринг в «*Neue zeit*» рассматривал эту книгу как попытку примирения философии и естествознания.

Все острие меринговской критики направлено не против антидиалектической методологии Геккеля в области естествознания, а против его претензий рассматривать общество с точки зрения механической причинности и против реакционно-политических выводов Геккеля.

«Естественно-научный материализм должен вырасти до исторического материализма,—писал Ф. Меринг,—чтобы действительно стать его неотъемлемым оружием в великой борьбе за освобождение человечества».¹

Ф. Меринг вскрыл противоречивость естественно-научного материализма во взглядах на природу и общество. Он ярко продемонстрировал, как Геккель, борясь с богом, в то же время воспевал Бисмарка как величайшего государственного деятеля.

На примере с Геккелем Ф. Меринг разъяснял социал-демократической партии колоссальную разницу между

историческим материализмом и просто естественно-научным материализмом.

«Геккель, — говорит Ф. Меринг, — перенес законы природы на общество»; вследствие этого буржуазный атеизм Геккеля покоится не на классовом анализе религии, а на объяснении ее происхождения и влияния только человеческой глупостью. Естественно-научный материализм таким образом лишней раз обанкротился в решении общественных явлений. Но из этого совершенно не следует, по мнению Ф. Меринга, что работы Геккеля вредны для пролетариата.

В своей статье «О мировых загадках» Ф. Меринг таким образом отвергает установки естественно-научного материализма в области общественных отношений, хотя и соглашается с механицизмом в естествознании.

Если Маркс и Энгельс, писал Меринг, по тому или иному поводу и говорили об абстрактной односторонности механического и естественно-научного материализма, то это они делали всегда лишь для того, чтобы обосновать необходимость исторического материализма.

В статье «Дицген, Мах и исторический материализм» Ф. Меринг очень подробно развил эту свою мысль. Он приходит к неверному выводу, что «методы, которыми приходится действовать при изучении тех и других (наук), совершенно различны, так как законы развития истории и природы совершенно различны».

Таким образом вместо рассмотрения природных и общественных явлений в их диалектическом единстве Ф. Меринг отдал по сути дела дань риккертланству, т. е. разделению наук на два независимых ряда, и объективно оставил таким образом лазейку для механистической ревизии марксизма в области естественных наук.

«Удары, направляемые на механистику, — писал он, — не попадают в цель... Механический материализм... является принципом научного исследования»¹.

Всякая борьба с механистами-естественниками, по Ф. Мерингу, «отсылает людей из области научного мышления в область суеверия, в котором хозяйничают черти австралийских негров, философия бессознательного и психизм неоламаркистов».

¹ «Нейе цейт», кн. 18, 1900 г., стр. 2.

«В сфере естествознания,—писал Ф. Меринг,—механический материализм является принципом научного исследования, каким в области общественных наук является исторический материализм».

Эта установка была по сути дела сдачей марксистских позиций механицизму. Ф. Меринг придавал очень большое значение научно-философской эволюционной теории, но он все-таки оставался прежде всего историком и политиком. Слишком мало знакомый с естествознанием, он, выступая как философский судья в борьбе различных направлений в вопросах естествознания, по существу примиренчески относился к механистам-естественникам.

Ф. Меринг пропагандировал эволюционную точку зрения в биологии, смотря сквозь призму механо-ламаркизма. Он с удовлетворением подчеркивал, что Ламарк был механистом, и поэтому идеализм неоламаркистов не имеет якобы ничего общего с Ламарком.

Однако последовательный механицизм неизбежно связан с признанием существования бога как первого толчка; мы это признание встречаем у Ньютона, Ламарка и др. Ф. Меринг знал это, но он не считал признание существования бога Ламарком и другими механистами слишком опасным для науки, так как бог Ламарка, по мнению Ф. Меринга, был похож скорее «на старика-пенсенера, который не смеет сдвинуть с места даже самое маленькое колесико в своем творении, в котором все совершается по механическим законам».

Односторонняя, некритическая защита естественно-научного материализма Ф. Мерингом привела последнего к непониманию диалектического материализма в области естествознания и открыла дорогу для механистической ревизии марксизма; эти механистические срывы у левых из немецкой социал-демократии носили далеко не случайный характер.

Так, Р. Люксембург такого рода механистическую ревизию марксизма развернула в области политической экономии, а К. Либкнехт сделал немало ошибок в области исторического материализма.

Но в защите Ф. Мерингом естественно-исторического материализма имелась тем не менее и положительная сторона, за которую хвалил его в 1908 г. Ленин.

Ф. Меринг очень хорошо видел, что среди врагов естественно-исторического материализма, и Геккеля в частности, больше всего имеется махровых идеалистов, махистов, неокантианцев, теологов и др. Все они приходили в испуг даже от стихийного материализма естественников, подозревая в нем попутчиков и союзников революционного философского материализма Маркса и Энгельса.

Наряду с революционной, марксистско-ленинской, диалектико-материалистической критикой естественно-научного материализма в эпоху империализма существовала и критика, исходящая от Маха, Авенариуса, Петцоляда, Вилли и других идеалистов. Последние на словах воевали с «метафизикой естественно-научного материализма», но вся их борьба, по замечанию Ленина, была «сплошным обскурантизмом и самой отчаянной реакционностью». Ф. Меринг это очень хорошо понимал, защищая естественно-научный материализм, сам попадая в плен к механистическому материализму. Ленин, выступая против идеалистических «борцов» с естественно-научным материализмом, защищая признаваемые естествоиспытателями объективную реальность материи, времени, пространства, закономерность в природе, одновременно боролся с механистической ревизией марксизма, доказывая универсальность диалектического материализма, его значение не только для исторического материализма, но и для естествознания.

Поэтому Ленин, критикуя с позиций диалектического материализма Геккеля, в то же время резко выступает против тех идеалистов и «профессоров философии и теологии различных стран света, которые принялись на тысячи ладов разносить и уничтожать Геккеля, у которых загораются глаза и розовеют щеки от тех пощечин, которых надавал им Эрнест Геккель».

Ленин прекрасно понимал слабые стороны естественно-научного материализма, его механицизм и всю нелепость положения самого Геккеля, который субъективно отрекался от материализма и выдумывал даже свою религию, отстаивая принципиальный союз науки с религией, но «все это тем более вычурно выставило общий дух его книжки, неискоренимость естественно-исторического материализма, непримиримость его со всей казенной профессорской фило-

софией и теологией, несмотря на все его шатания и колебания».

В свете этих ленинских установок будет совершенно понятна историческая заслуга Ф. Меринга, который в 1899—1900 гг. смело взял под защиту Геккеля, противопоставляя его неокантианцам и махистам.

Поэтому-то Ленин, положительно оценивая эту позицию Ф. Меринга, называет его в последней главе «Материализма и эмпириокритицизма» «не только желающим, но и умеющим быть марксистом» и ссылается при этом на целый ряд положительных отзывов Ф. Меринга о Геккеле.

«Пусть прочтет книгу Геккеля («Мировые загадки». — А. Г.) тот, — говорит Ф. Меринг, а с ним соглашается и Ленин, — кто хочет руками осознать эту неспособность (естественно-исторического материализма следить за общественными вопросами. — Г.), кто хочет проникнуться сознанием того, насколько необходимо расширить естественно-научный материализм до исторического материализма, чтобы сделать его действительно непреодолимым оружием в великой освободительной борьбе человечества».

Однако справиться с этой задачей в эпоху империализма удалось только Ленину и Сталину. Меринг же, этот «лучший» из философов, так и остался в области естествознания на позициях феербаховского материализма, которые в антиленинском лагере являлись лазейкой для механистической ревизии марксизма-ленинизма.

ГЛАВА IV

Ф. МЕРИНГ КАК ДИАЛЕКТИК. ЕГО ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ И ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

«Отрицающий диалектический метод не может называть себя марксистом».

Ф. Меринг, О теории и практике марксизма.

По вопросу о предмете марксистской философии теоретики немецкой социал-демократии вообще, и представители ее левого течения в частности, не соглашались с четкой установкой Маркса и Энгельса.

Учение Маркса и Энгельса, как прекрасно сформулировал Ленин, есть «...законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»¹.

Материалистическая диалектика, как это подробно обосновал Энгельс в «Людвиге Фейербахе», представляет собой «не только метод изучения природы и общества, но и науку об общих законах движения во внешнем мире и человеческой мысли».

Говоря о конце буржуазной философии с момента появления диалектического материализма, Энгельс, а затем Ленин одновременно подчеркивали великое революционное значение марксистской философии для пролетариата.

Теоретики же II Интернационала в противоположность большевикам-ленинцам ревизовали марксистско-ленин-

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 349.

скую установку по вопросу о предмете марксистской философии, о содержании диалектического материализма. Они отрицали значение марксистской философии как науки и отрывали теорию от практики марксизма. Так, Каутский в июньской книжке «Дер кампф» за 1909 г. писал: «Я под марксизмом не понимаю никакой философии, но только эмпирическую науку и особое понимание общества. Маркс не создавал никакой философии, но возвестил конец всякой философии». Здесь мы видим у «теоретика» II Интернационала откровенную ревизию марксистского взгляда на самостоятельное значение марксистской философии как науки и сведение ее только к методу и эмпирическим наукам. С каутскианским отрицанием марксистско-ленинской философии переплетались вначале и половинчатые заявления левых социал-демократов о создании философии марксизма, хотя теоретические взгляды их и резко отличались от каутскианства.

Эта точка зрения левых оказывала некоторое влияние и на Ф. Меринга.

Ф. Меринг в 1908 г. писал: «Мы не придерживаемся того взгляда, что может существовать одна истинная теоретическая философия, а признаем за всякой теоретической философией какую-нибудь истину, но всегда истину только условную. Ни одна из них не может быть окончательной истиной в последней инстанции... Мы прославим тот день, когда Маркс отойдет в прошлое, как некогда отошли в прошлое Гегель и Рикардо. Но возврат от Маркса к кому бы то ни было ведет в «болото бестолковщины», и туда мы не пойдем».

Что же служило причиной для такого единого фронта немецкой социал-демократии в борьбе с признанием диалектического материализма как самостоятельной и единственной пролетарской философии?

Конечно, дело не только в ошибочном понимании известного замечания Маркса и Энгельса «о конце философии», так как не требуется особенной глубины, чтобы понимать, что дело у них идет о конце буржуазной философии. Отрицание самостоятельного значения философии являлось результатом влияния идейно-философских буржуазных и мелкобуржуазных влияний на немецкую социал-демократию вообще и на ее левое крыло в частности. Это влия-

ние шло из трех источников: одним из них было неокантианство, другим—механицизм и третьим—фейербахианство. Кант, который свел в свое время предмет философии только к гносеологии, оказал либеральной буржуазии большую философскую услугу в борьбе с средневековой схоластикой. Но неокантианство превратилось с середины XIX в. в оплот для борьбы против диалектического материализма и в источник буржуазного влияния на оппортунистическую часть «теоретиков» II Интернационала. Марксистское решение основной философской проблемы, признании объективности материи, времени и пространства и познаваемости внешнего мира, диалектико-материалистическая теория познания и логика—все это, разумеется, шло вразрез с кантовской философской традицией. Поэтому совершенно естественно возникла ожесточенная идеологическая борьба между неокантианскими теоретиками буржуазии и теоретиками революционной части немецкой социал-демократии. В результате этой борьбы в специфических условиях «мирного развития капитализма обнаружился в правом лагере немецкой социал-демократии отказ от теории и практики марксизма и открытый призыв назад к Канту и Ланге» (бернштейнианство), с одной стороны, с другой же, возникло каутскианское позитивистское отрицание всякой философии в марксизме, которое услужливо расчищало путь для любой буржуазной философии. Установка левых вела к «применению диалектики наполовину», к попытке свести марксизм только к историческому материализму и заменить, например, диалектику природы фейербахианством, а методологию—диалектикой Гегеля и Лассалья. Немецкие левые социал-демократы, выражая взгляды наиболее революционной части рабочего класса, были в основном против неокантианского (бернштейнианского) понимания философии марксизма, однако они в этом вопросе испытывали на себе самих влияние буржуазной идеологии. Это влияние, как уже было сказано выше, исходило, с одной стороны, от Л. Фейербаха, а с другой стороны, от Лассалья. И тот и другой отрицательно отнеслись к философии немецкого либерализма (кантианство) и к филистерству ее эпигонов, но в то же время они были и против диалектического материализма как самостоятельной философии пролетариата.

Философская связь марксизма с немецкой классической философией мыслилась Ф. Мерингом следующим образом: К. Маркс взял диалектический метод Гегеля, отбросил идеалистическую систему его и соединил диалектический метод Гегеля с материализмом Л. Фейербаха. Самостоятельно же К. Маркс, по Ф. Мерингу, создал таким образом лишь исторический материализм.

Таким образом предметом марксизма, по Ф. Мерингу, являлся, собственно говоря, только исторический материализм, философия же как наука теряла право на существование, заменяясь последними выводами естественнонаучного материализма.

Что же представляет собой философия Гегеля? Ф. Меринг в этом отношении много раз развивал мысль Маркса, высказанную последним в «Святом семействе», что в системе Гегеля существуют три элемента: спиновская субстанция, фихтеанское самосознание и гегелевское необходимо противоречивое единство обоих—абсолютный дух. Объективного значения за абсолютным духом Ф. Меринг конечно не признавал.

Ф. Меринг гораздо глубже Л. Фейербаха понимал великое историческое значение гегелевской диалектики. «Нельзя ослепляться реакционной формой диалектики Гегеля и просмотреть ее революционное содержание»,— писал Ф. Меринг.

Ф. Меринг считал, что философия Гегеля имеет значение не в плоскости теоретико-познавательной, а главным образом в области анализа общественно-исторического процесса. «Так как нелегко впрячь в ярмо понятий исторические факты, то Гегель приходит и к гениальному возвращению на общую связь истории человечества...»¹

Переоценивая значение философии Гегеля для исторических взглядов К. Маркса, Ф. Меринг писал: «Из философии Гегеля зародился и научный коммунизм...», а Марксу и Энгельсу оставалось только, по Ф. Мерингу, находить «диалектическую связь в действительном ходе истории, указанную Гегелем».

Переоценивая значение гегелевской философии в вопросах истории, Меринг недооценил ее значение в есте-

¹ Ф. Меринг, История Германии, стр. 146.

ственно-научной области, тогда как Маркс, Энгельс и Ленин придавали большое значение гегелевской философии в борьбе против метафизики XVII и XVIII вв.

Из «Диалектики природы» Энгельса и из переписки Энгельса с Марксом мы знаем, как высоко ценил Энгельс Гегеля и в области естественно-научной методологии. Историческое значение философии Гегеля, давшего развернутый бой естественно-научному механицизму—ньютонизму, не требует доказательства: оно общеизвестно. Конечно, стоя на идеалистической основе, Гегель не мог диалектико-материалистически разрешить проблемы, связанные с критикой механицизма XVII—XVIII вв., все же это не дает права умалять роль для естествознания диалектики Гегеля, как это делал Ф. Меринг. Однако Ф. Меринг никогда не третировал Гегеля и его диалектику, как это делали многие. Маркс и Энгельс стяжали значение мыслителей, создающих эпоху в истории мысли потому только, писал он, что они «прошли школу немецкой философии»¹.

Высоко ценя метод Гегеля, Ф. Меринг (и в этом его специфическая особенность) так же, если не выше, ценил и предшественника Гегеля—Фихте (1762—1814 гг.) за революционную насыщенность его философии. Это не случайно. Ф. Меринг, как известно, переоценивал Лассаля, а диалектика Лассаля носила, особенно в последний период его деятельности, яркую фихтеанскую окраску.

Бесспорно, что Ф. Меринг в некоторых вопросах подходит правильно к оценке гегелевской философии, но рассматривание К. Маркса только как ученика Гегеля говорит о том, что Меринг не понял критической переработки Марксом гегелевской философии при создании материалистической диалектики.

Ф. Меринг очень высоко ценил Фихте за ту особенность его философии, что он сумел обойтись без абсолютного духа. «У него нет никакого бытия, существует только деятельность воли». Вот этот волюнтаризм, а также страстная борьба Фихте за национальную независимость Германии подкупали и Лассаля и Ф. Меринга.

¹ «Неее цейт», год изд. 18, кн. 2, стр. 2.

В то время как Гегель третировал чернь, Фихте выставлял очень революционный лозунг: «Люди тем хуже, чем выше их сословие». Ф. Меринг понимал всю утопичность фихтевской попытки «силой собственного духа пересоздать целую нацию», но в то же время считал этот философский геропзм настолько более высоким по сравнению с кантианством, насколько «политическая революция отличается от эстетической культуры Шиллера».

Наряду с политическими симпатиями «к революционному философу—сыну ткача» (Фихте) Ф. Меринг имел и философские основания поставить Фихте рядом с Гегелем. Ему казалось, что отрицание значения гегелевской системы сближает сторонников диалектики Гегеля с фихтеанством, устраняет пропасть между субъективным идеализмом Фихте и объективным идеализмом Гегеля и делает диалектику Гегеля последовательно-революционной.

Поэтому при характеристике гегелевского наследства Ф. Меринг всегда давал высокую оценку фихтеанству. Конечно он был далек от того, чтобы превратить Фихте как автора теории «замкнутого торгового государства» в социалиста, он правильно считал политические взгляды Фихте идеалом «старопрусского государства, устроенного по требованию буржуазного разума»; однако «манера третировать Фихте и Гегеля, как «дохлых собак», меньше всего пришлось бы Марксу «по вкусу»,—писал Ф. Меринг.

Кант не выдерживает никакого сравнения с Фихте, не раз подчеркивал Меринг.

Ф. Меринг, как и Лассаль, отмечал у Фихте его революционную настроенность. Фихте пламенными речами к немецкому народу заглашал дробь французских барабанов, зажигая молодежь и указывая для Германии, находившейся в тяжелом положении, только один выход—революционный. Смотрите на Фихте, как бы говорит Ф. Меринг, вот как должна у философов совпадать их революционная философия с революционным действием! И когда «Немецкое философское общество», оскандалившееся союзом с прусскими юнкерами, вздумало спекулировать на памяти Фихте, ознаменовать его юбилей и выделило для реализации своих планов матерого представителя прусской бюрократии Бюлова, Ф. Меринг поднял гневный голос протеста. В бичующей сатирической статье «О праве

на революцию» Ф. Меринг разоблачил эту авантюру буржуазных эпигонов и напомнил о глубокой непримиримости классической немецкой диалектики с теми порядками, которые насаждало прусское юнкерство.

Основная ошибка Ф. Меринга в оценке гегелевского философского наследства заключалась в том, что он почти отождествлял диалектический метод Гегеля и Лассалю с материалистической диалектикой К. Маркса, не ставя перед собой задачи выяснить, чем же в конечном счете отличается диалектический метод К. Маркса от метода Гегеля.

Вместо ответа на этот вопрос мы можем найти у Ф. Меринга лишь восторженные отзывы о Гегеле и Лассале: «Гегель принадлежал к числу самых ученых людей всех времен. Его понимание истории (заметьте, только истории.—А. Р.) было очень глубоким, несмотря на то, что оно окрашено в цвет чистейшего идеализма»¹. Сказать так—значит отказаться дать марксистскую оценку гегелевскому наследству.

В полемике с Бернштейном Ф. Меринг писал, что «действительный камень преткновения, о который спотыкается Бернштейн, это его неспособность понять диалектический процесс»². «Отрицающий диалектический метод,—пишет он,—не может называть себя марксистом»³.

Однако понимание материалистической диалектики Ф. Мерингом в этот период (1897—1898 гг.) было очень ограниченным. Одна из догм II Интернационала—«отрыв теории от практики»—еще оказывала на Ф. Меринга большое влияние. Вместо того чтобы выяснить отличие марксова учения о пролетарской революции и диктатуре пролетариата от бланкистского авантюризма, Ф. Меринг поспешил в полемике с Бернштейном отмежеваться от самого учения о беспредельной творческой силе революции и от идеи насильственного переворота. В этом сказывалась лассальянская традиция, в силу которой «революция—некверху поднятые вилы... Право должно быть выше силы».

Ф. Меринг писал: «Немецкая социал-демократия никогда не выводила своей тактики из необходимости

¹ Ф. Меринг, К. Маркс, стр. 105.

² Ф. Меринг, О теории и практике марксизма, изд. «Основа», 1934 г.

³ Там же.,

насильственного переворота. Она всегда исходила из точки зрения мирного развития»¹.

Таким образом у Ф. Меринга, когда он еще солидаризировался в основных вопросах с К. Каутским, мирно уживалось теоретическое признание диалектического закона перехода количества в качество с практическим отрицанием неизбежности революционного переворота, т. е. обнаружился в известной степени тот отрыв теории от практики, с которым всегда боролся революционный марксизм-ленинизм. Бомбардируемый настойчивыми требованиями социал-демократов, неокантианцев, дать ответ о теоретико-познавательной стороне марксизма, Ф. Меринг сводил философию только к методу или же уклонялся от положительного ответа на этот вопрос. Когда заходила речь о диалектике как теории познания, он предлагал лишь в процессе практики учиться диалектике. Это, разумеется, вызывало ряд теоретико-познавательных ошибок.

Ф. Меринг не понял того, что критерий практики в теории познания совершенно не исключает, а, наоборот, предполагает теоретико-познавательную разработку материалистической диалектики.

В этом отношении он солидаризируется с П. Лафаргом: «Когда Лафарг писал с насмешкой о тех марксистах, которые, прежде чем применять марксистский метод, хотят убедиться в том, что он представляет собою нечто совершенное, мы вполне согласны с ним... Мы могли бы сравнить таких марксистов с людьми, которые сначала на берегу проделывают плавательные движения в воздухе для того, чтобы, прежде чем попасть в воду, убедиться в том, что они умеют плавать». Здесь мы видим у Ф. Меринга одностороннее понимание критерия практики, превращающееся в недооценку самой теории марксизма.

Таким образом Ф. Меринг, учтя существовавший у него в домарксистский период разрыв между словесным признанием диалектики и практическим неумением ее применять, став марксистом, перегнул палку в другую сторону, умаляя самостоятельное значение теоретической философской выучки для успеха революционной практической деятельности.

¹ Ф. Меринг, О теории и практике марксизма, стр. 34—45.

У Ф. Меринга совершенно выпадал и вопрос о необходимости теоретической разработки проблем материалистической диалектики применительно к новым условиям эпохи.

Тем не менее многие указания Ф. Меринга о диалектическом методе все же сохраняют свою актуальность и до сих пор.

Одно из таких указаний заключается в предостережении от использования диалектического метода в качестве шаблона, без учета конкретной обстановки.

Ф. Меринг писал: «Научным методом могут пользоваться и как ненаучным шаблоном; это большая опасность, от которой предостерегал особенно Энгельс»¹.

Меринг также боролся с философским гелертерством, с той лжеученостью, которая по существу маскирует теоретическое убожество мысли. «Совсем немаловажной заслугой Маркса и Энгельса,—писал Ф. Меринг,—является то, что они освободили нас от философского жаргона, который в свое время процветал, но который кажется чем-то допотопным в сочинениях марксистов...»

Несмотря на высокую оценку, которую Меринг дал диалектике в диалектическом материализме, он все же не сумел применить ее в борьбе с идеализмом.

Фейербахианский эмпиризм казался Ф. Мерингу лучшей страховкой от идеализма. «При всем нашем уважении к диалектике,—писал Ф. Меринг,—реальные познания без диалектики нам кажутся более ценными, чем диалектика без реальных познаний».

На этом основании Ф. Меринг «человека реальных познаний», Маха, например, ставит в один ряд с Марксом, не переставая иронизировать над «диалектическими очками познания Дидгена». Однако нужно сказать, что Ф. Меринг в своей недооценке роли теории познания марксизма все же никогда не опускался до ползучего эмпиризма вульгарных материалистов.

Не может быть никакого сравнения «между материализмом Карла Маркса и Карла Фогта, с грубочувственными утверждениями последнего о выделении мысли из мозга, как желчи из печени»,—писал Меринг.

Являясь в основном и в теории познания все же не-

---

¹ Ф. Меринг, Эпигоны.

последовательным материалистом и иногда попадая в плен к неокантовцам, Ф. Меринг в своих высказываниях по теоретико-познавательным вопросам очень часто разрывал единую основу теоретико-познавательной сущности философии Маркса и Энгельса (логику, диалектику и теорию познания) и считал возможным параллельное существование в марксизме феербаховского материализма и даже теории познания Фейербаха и диалектики Гегеля. Однако антисторизм материализма и теории познания Л. Фейербаха, вообще созерцательный характер его философии находились в вопиющем противоречии с присоединенным к ней Ф. Мерингом диалектическим методом. Для Ф. Меринга феербахизм означало его радикальный разрыв с идеалистической концепцией лассальянской философии и бесповоротный переход на материалистические позиции. Это обстоятельство в эпоху массового увлечения неокантовством и вульгарным материализмом и разными другими антимарксистскими течениями мы должны рассматривать как положительное явление в философской эволюции Меринга.

Л. Фейербах, как известно, не был ползучим эмпириком и вульгарным материалистом, так как у него чувства не сами по себе, а лишь в единстве с мышлением дают человеку истинное познание.

Но коренное отличие феербаховской философии от марксизма заключается в антисторизме и созерцательности этой философии. Антропологизм Л. Фейербаха был совершенно недостаточен для понимания диалектико-материалистической трактовки теории человеческого познания, для устранения разрыва между теорией и практикой при ведущем значении в познании революционной практики.

Если по части феербаховских влияний на Ф. Меринга дело обстояло не совсем благополучно, то гораздо яснее последним осознавалась необходимость размежевки марксизма с критицизмом Канта, хотя и здесь мы видим у Ф. Меринга «срывы». Свое отношение к критической теории познания Канта Ф. Меринг изложил в юбилейной статье «Иммануил Кант».

В ней Ф. Меринг рассказывает о гносеологической эволюции Канта, а именно: о переходе последнего от догматической философии под влиянием критицизма Юма

к собственному теоретико-познавательному критицизму. Однако в оценке Канта Ф. Меринг по многим вопросам исходил из установок неокантианцев и в частности Ланге. Предпосылка критической теории познания, по мнению Ф. Меринга, «ее основная идея, что мы познаем вещи не такими, какими они являются по существу, но такими, какими они представляются нашим чувствам, была высказана французскими материалистами и вообще по существу своему принадлежит материалистической философии». Это обвинение французских материалистов в агностицизме безусловно неверно; кроме того такое «усуи-вление» неокантианской теории познания явилось не только философским выражением политической компромиссности радикальных кругов, к которым так недавно принадлежал Меринг, но и непосредственным влиянием «материализма» Ланге на Ф. Меринга.

Известно, что Ланге превратил французских материалистов в предшественников Канта и совершенно неверно отождествлял энгельсовскую трактовку теории познания с кантианской.

Именно по следам Ланге и шел в этом отношении Ф. Меринг. Только впоследствии, изучив материализм Л. Фейербаха и основательно поработав над «Людвигом Фейербахом» и «Анти-Дюрингом» Энгельса, Ф. Меринг сумел сделать совершенно правильный вывод о том, что марксизм не может стать на позиции теории познания Канта как теории «вневременной», идущей против «принципа развития в природе и обществе».

И опять-таки достойно внимания, что, в борьбе с теоретико-познавательным решением проблемы познания марбургской неокантианской школы и в борьбе с Штаудингером, Ф. Меринг вместо того, чтобы доказать полную противоположность неокантианского гносеологизма марксизму, в целом ряде мест вступает на эклектический, неверный путь сглаживания непроходимой пропасти между ними. Что касается познания «вещи в себе» Канта, то Ф. Меринг утверждал, что «Энгельс своим взглядом, обостренным на исторических горизонтах, не разглядел драгоценной паутины у Канта»¹.

¹ «Нейе дейт», кн. 1, 1904 г., стр. 658.

В чем же эта «драгоценная теоретико-познавательная паутина» кантианства?

В статье «Кант и Маркс» Ф. Меринг следующим образом развивает эту мысль: «Когда Коген и Штаудингер (неокантианцы) считают «вещь в себе» не иксом сомнительной загадки, а иксом бесконечного уравнения, которое нам предстоит решить в процессе идущего вперед исследования, они переходят от Канта к Энгельсу»¹.

Такая точка зрения Меринга являлась, разумеется, недопустимой теоретико-познавательной уступкой не только неокантианству, но и махизму.

Прекрасно конечно зная, что Энгельс отрицательно относился к критической теории познания, Меринг не считал справедливой резкую оценку ее Энгельсом. Ф. Мерингу казалось, что некоторые социал-демократы неокантианцы в конце концов сумеют преодолеть кантовский дуализм и приблизиться к теории познания марксизма. «Энгельс,—писал Ф. Меринг в 1910 г.,—отнесся к Канту несправедливо, назвав всю теорию Канта философским чудачеством. Последняя хоть и является теоретическим недонеском, однако Энгельс усматривал в ней «умничанье» не совсем там, где оно на самом деле было»².

Правда, в другой статье—«Кант и Спиноза», Ф. Меринг это сплетение кантианства с марксизмом считал незначительным.

«Нити, соединяющие Канта с современным материализмом,—писал он,—очень тонки и немногочисленны, хотя мы не склонны отрицать их наличия вообще». Будучи материалистом, Ф. Меринг в целом ряде мест доказывает познаваемость «вещи в себе», что шло вразрез с его другими утверждениями об абсолютном релятивизме познания. При этом аргументация Ф. Меринга в таких случаях сводилась к следующим доводам: вещь всегда имеет свойства для кого-нибудь, и с этого момента она перестает быть вещью в себе и становится вещью для нас. Ф. Меринг подчеркивал, что, «как только представление о дереве совпадает со свойствами, которые оно для нас имеет, вопрос для человеческого мышления оказывается исчерпанным».

¹ Ф. Меринг, Кант и исторический материализм.

² «Нейе цейт», кн. 1, 1908 г.

Эклектический характер теории познания Ф. Меринга отчетливо виден хотя бы из трактовки им проблемы качества и свойства. Ф. Меринг не видел разницы между свойством и качеством. Качественное разнообразие мира он сводил лишь к свойствам. В этом вне всякого сомнения сказалось антидиалектическое отождествление свойства с качеством, имевшее место у Л. Фейербаха и Ланге.

Свою совершенно недостаточную разработку вопросов марксистской философии Ф. Меринг объяснял тем, что борьба с ревизионизмом отнимала у него все его время.

В статье, посвященной двадцатилетию «*Нейе дейт*», он писал: «Мы лучше будем придерживаться старой истины, чем стремиться осчастливить людей мировой глупостью»¹. Его не устрашала кличка «эпигона», как квалифицировали дальнейшую разработку философии ревизионисты, но, по его словам, «действительно плодотворной и действительно прогрессивной критике духовного наследия Маркса и Энгельса мешало... то, что надо было защищаться от беспощадных нападков на него».

Свои философские задачи Ф. Меринг определяет так: «Изучение марксизма с точки зрения научного метода, как самого острого и самого сильного оружия в деле завоевания области мышления современным пролетариатом».

Понимали ли Ф. Меринг и другие левые всю важность и ответственность философского фронта классовой борьбы, оценивали ли они огромную роль в этом отношении Ленина?

Ф. Меринг и другие левые прекрасно понимали роль идеологического фронта классовой борьбы, но они оказались бессильными вести последовательную диалектическую линию в этом отношении.

В своей статье в «*Нейе дейт*» за 1897 г. Ф. Меринг очень ярко обосновывает мысль о том, что «марксизм защищает пролетариат от теоретической путаницы понятий, которую некоторые «практики» считают идеальным состоянием партии. Мы же делаем вывод о необходимости выше ставить теорию. Ибо на то мы и теоретики, чтобы видеть яснее и дальше практики... Рабочий класс не победит, если не будет иметь превосходства перед старой, но все еще силь-

¹ «*Нейе дейт*», кн. 1, 1904 г., стр. 658.

ной культурой». В то же время Ф. Меринг очень упрощал вопрос о взаимоотношениях между исторической обусловленностью и логической взаимозависимостью философских направлений. Ему казалось, что, обнаружив классовые и партийные корни философии, он разоблачил бы до конца антимарксистскую сущность буржуазных течений философской мысли. Ф. Меринг не понимал, что идеалистический пустоцвет вырастает на живом дереве познания и требует глубокого, логического анализа внутренней несостоятельности идеализма.

Иными словами, борьба с идеализмом велась Ф. Мерингом упрощенчески, часто с позиций феербаховского материализма, сопровождаемая целым рядом срывов и эклектических уступок.

* *
* *

У Ф. Меринга, как историка философии, можно научиться анализу классовых корней философских систем и применению к истории философии метода исторического материализма. Ф. Меринг написал по истории философии очень много статей, часть которых, помещенная в полном собрании его сочинений, составила объемистый том.

В этих статьях Ф. Меринг дает в основном выдержанный классовый анализ истории философии. Когда, например, он говорит о греческой философии, то развенчивает буржуазные легенды о внеклассовом ее характере. Шаг за шагом Меринг следит за тем, как вовлеченная в водоворот мощного подъема духовной и политической жизни греческая философия отражает различные стороны этой жизни и классовую борьбу, развертывавшуюся в недрах античного общества. Софисты рассматриваются Ф. Мерингом как носители просвещения победоносной демократии, и гибель «софистики» он объясняет гибелью афинской демократии.

Философия, по Мерингу, лишь одна из идеологических форм, в которой люди осознают классовую борьбу. Христиански незлобивый Сократ из «непротивленца-мученика» под ярким пером Ф. Меринга выступает как вождь своего класса, класса, который «при помощи кро-

вавой жестокости, коварства и предательства поколебал Афины».

Для Ф. Меринга в высшей степени характерно то обстоятельство, что он рассматривал развитие философии в тесной связи и зависимости от хода классовой борьбы. Он например подчеркивал, что «стоики были убежденными детерминистами в философии и республиканцами в политике, а эпикурейцы—индетерминистами и оппортунистами».

Перед читателями статей Ф. Меринга Локк выступает как идеолог компромиссной буржуазии, как предшественник физиократов и «представитель славной революции 1688 г., обуржуазившей феодализм». Эмпирическая теория познания Локка под пером Ф. Меринга превращается в прозаичный, бесплотный и неподвижный «разум доброго буржуа, считающего злом всякую мечтательность и воодушевление, идущее дальше ограниченных потребностей эмпирика».

Значение философии, по Ф. Мерингу, не исчерпывается той эпохой, когда жили и творили философы. Родственные классы других эпох широко используют в своих целях философское наследие прошлых эпох. «Так, буржуазия XVIII в. воспользовалась античной философией самопознания, сомнением скептиков, ненавистью к религии эпикурейцев и республиканским убеждением стоиков».

Причину огромнейшего успеха эпикуреизма в эпоху буржуазных революций Ф. Меринг прежде всего видел в том, что эпикурейский принцип «изолированной индивидуальности» соответствовал потребностям возникающего капиталистического способа производства, а атомизм стал основой современного естествознания.

Симпатии Ф. Меринга целиком на стороне классической немецкой философии. Он очень красочно говорит о том, как в ходе диалектики классовой борьбы немецкая буржуазия в этой философии сначала, «как в историческом протоколе, изложила свои мысли, а затем превратила эту философию в ненужный листок бумаги. Заоблачные построения философии рушились тем скорее, чем свободнее промышленность развертывала свое знамя в дыме фабричных труб».

По Ф. Мерингу, немецкая классическая философия была «героическим веком немецкой буржуазии». Она

«не могла спустить с молотка свое наследство пошлому духу наживы, банку, бирже и безграмотным фабрикантам». Таким образом между немецкой классической философией и современной буржуазией вспыхнул антагонизм. Буржуазия отказалась от своего философского и литературного наследства; единственным же наследником оказался революционный пролетариат.

Ф. Меринг совершенно правильно видит разгадку революционного радикализма и материалистичности философии в диалектике классовой борьбы. Так например, по Ф. Мерингу, английская и французская философия «коренилась в буржуазных классах английского и французского народа», в то время как немецкое просвещение, лишенное этих корней, «витало в пространстве». Немецким философам поэтому не мешало «проникать в свет разума», но зато и не было у них защитников, когда «этот свет слишком ярко освещал грязь княжеских дворцов».

Как видим, благодаря прекрасным историко-материалистическим экскурсам Ф. Мерингу удавалось расшифровывать с необычайной ясностью самые сложные переплеты и противоречия философских взглядов.

Вся буржуазия на заре своей революции борется при помощи философии и литературы с феодальным окружением. В процессе этой борьбы появляются классические шедевры философии и литературы. В этот период буржуазия представляет собою весь «народ», все третье сословие, и продукт ее философского творчества является философской «Горой» (Гегель, Фихте, классическая литература). Но у этой «Горы» нет еще политической основы. Поэтому Гегелю пришлось надеть колпак прусского придворного философа и на непонятном для непосвященных философском жаргоне говорить очень революционные мысли, а Гете должен был превратиться в веймарского придворного поэта.

Немецкая классическая философия была, по Ф. Мерингу, «продолжением немецкой литературы, поскольку в последней воплотилась освободительная борьба буржуазии». «Критика чистого разума» появилась в год смерти Лессинга и отразила все филистерство буржуазии.

Философия же Гегеля в буре июльской революции 1830 г. показала, что «мост, переброшенный Гегелем

от абсолютного разума к прусской монархии, соткан из паутины».

Однако качество немецкой буржуазии таково, что в «ее руках испортилась немецкая философия не меньше, чем французский социализм».

Период от Гегеля до Маркса, т. е. от революции 1830 г. до революций 1848 г., был, по Ф. Мерингу, периодом разложения классической немецкой буржуазной философии. Ф. Меринг очень часто напоминает, что «не следует смешивать гегельянцев с Гегелем». Гегельянцы могут похвастать только своим невежеством («они ничего не знали, но обо всем могли писать»). Ф. Меринг бичует «карикатурные кривляния критической критики» Б. Бауэра, который смотрел с презрением на массу.

Антагонизм между буржуазией и философией обострился в ходе политической борьбы. Ф. Меринг насчитывает несколько стадий в развитии этого антагонизма.

Сначала этот антагонизм между классической немецкой философией и буржуазией, по Мерингу, не был достаточно осознан идеологами последней (Руге, Штраус), когда же он был ими осознан, то не был преодолен. Этот антагонизм между философией и революционным классом нашел свое преодоление лишь в пролетариате.

Таким образом политически и философски немецкая буржуазия, по справедливому замечанию Ф. Меринга, обанкротилась и оказалась неспособной нести вперед знамя Гегеля.

В качестве яркой картины политического и философского маразма немецкой буржуазии Ф. Меринг приводит в 1908 г. пример с Д. Ф. Штраусом.

Штраус в «Жизни Иисуса» (1835 г.) предполагал дать чисто исторический труд, применив к евангельской истории принципы диалектической критики Гегеля. Но евангелие у него превратилось в бессознательное творчество первых христианских общин, а христианство потеряло под ногами твердую почву.

«От этого выстрела у романтической реакции задрожали руки и ноги. Сам канонер (Штраус) испугался даже эха своего выстрела».

Кончилось однако все тем, что Штраус перешел на сторону реакции. Этот переход был символом идеологиче-

ской неустойчивости буржуазных учеников Гегеля. Ф. Меринг подробно анализирует эволюцию Штрауса, чтобы показать неизбежность превращения буржуазных эпигонов Гегеля в представителей теоретического убожества.

Штраус решил в своем труде «О старой и новой вере» (1872 г.) повторить выстрел 1835 г. («Жизнь Иисуса»). «Он объявил христианство умершим, стал на точку зрения естественно-научного материализма и превратился в популяризатора дарвинизма». Для бывшего гегельянца это являлось большим прогрессом. Но от великого до смешного у буржуазного эпигона Гегеля оказалось менее шага. В этой самой работе Штраус протянул, иронизирует Ф. Меринг, руку монархии Бисмарка. Штраус писал: «Монархия заключает в себе нечто загадочное, даже абсурдное, но именно в этом-то и заключается тайна ее преимущества. Без тайны нет более ничего глубокого ни в жизни, ни в искусстве, ни в государстве».

Таков был бесславный конец буржуазного гегельянца. Ф. Меринг заканчивает этот яркий анализ философского банкротства некогда революционной буржуазии следующими словами: «Сытым счастливицам новой Германии не по силам перенести даже религиозный радикализм». Лучшее, что осталось от гегельянства—это, по Мерингу, гуманизм Фейербаха, но и он превратился в центр, вокруг которого вращался идейный мир Гесса и Грюна. Поэтому пролетариат не пошел за Л. Фейербахом.

Как видим, Ф. Меринг сумел вскрыть классовые корни философии, в данном случае немецкой, и указать на ее фракционные оттенки.

Однако это постоянное подчеркивание классовой обусловленности философа и недоучет идейно-логической преемственности философии приводили Ф. Меринга к недооценке обратного влияния философии на исход политической борьбы и к непониманию значения и так называемых идеологических влияний, идущих иногда вразрез с классовыми симпатиями и антипатиями идеолога.

Поэтому Ф. Меринг силен главным образом в анализе социальных корней той или иной философии и совершенно элементарен и односторонен в разработке основных вопросов диалектики при теоретико-познавательном анализе той или иной философии, при анализе связей между различ-

ными направлениями в философии и их взаимных влияний друг на друга.

Как относился Ф. Меринг к вопросу о философском наследстве? Как диалектик он прекрасно понимал, что в эпоху буржуазных революций буржуазия являлась, как общее правило, в основном революционным и материалистически мыслящим классом. Ф. Меринг иллюстрировал это положение многочисленными примерами из истории философии Англии, Франции и других стран. Помимо того буржуазия в эпоху буржуазной революции представляет собою «народ», т. е. и эксплуатируемые условия. Поэтому философское и вообще идеологическое творчество этого периода является революционным и может быть использовано революционным пролетариатом. Это тем более необходимо, по Ф. Мерингу, что в рамках дальнейшего развития буржуазного общества представители классической философии и литературы остаются непонятыми и забытыми.

Их наследство по плечу только революционному пролетариату. Исходя из такой установки, Ф. Меринг считал подлинным наследником немецкой классической философии только пролетариат. О ком бы из великих представителей классической литературы или классической философии Ф. Меринг ни писал, он постоянно подчеркивал, что единственным наследником этих представителей является рабочий класс, а не современная буржуазия. Так он говорил о философии Гегеля, Фихте, Лессинга, Фейербаха и др.

Ф. Меринг прекрасно понимая и то, что буржуазия в своих устремлениях не является совершенно однородной и не только в разные эпохи и в различных странах, но и в пределах одного и того же времени и одной страны. Поэтому он очень подробно анализирует политические взгляды отдельных буржуазных фракций, успешно отыскивая адекватные им философские теории, но забывая при этом ту простую истину, что совершенно не обязательно быть лавочником, чтобы распространять идеи лавочников.

По вопросу о партийности философии у Ф. Меринга имеется непоследовательность. Он слишком схематично подходил к анализу партийности современных ему пред-

ставителей марксизма, деля их только на два лагеря: неокантпантавствующих бернштейншланцев и ортодоксальных марксистов, линия которых определялась «Неей дейт». Но «Неей дейт» даже в период, когда его редактировал Ф. Меринг, отнюдь не выражал единообразное в философском отношении направление. Здесь имелись неокантианцы, представленные Форлендером и Максом Адлером, здесь писали махисты, особенно русские (Богданов), здесь же фигурировали и безбрежные эклектики типа К. Каутского.

Группу диалектиков (хотя и непоследовательных) в «Неей дейт» представляли: а) Ф. Меринг и б) Плеханов, о философских ошибках которого говорит ряд общеизвестных работ Ленина.

Ленинская, т. е. единственно марксистски выдержанная после смерти Энгельса философская линия марксизма не была представлена в «Неей дейт».

Естественно, что в таких условиях проблема партийности марксистской философии всячески затушевывалась и смазывалась как представителями центристского руководства немецкой социал-демократии, так и ее теоретическим органом. Ни Ф. Меринг, ни Плеханов не сумели последовательно и до конца дать критику неокантианской ревизии марксизма.

При этом однако нельзя не отметить, что в понимании философии марксизма у Меринга много общего с Плехановым. Последний, как заметил Ленин, «написал о философии (диалектике), вероятно, до 1 000 страниц... Из них о большой логике, по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика, как философская наука) ничего!»¹

То же самое находим мы и у Ф. Меринга. Он, как и Плеханов, не дошел до понимания диалектики как теории познания, не видел разницы между философским и естественно-научным материализмом. «Гносеология Маркса, — писал Плеханов, с этим соглашался и Меринг, — не есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки».

¹ «Ленинский сборник» XII, стр. 223—225.

Механисты и меньшевистствующие идеалисты по сегодняшней день не ушли дальше Плеханова и Меринга в деле определения предмета философии и своего отношения к фе́йербахианству. Л. И. Аксельрод пишет: «Карл Маркс создал высший синтез, выразившийся в сочетании диалектического метода Гегеля с материалистической основой познания Фе́йербаха».

Деборин также считает, что «предъявляемые Фе́йербаху обвинения основаны просто на недоразумении. Исторически и логически учение Фе́йербаха теснейшим образом связано с марксизмом... Время Фе́йербаха еще придет».

Если сравнить эти высказывания механистов и меньшевистствующих идеалистов, то Ф. Меринг в философском отношении стоял безусловно гораздо выше всех своих оппонентов и неуклонно шел в своем развитии к марксизму-ленинизму.

ГЛАВА V
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ
У Ф. МЕРИНГА

Ф. Меринг в понимании исторического материализма был в основном воинствующим диалектическим материалистом. Это, конечно, не значит, что у Ф. Меринга нельзя найти отдельных и иногда весьма значительных ошибок.

Работа Меринга по историческому материализму была одной из тех работ, которые Ленин рекомендовал в числе основных, способствующих пониманию исторического материализма Маркса и Энгельса.

Среди немецких социал-демократов Меринг после смерти Энгельса был в Германии первым, кто глубоко осознал, что волна бернштейншанской ревизии марксизма направлена против основных положений учения Маркса и Энгельса: против учения о неизбежности социалистической революции и диктатуры пролетариата, против исторического материализма. Это не значит, однако, что Меринг сразу освободился от антимарксистских штаний и ошибок своего социал-демократического окружения.

Наряду с признанием неизбежности и необходимости пролетарской революции ему казался возможным и мирный переход к социализму. В этом нечетком отношении к кардинальному вопросу марксистского учения сказывались половинчатость и полуменьшевистский характер теории и практики левых социал-демократов в Германии. Правда, уже в 1899 г. в борьбе с Бернштейном Меринг писал, что «без революции невозможно осуществление социализма, и несомненно Маркс под революцией разумеет насильственный переворот. Вот тут-то

Бернштейн и начинает лить слезы». Именно такое революционное понимание и помогло Мерингу понять сначала ревизионистскую природу бернштейнианства, а затем и центразма и перейти на позиции пролетарской диктатуры после 1914 г.

При этом принципиальное и практическое признание пролетарской диктатуры не было у Меринга явлением кратковременным, а, напротив, росло, укреплялось из года в год, сближая его с большевиками. В самые тяжелые моменты для большевизма, например, после разгрома революции 1905 г. или накануне Брестского мира, Меринг в своих работах высоко поднимал знамя пролетарской диктатуры, верил в победу пролетарской революции и защищал исторический материализм от всяких посягательств социал-демократических ревизионистов и буржуазных социологов.

В чем же основная революционная заслуга Ф. Меринга в трактовке историко-материалистических проблем?

Прежде всего в том, что он гораздо правильнее Каутского и ему подобных понял творческий и активно действенный характер исторического материализма и всемирноисторическое, революционно-научное значение последнего.

«Исторический материализм наносит смертельный удар всякому произвольному историческому построению, он устраняет,—писал Ф. Меринг,—всякую голую формулу, посредством которой желают остричь под одну гребенку изменчивую жизнь всего человечества»¹.

Ф. Меринг в основу изложения исторического материализма Маркса положил классическое его предисловие «К критике политической экономии» и послесловие ко второму изданию «Капитала», где Маркс не только дал основу диалектического понимания истории, но, как известно, отмежевался в понимании ее от людей, отождествляющих метод идеалистической диалектики Гегеля с диалектико-материалистическим методом Маркса и смешивающих «Философию истории» Гегеля с историческим материализмом Маркса.

¹ Ф. Меринг, Исторический материализм, послесловие к «Легенде о Лессинге».

Большой заслугой Ф. Меринга является и то обстоятельство, что он в трактовке проблемы о соотношении природы и общества не сошел с марксистских позиций и высказывался и против географического материализма и натурализма, и против идеалистического отрыва общества от природы. «Маркс не утверждал, — иронизирует Ф. Меринг над Бартом, — что можно заниматься земледелием на льдинах северного полюса или мореплаванием в сыпучих песках Сахары. Маркс всегда уделял строгое внимание значению сил природы в человеческом производстве... Однако они играют свою роль в истории человеческого общества только при посредстве процесса производства, поэтому Маркс вполне исчерпывает этот вопрос, когда говорит, что способ производства материальной жизни определяет собою социальный, политический, духовный и жизненный вопрос вообще».

Анализ производительных сил и производственных отношений и диалектику взаимозависимости их Ф. Меринг также трактовал ортодоксально-марксистски.

Считая основой общественно-исторического процесса общественно-экономический базис, Ф. Меринг никогда не спускался до каутскпанского понимания производительных сил или до идеалистического отрыва производственных отношений (формы) от производительных сил (содержания) общественно-исторического процесса.

«Исторический материализм, — писал Ф. Меринг, — во все не утверждает, что человечество представляет собой безвольную игрушку мертвого механизма».

Эту мысль Ф. Меринг высказывает очень часто и в различных вариантах, подчеркивая при этом, что диалектическое противоречие между производительными силами и производственными отношениями приводило общество к революциям и в ближайшем будущем облегчит революционную победу рабочего класса над капитализмом. Эта установка помогла Ф. Мерингу стать под знамена пролетарской диктатуры гораздо раньше других левых социал-демократов.

Всегда подчеркивая специфичность закономерностей капитализма, всю гениальность марксистского анализа закономерностей капиталистической формации, Ф. Меринг вел борьбу на два фронта по этому вопросу: 1) против

историко-романтической школы (Лявернь-Пегильен и др.) и 2) против буржуазной национальной политической экономики, которая признавала капиталистический способ производства единственно целесообразным, объявляя закономерности капитализма вечными законами природы.

Он писал: «Теоретическая борьба между буржуазной национальной экономией и историческим романтизмом была идеологическим отражением классовой борьбы между буржуазией и юнкерством. Каждое из обоих направлений признавало способы производства, любезные сердцу соответствующего класса, вечными, неизменными и вытекающими из природы вещей законами».

Буржуазный экономист историко-этического направления Л. Brentano, известный катедер-социалист и сторонник социального мира, пытался свести исторический материализм к «перепевам» положений, высказанных будто бы в 1838 г. представителем историко-романтической школы Лявернь-Пегильеном. Последнему как раз принадлежало утверждение о решающей роли «форм хозяйства» для развития общественной жизни, но под этим предлогом Brentano в действительности защищал только реакционные формы хозяйства и совершенно не сказал чего-нибудь аналогичного марксистскому учению об общественно-экономических формациях.

Ф. Меринг доказал полную противоположность взглядов Маркса и Энгельса взглядам этого апологета патриархальной экономики.

Маркс, как это блестяще доказал Ф. Меринг, вывел хозяйственные формы из характера производства, и в этом было коренное отличие исходного пункта исторического материализма от всех буржуазных теорий.

Большое значение имеет для революционного действия правильное понимание проблемы детерминизма в историческом материализме.

Необходимость правильного сочетания объективного и субъективного в исторической практике многократно подчеркивалась классиками марксизма-ленинизма. В качестве гениально глубокого решения этой проблемы можно указать на теоретическую разработку Лениным и Сталиным теории о построении социализма в одной стране

и практическое построение социализма, запечатленное в сталинской Конституции.

Целый ряд вопросов исторического материализма, намеченных Марксом и Энгельсом, Ф. Меринг поставил в «*Нейе цейт*» на очень большую теоретическую высоту.

Международный меньшевизм, как известно, развивал фаталистическую трактовку «теории производительных сил». Ф. Меринг как марксист-революционер придерживался революционной, активно-действенной трактовки детерминизма в духе Маркса и Энгельса. В свое время это было отмечено Энгельсом, который указывал, что Ф. Меринг правильно понял основные вопросы исторического материализма.

На заре новой эпохи вопросы исторического материализма стали снова злобой дня как в Германии, так и в других странах. О них стал писать Кунов, проводя сравнение между социологией, этнологией и материалистическим пониманием истории. Вслед за ним со статьей об идеалистическом понимании истории выступил Жорес. Наконец писали по вопросам исторического материализма Поль Лафарг; Бернштейн, Бельфор Бакст, Каутский и др.

В этих работах уже сказывался тот теоретический разброд, который обнаружился среди теоретиков немецкой социал-демократии в начале эпохи империализма, взявшихся за решение проблем исторического материализма после смерти Энгельса. И следует признать, что наиболее правильную установку в это время мы встречаем только у Ф. Меринга, несмотря на целый ряд его несоответствий и ошибок.

В борьбе с идеалистами всех направлений и вульгарными материалистами Ф. Меринг сумел высоко поднять знамя исторического материализма Маркса и Энгельса. В этом его огромная заслуга. Ф. Меринг считал, что К. Маркс «уже весной 1845 г. изложил Энгельсу в совершенно законченном виде основные положения исторического материализма»¹, которые нашли свое выражение и в «*Низщете философии*». Эти окончательно в то время сформулированные положения исторического материализма позво-

¹ Ф. Меринг, К. Маркс.

лили Марксу и Энгельсу сделать соответствующие революционные выводы в «Коммунистическом манифесте».

С появлением марксизма, писал Меринг, «бессмертная душа домарковского идеализма переселилась в исторический материализм». Но, как говорит Меринг, исторический материализм К. Маркса в полемике с Прудоном был «выпукло представлен как метод для раскрытия, а не для создания законов общественного развития».

Защищая объективность общественных закономерностей, Ф. Меринг, разумеется, находился на правильном пути, но он не всегда понимал специфические особенности закономерности общественного развития в пределах отдельных формаций. В борьбе с буржуазным социологизмом Меринг часто отвергал исторический материализм как самостоятельную науку об обществе, сводя его в ряде случаев исключительно к общей методологии при изучении общественных явлений. Так, например, после положительного отзыва о Парижской коммуне Ф. Меринг, уклоняясь от прогноза, писал: «Исторический материализм есть прямая противоположность всякого прорицания, он представляет собой научный метод»¹.

Подобного рода замечания, правда, не занимающие у Ф. Меринга центрального места, неверны и по форме и по существу. Марксизм как философия революционного пролетариата является наукой и руководством к действию, а не только методом изучения прошлого и настоящего. В данном случае мы видим у Меринга тот отрыв от практики, который является одной из догм II Интернационала, когда дело касалось революции. Зато, когда дело шло о защите исключительной научной ценности диалектического метода при изучении общественных явлений, Ф. Меринг безоговорочно высказывался за диалектический метод.

В своих работах, написанных в защиту исторического материализма, Ф. Меринг вел борьбу прежде всего с представителями буржуазной профессуры, которые всячески пытались «замолчать» всемирноисторическое значение работ Маркса. Когда же это наконец стало невозможным, буржуазная профессура начала кричать о том, что мар-

---

¹ Ф. Меринг, От утопии к науке.

низм не представляет собой оригинальной и научной теории общественно-исторического процесса, а является лишь посредственной популяризацией, а то и плагиатом существовавших до Маркса буржуазных теорий общественного процесса.

Ф. Мерингу пришлось вести упорную защиту исторического материализма в борьбе с буржуазным социологом неокантианской школы Паулем Бартом, который тоже вел развернутое наступление на марксизм, но в несколько иной форме¹. В своей «Философии истории как социологии» Барт защищал так называемое «идеологическое» (т. е. идеалистическое.—*A. P.*) понимание истории. Барт доказывал первенствующую роль идей в общественной жизни и превращал общество «в духовный организм, в систему волевых единиц». Борясь с марксизмом, Барт трактовал последний как только механическую теорию общественно-исторического процесса. Он умело использовал в своих целях контрреволюционную фаталистическую трактовку производительных сил в обществе, развиваемую «теоретиками» II Интернационала, и пропагандировал в противовес ей идеалистическую точку зрения.

Энгельс в письмах к Конраду Шмидту² считал необходимым разоблачить это фальсификаторство Барта.

Барт, подобно Михайловскому, не признавал за Марксом и Энгельсом никаких заслуг по части создания научной историко-материалистической теории общества.

Ф. Меринг чрезвычайно убедительно доказал всевозможным неокантианствующим Бартам, что исторический материализм признает все идеальные силы в полном объеме, но от этого не перестает быть материализмом, так как основу всякой социальной единицы составляет «способ производства, обуславливающий собой в последней инстанции духовный процесс со всеми его разветвлениями».

Идеи—продукт общественного производства, и они имеют тем более силы, чем лучше и вернее отражают классовые стремления, писал Ф. Меринг.

---

¹ Барт, *Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана*, Лейпциг, 1890 г.

² 5/VIII и 29/X 1890 г.

Другой, не менее распространенной легендой, сфабрикованной буржуазными кругами, была пущенная в оборот В. Зомбартом легенда о том, что К. Маркс позаимствовал свою социологическую теорию у прусского реакционера Л. фон-Штейна, автора работы «О социализме и коммунизме современной Франции» (1842 г.). В. Зомбарт в своей работе «Социализм и социальное движение в XIX в.» (1896 г.), выдержавшей десять изданий, беззастенчиво распространял эту гнусную ложь, подобно тому как ее повторял у нас П. Струве. И на этот раз снова выступил Ф. Меринг, давший уничтожающую марксистскую критику зомбаровских искажений марксизма.

Необходимо заметить, что подобного рода легенды были очень ходкими в лагере германской социал-демократии. Так легенда о Штейне распространялась, как об этом писал Маркс Энгельсу, неизвестным Дюрингом.

Энгельс в своем письме к Ф. Мерингу 14 июля 1893 г. по поводу «Легенды о Лессинге» последнего писал, что в связи с тем, что К. Маркс и он подчеркивали в борьбе с идеализмом решающую роль общественного бытия, нашло себе место «идиотское представление идеологов», будто «мы отрицаем за ними (идеологическими областями.— А. Г.) всякую историческую роль. В основе этого лежит заурядное недialeктическое представление о причине и следствии, как о двух неизменно разъединенных полюсах, абсолютно не видящее взаимодействия»¹.

Ф. Меринг в этом отношении был далек от вульгарного материализма и от эклектической «теории факторов». Таким образом имелось существенное различие между догматическим «марксизмом» Каутского и трактовкой Мерингом марксизма и исторического материализма.

Однако смещивать без всякого различия марксизм Ф. Меринга с догматическим «марксизмом» Каутского, как это делает Зауэрлянд², это значит исказить истину и незаслуженно отдавать Ф. Меринга в руки Каутских, Тальгеймеров и К°.

Ленин и Сталин с предельной ясностью доказали, что

¹ Письмо Энгельса к Мерингу 14/VII 1893 г.

² Зауэрлянд, Диалектический материализм, Берлин, 1932 г., стр. 45.

при трактовке объективных и субъективных моментов в революции Каутский и К° занимались фальсификацией марксизма. Апогеем этой фальсификации явилась ультраимпериалистическая установка Каутского и К° на то, что производительные силы капитализма эволюционно (без диктатуры пролетариата) приведут будто бы общество к социализму. Сталин с бичующим сарказмом разоблачил эту «теорию» Каутского. Он писал:

«А кто не верит в эту «теорию», тот (по Каутскому и К°. — А. Г.) не марксист. Роль партий? Их значение в движении? Но что может поделать партия с таким решающим фактором, как «уровень производительных сил»?..¹

Ф. Меринг не верил в эту фаталистическую интерпретацию марксизма, но его политически ошибочная позиция заключалась в том, что он, борясь с каутскианством, опирался в этой борьбе очень часто на Лассалья. Однако лассальянский волонтаризм, покоящийся на идеалистическом понимании истории, шел вразрез с марксизмом. С позиции лассальянства нельзя было бороться даже с каутскианской интерпретацией «производительных сил».

Поэтому-то Ф. Меринг и не смог до конца разоблачить каутскианскую теорию «производительных сил» и повести борьбу по этому вопросу на два фронта: с фаталистической трактовкой общественно-исторического процесса, с одной стороны, и с лассальянским субъективно-идеалистическим волонтаризмом — с другой.

* * *

Находясь до 1910 г. в каутскианском окружении, не будучи сам крупным экономистом, не имея к тому же возможности (из-за незнания русского языка) непосредственно изучать работы Ленина, Ф. Меринг при оценке новой эпохи опирался главным образом на работы Р. Люксембург. Экономическая же концепция последней представляла в основном механистическую ревизию марксизма и в области анализа империализма шла вразрез с ленинизмом, отражая влияние ультра-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат, 1932 г., стр. 19.

империалистической концепции Каутского. Механистическая методология люксембургизма оказалась созвучной Ф. Мерингу. В оценке и разрешении экономических проблем он, доверяя всецело Р. Люксембург, поручил ей в своей работе¹ изложить содержание второго и третьего тома «Капитала», совершенно не претендуя на самостоятельный анализ закономерностей империализма. Этот некритический подход Меринга к работам Р. Люксембург являлся слабым местом Ф. Меринга как марксиста.

Ф. Меринг придавал исключительное значение «Капиталу» К. Маркса, считая его «главным сочинением научного коммунизма», и показал, что «стоимость Маркса» не представляет идеального или морального принципа, а является выражением производственных отношений капитализма.

Он особенно подчеркивал в анализе первого тома «Капитала» общественный характер труда в буржуазном обществе и частную форму присвоения как единство противоположностей.

Сила экономического анализа К. Маркса, по Ф. Мерингу, поражает его противников, подобно паровому молоту. К. Маркс рассеял мистический туман товарного фетишизма; и «Капитал», по отзыву Ф. Меринга, является книгой мирового значения. Ф. Меринг очень тонко заметил, что «прославленная трудность «Капитала» существует только для читателя, не прошедшего еще диалектической школы мышления».

К. Маркс показал с очевидностью, как капитализм готовит себе гибель, щедрой рукой подлинного гения он разбросал по всему «Капиталу» обилие своих духовных сокровищ. Так отзывался Ф. Меринг о К. Марксе и его бессмертном труде.

Ф. Меринг считал, что «марксизм не библия с готовыми раз навсегда истинами, но источник для дальнейших исследований имманентных законов общества».

Уже после революции 1905 г. Ф. Меринг писал:

«Мы с момента русской революции вступили в новый период нашей борьбы. Это вызывает необходимость теоретического обслуживания новых методов борьбы, где нет

¹ Ф. Меринг, К. Маркс.

традиционных норм, и здесь исторический материализм должен оказать незаменимую услугу»¹.

В пропаганде историко-материалистических и политико-экономических положений Маркса и Энгельса Ф. Меринг являлся необычайно активным их последователем. При этом он избегал в борьбе с идеалистами влияния того географического материализма, от которого не мог освободиться например Плеханов, и боролся здесь на два фронта—как против идеалистических извращений, так и вульгарно-материалистических.

Это не исключает, однако, того, что у Ф. Меринга в ряде мест проскальзывало упрощенческое представление о взаимоотношениях базиса и надстроек. На это указывал ему и Энгельс в письме по поводу «Легенды о Лессинге». Отмечая, что главные факты Ф. Мерингом изложены превосходно, Энгельс в то же время указывал: «...В области каждой науки имеется известный материал, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и проделал ряд ступеней самостоятельного развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений... На эту сторону дела... мы обратили внимания меньше, чем она того заслуживает. Это старая история: вначале всегда из-за содержания не обращают внимания на форму. Я сам это делал, как уже сказано, и ошибка бросилась мне в глаза уже после»².

Антиисторический характер теории познания Л. Фейербаха, оказавшего большое влияние на Ф. Меринга, был основной методологической причиной упрощенческого подхода Ф. Меринга к пониманию роли обратного влияния идеологий на базис, но до вульгарного материализма в этом вопросе Ф. Меринг все-таки, как мы на это указывали, никогда не доходил, понимая ведущую роль политики в революционной борьбе.

Исторический материализм, писал Ф. Меринг в рецензии на работу Лафарга, воздаст должное каждой исторической личности³.

¹ См. «Капитал» К. Маркса в изложении Каутского, Меринга и др., изд. 2-е, «Буревестник», 1925 г., стр. 19.

² Энгельс, Письмо к Мерингу 14/VII 1893 г.

³ «Неее цейт», кн. 1, 1909 г.

Однако отдельная личность слишком слаба для того, чтобы без опоры на соответствующий класс оставить глубокий след в истории. Теория такой личности сильна, когда она овладевает массами. «Если бы Маркс,—писал Ф. Меринг,—остался на почве только теории, то его жизнь и теория были бы так же забыты, как жизнь и творения многочисленных последователей Гегеля... Однако Маркс и Энгельс лучше и точнее революционных фантазеров эмиграции выковали новое оружие для грядущих дней революции»¹.

Ф. Меринг ясно видел, что секрет могущественного влияния личности кроется в ее связи с партией, с классом.

Только классовый характер теории делает ее, по меткому выражению Ф. Меринга, «необычайно действенной». Ф. Меринг, оценивая исторические факты и явления, умел подходить к ним с классовой, пролетарской точки зрения. Когда, например, он говорит о борьбе классов Германии в 1848 г., то следующим образом характеризует диалектику классовой борьбы: «Немецкая буржуазия капитулировала перед короной и юнкерством из-за страха перед рабочим классом, а пролетариат становился тем революционнее, чем больше мельчала буржуазная революция».

Ф. Меринг давал не только огульную, общую классовую характеристику общественным движениям, но и различал при этом историческую специфику в борьбе партий и фракций.

В «Истории Германии с конца средних веков» он, например, различает «три борющиеся партии, носившие религиозную окраску, но представлявшие собой экономико-политические организации в церковной форме (незудитизм, кальвинизм и лютеранство). Из них наиболее радикальная партия—кальвинизм—была знаменем, под которым восстали сначала нидерландские города против испанского абсолютизма, а французские против французского. Кальвинизм соответствовал интересам наиболее прогрессивных горожан»².

Метод исторического материализма был насыщен у

¹ Ф. Меринг, Литературное наследство.

² Ф. Меринг, История Германии с конца средних веков, 1924 г., изд. 3-е, стр. 62.

Ф. Меринга боевым классовым и пролетарским содержанием. Достаточно привести в доказательство ряд примеров борьбы Ф. Меринга с классовой юстицией.

В статье «Прусская юстиция» он блестяще опроверг легенды о беспристрастии прусского суда, доказав целым рядом ярких примеров, что «пока существуют классовые государства, существует и классовая юстиция».

В ответ на лицемерные требования буржуазной прессы о защите законом прав туземцев Ф. Меринг писал: «В капиталистических странах не существует другого способа господства, чем ограбление и порабощение туземцев»¹.

Бесподобный сарказм Ф. Меринга давал ему возможность бичевать классовую эксплуатацию в форме острейшего политического памфлета.

Так, накануне 1900 г. он написал статью «О защите прав зайцев». Речь шла о проекте закона, который требовал возмещения убытков, причиненных зайцами, находящимися на территории помещичьих латифундий. Ф. Меринг выступает в защиту зайцев.

«Зайцам нужно, — иронизировал Ф. Меринг, — чтобы господствующие классы обирали крестьянина дочиста, чтобы дворянская прихоть юнкеров не потерпела никакого ущерба».

Но он бил не только по юнкерству; еще сильнее хлестал он буржуазию. Особенно неотразимы были удары Ф. Меринга по тем лицемерным либералам из кругов прусской демократии, которые были уверены, что они смогут примирить интересы угнетаемых с интересами угнетателей.

В статье «Буржуазное и пролетарское» Ф. Меринг очень убедительно развивает мысль о том, что, с углублением классовой борьбы буржуазии с пролетариатом, всякие реформы становятся для пролетариата все более и более иллюзорными и у пролетариата остается лишь «одна видимость равноправия с буржуазией»².

Став социал-демократом, Ф. Меринг в полемике с Бернштейном утверждал, что «без революции невозможно осуществление социализма, а революция является насильственным переворотом»³. Однако Ф. Меринг проявил

¹ Ф. Меринг, Юстиция и политика.

² «О праве на революцию», «Нейе цейт», 1901 г.

³ Ф. Меринг, О теории и практике марксизма.

однажды (до революции 1905 г.), защищая идею революции, непоследовательность, когда допускал, наряду с революционным путем к социализму, возможность мирного осуществления социализма. «Осуществляется ли победа рабочего класса путем насильственного переворота или дело обойдется без этого,—на этот вопрос в последнем счете может ответить лишь действительный ход исторических событий»,—писал тогда Ф. Меринг.

Но чем ближе и ближе сталкивался Ф. Меринг с революционными кругами рабочего класса Германии и левыми социал-демократами, чем глубже он изучал итоги революции 1905 г., тем скорее он приходил к выводу, что мирная возможность прихода пролетариата к власти исключена.

Мы уже знаем, с каким энтузиазмом Ф. Меринг приветствовал революцию 1905 г., как долго не мог он примириться с наступлением эпохи реакции.

С момента же прихода большевиков к власти Ф. Меринг безоговорочно и в теории и на практике стал под коммунистические знамена пролетарской диктатуры. Меньше кого бы то ни было из левых Германии он сомневался в правильности ленинской линии в вопросе о Бресте, при оценке всего того, что происходило в Советской России. Совершенно неслучайно семидесятилетний Ф. Меринг пришел к Ленину. К нему Меринга вела и привела диалектика классової борьбы, теоретическая и практическая эволюция от левого социал-демократизма к революционному марксизму-ленинизму.

«Мы видим сквозь ночные грозовые тучи,—писал Ф. Меринг незадолго до своей смерти,—занимающуюся утреннюю зарю нового дня»¹.

Таков был теоретический и практический итог всей большой жизни Франца Меринга.

Если Ф. Меринг сбивался на фейербахианскую позицию, главным образом в области естествознания, то в области исторического материализма он оставался в основном на диалектических позициях, беспощадно борясь все время с идеалистическим пониманием истории.

Политическая и теоретическая линия развития Ф. Меринга, несмотря на непоследовательность, все же имела

¹ Ф. Меринг, О милитаризме.

яно выраженное (в историческом материализме) революционно-марксистское содержание.

Механистические ошибки Ф. Меринга в области философии в известной мере сочетались и с люксембургской ревизией марксизма в области политической экономии. В этом кроется объяснение причины того, почему левые только в огне Октябрьской революции начали быстро освобождаться от меньшевистского груза своих ошибок и все более и более уяснять себе всемирноисторическую роль ленинизма.

Это в полной мере относится даже к такой выдающейся личности, как К. Либкнехт.

Для К. Либкнехта, как и для Р. Люксембург, в самом начале его общественно-политической деятельности характерна была трактовка истории и политики под углом зрения теории равновесия.

Трагедия левой социал-демократии заключалась в том, что она к моменту германской революции еще не освободилась окончательно от своих антиленинских ошибок. И поэтому совершенно недопустимыми являются попытки подменить ленинский анализ империализма люксембургизмом, а философию марксизма—философскими взглядами, например, Ф. Меринга.

ГЛАВА VI

Ф. МЕРИНГ В БОРЬБЕ С БУРЖУАЗНЫМИ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ИДЕАЛИСТАМИ

Философским выражением классовой борьбы немецкой либеральной буржуазии с революционным марксизмом, особенно после победы прусско-юнкерского пути капиталистического развития, было сначала неокантианство, а затем, с развитием империализма, две разновидности реакционной философии: махизм и неогегельянство.

Пути, при помощи которых социал-демократы неокантианцы пытались синтезировать Канта и Маркса, шли в двух направлениях. Для того чтобы оправдать кантианство, нужно было доказать, что, во-первых, социализм немислим без этического учения Канта и, во-вторых, что марксизм не имеет собственной теории познания и нуждается в дополнении критической теорией познания Канта.

Полностью развернуть критику неокантианства Ф. Меринг не мог, так как левые социал-демократы, видным представителем которых он был, сами находились под влиянием теории познания Л. Фейербаха, построенной на формально-логической основе, оторванной от революционной практики, созерцательной и метафизической по своему существу. На основе этой теории разоблачить до конца критическую теорию познания Канта было невозможно. К критике же «категорического императива» Канта и этического социализма Ф. Меринг подходил как диалектический материалист, хотя и непоследовательный.

Гибель феодального способа производства, по Ф. Мерингу, рассматривалась Кантом и кантианцами как осво-

бождение от гига эксплуатации вообще. «На самом же деле, — писал Меринг, — это была только замена одного способа производства другим».

Возвращаться теперь к этике Канта, писал Меринг, это «значило бы делать попытку прикрыть тело великана истлевшими локутьями детского платья... Это безнадежное эпитонство»¹.

Ф. Меринг очень обстоятельно обосновывал ту мысль, что этика Канта не имеет ничего общего с научным коммунизмом и «одной ногой стоит на почве религии». Анализ учения Канта о категорическом императиве, разоблачение этического социализма привели Ф. Меринга к выводу, что между безусловным нравственным законом Канта и десятью заповедями Моисея имеется разница не по существу, а лишь по форме.

Неокантианцы выдвигали против марксизма тот довод, будто исторический материализм, стоя на точке зрения признания объективной закономерности капиталистического общества, не может воодушевить на борьбу с ним, так как марксизм, по мнению неокантианцев, исключает моральные установки в политической борьбе. Ф. Меринг в борьбе с этим обвинением марксизма со стороны этических социалистов указывал на то, что признание исторической неизбежности капитализма совершенно не обозначает восхищения капитализмом. Наоборот, это признание заставляет пролетариат самоорганизоваться и дать «своею собственной рукой» капитализму решительный бой, не надеясь на всемогущество «категорического императива».

«Ни в чем Кант не являлся таким филистером, — справедливо замечает Ф. Меринг, — как именно в этой этике»².

В подтверждение своей мысли Ф. Меринг собрал отзывы о кантовской этике, высказанные Гете, Шиллером и даже Шопенгауэром. Даже Шопенгауэр кантовскую этику называл рабской моралью, и эту-то рабскую мораль, резюмировал Меринг, «хотят привить пролетарской освободительной борьбе».

Против этического социализма Ф. Меринг восстал, как против самой вреднейшей ревизии марксизма. Он подчер-

¹ «Нейе цейт», кн. 1, 1909 г., стр. 135.

² Там же, кн. 1, 1904 г..

кивал, что Кант отвергал право эксплуатируемых на революционное сопротивление. «Посредством революции можно, пожалуй,—писал в свое время Кант,—достигнуть освобождения от личного деспотизма, но никогда она не может привести к истинной реформе мировоззрения. Новые предрассудки, точно так же, как и старые, сделаются руководящей нитью бессмысленной толпы». Ф. Меринг глубоко возмущался тем, что социал-демократы неокантианцы имеют наглость превращать Канта в «истинного и действительного творца немецкого социализма». И в то время как в юбилейный год (1904 г.) буржуазия и социал-демократия почти всюду и везде превозносили Канта, Ф. Меринг горячо призывал к критике кантовской «критики», а не «к восторженным гимнам».

Ф. Меринг прекрасно понимал, что в неокантианстве научный социализм имеет не своего соразника, а своего злейшего философского и политического врага. Для иллюстрации этой мысли Ф. Меринг приводил в качестве примера то, что Штаудингер в своей «Этике и политике» использовал категорический императив Канта для оправдания буржуазной конституции и для борьбы с врагами капитализма и монархизма.

Разбирая шаг за шагом все софизмы этических социалистов, Ф. Меринг пришел к выводу, что в эпоху обостренной классовой борьбы буржуазии с революционным движением пролетариата этический социализм является лучшим средством для укрепления классового господства буржуазии и борьбы с революционным марксизмом.

Ф. Меринг считал, что между научным социализмом и кантианством не может быть ничего общего и что «германская социал-демократия не должна возвращаться к Канту», так как всякая попытка исторического или логического выведения социализма из Канта—очевидная нелепость. Общее между Кантом и Марксом лишь то, иронически замечал Ф. Меринг, что их фамилии состоят в немецком начертании из одинакового числа букв, и поэтому ни о каком «полном созвучии этих имен не может идти речи».

Политические установки Канта, по Ф. Мерингу, основаны на верноподданстве граждан и на филистерском послушании их начальству. Кант ни разу не коснулся классовых противоречий своей эпохи, почему и пришелся

по сердцу в первую очередь некоторым деревенским пасторам и учителям своими проектами вечного мира и всеобщего разоружения, саркастически замечал Ф. Меринг.

Большую историческую заслугу Канта Ф. Меринг видел лишь в области эстетики и математического естествознания. Но когда эта эстетика завладела молодым Шиллером, «он обломал свои революционные рога о противодействие тупого мира и из атмосферы немецкого мешанства спасся бегством в идеальный мир Канта». Но вследствие этого бегства Шиллера к кантианству «филистеры еще более утвердились в своем филистерстве, а бедняк уверовал в поповский предрассудок о том, что материализм означает обжорство, пьянство, вожделение и надменное поведение, почему Шиллер и побегал в царство кантовских теней», — пронизировал Ф. Меринг.

Исторически и логически кантианство всегда было, по правильному замечанию Ф. Меринга, враждебно историческому материализму, и лозунг «Назад к Канту!» означает в наше время «Назад от исторического материализма к философскому либерализму!» (Меринг).

«Неокантианство представляет собой лишь попытку разрушить исторический материализм», — таков совершенно справедливый вывод Ф. Меринга. В 1910 г. Ф. Меринг, констатируя, что «мода на Канта как будто кончается», подвел окончательный итог отношению революционного марксизма к теории познания Канта.

«Своей теорией познания, — писал Ф. Меринг, — Кант хотел убить не только догматическую философию, но также хотел закрыть пути атеизму, материализму, вольнодумному неверию, о чем сам доводил до сведения правительства»¹.

Кантовская «вещь в себе», как недоступная человеческим чувствам и человеческому разуму, говорил Меринг, явилась тяжелым камнем даже для приверженцев Канта, которые пытаются избавиться от нее навсегда. Но даже и в этом случае теория познания Канта не может сказать ничего нового историческому материализму, ничего такого, к чему он не пришел бы уже сам. Эту свою мысль Ф. Меринг подкрепляет ссылкой на «Анти-Дюринга» Энгельса.

¹ «Нисе цейт», кн. 1, 1910.

* * *

Не ограничиваясь Кантом, Ф. Меринг ведет борьбу также и с философией Гартмана, Ницше и других реакционных философов.

Борьбу Гартмана с естественно-научным материализмом и дарвинизмом Ф. Меринг считал эпигонской попыткой мобилизовать все естественно-научные ресурсы для защиты идеализма как основы мировоззрения реакционного класса. В своем «бессознательном» или «сверхсознательном» Гартман, по словам Ф. Меринга, воплотил витализм, именно в своем учении о духовной первооснове всего сущего. Воля—стремление к бытию (атома, органических существ и человека)—у Гартмана играла роль гегелевского «ничто» и «жизненной силы виталистов». Воля, стремящаяся наполниться содержанием, сочетается с представлением, и это единство создает мир как абсолютную бессознательную сущность. Так рассуждал Гартман.

Шопенгауэр и Гартман «рассматривали трагедию мирового несчастья в бинокль из весьма удобного кресла» (Куно Фишер), но, как философы выбитого из исторической колеи класса, они считали своим долгом бороться с естественно-научным и философским материализмом. Осергие своего удара Шопенгауэр и Гартман направили на «обезьянью теорию», на дарвинизм. Ф. Меринг же взял дарвинизм под свою защиту.

«Теория Дарвина по существу своему революционная теория,—писал Ф. Меринг,—хотя Дарвин и не был революционером, а многие дарвинисты были даже реакционерами. Ведь даже Геккель высказывал свое преклонение перед Бисмарком». Правящие классы сразу почувствовали, что дарвинизм в конечном счете «может повести к коммунам и тому подобным вещам». С развитием дарвинизма «обанкротилось богословие», и идеализму для борьбы с материалистическим естествознанием понадобились новые силы. Большую услугу реакционной буржуазии в этом отношении оказали Шопенгауэр, Гартман и Ницше. Первый доказывал, что дарвинизм—«плоский эмпиризм», Гартман утверждал, что дарвиновский принцип сам себя пожирает, а Ницше называл Дарвина «почтенным, непосредственным умом, отличающимся узостью, сухостью

и прилежанием». Ф. Меринг доказывал обратное. Дарвин был, по его утверждению, последовательным врагом идеализма, тогда как философы реакционной буржуазии—защитниками последнего.

Защищая Дарвина, Ф. Меринг вел борьбу против Шопенгауэра, который провозглашал волю субстратом всей природы. Ф. Меринг разоблачил реакционную сущность этой философии. Гартман же, по справедливому замечанию Ф. Меринга, оставил низшим классам «нищету мира и безумный карнавал существования», разрешая правящим классам «с возвышенной печалью» пользоваться благами жизни.

* * *

Если философия Гартмана и Шопенгауэра была проникнута растерянностью и отчаянием («если вера окажется иллюзией, тогда,—писал Гартман,—можно будет считать, что небытие лучше бытия»), то совершенно иной была философия Ницше. Ницше, говорит Ф. Меринг, был «философом крупного капитала, который достиг уже такого могущества, что мог обойтись без помощи прусских штыков».

У крупного капитала в этот период вовсе не было гартмановской растерянности, не лелеял он и мечты о коллективном самоубийстве. Напротив, он твердо стоял на своих ногах и беспощадно уничтожал тех, кто становился на его пути.

В шопенгауэровско-гартмановском сострадании он не нуждался и шел напролом к поставленной цели. Идеал «сверхчеловека», стоящего выше религиозных и моральных предрассудков эпохи, был философским идеалом крупного капитала.

«Так как крупному капиталу,—писал Ф. Меринг,—надлежало выполнить революционную задачу в мировой истории, то у Ницше встречаются фразы, носящие и революционный оттенок». Эти внешне революционные фразы многих подкупали даже в лагере пролетариата.

Ф. Меринг разоблачил подлинную природу ницшеанской философии. Ницше развивал мысль о том, что страдания и лишения в обществе увеличиваются с ростом буржуазной культуры, и делал вывод, что «низшие

слои являются наиболее тупыми и что преступно улучшать их положение, так как всякое улучшение сделает их более способными к страданию». По Ницше выходит, говорит Меринг, что наиболее страдающей стороной человечества оказались бы Ротшильды, Штумм и Крупп, а самыми счастливыми—низшие сословия.

Ф. Меринг шаг за шагом показывал, как заветные мечты крупного капитала нашли в Ницше своего защитника и выразителя. Достаточно вспомнить проповедь Ницше о том, что грубая и тяжелая работа может быть ликвидирована «массовым ввозом варварских народов из Азии и Африки». Языком философа Ницше, по яркому замечанию Ф. Меринга, говорила «жгучая тоска крупного капитализма (80—90-е годы) по ввозу китайских кули». Этому ввозу Ницше дал свое философское благословение.

* * *

Еще большая заслуга принадлежит Ф. Мерингу в борьбе с махизмом и дигенизмом, хотя он и допустил в этой борьбе много ошибок.

Ф. Меринг пережил не только полосу «мирного» развития немецкого капитализма, он жил в эпоху краха империализма и начала мировой пролетарской революции в России.

Как чуткий революционер-философ Ф. Меринг не мог не заметить, что в эпоху империализма произошли большие изменения как на естественно-научном, так и философском фронтах классовой борьбы, и в частности не мог не заметить появления махизма и неогегельянства.

Известно, что в журнале «*Нейе цейт*» до революции 1905 г. велась очень мирная дискуссия (если не считать статей Плеханова и Ф. Меринга) с неокантианцами, а затем с махистами. Сначала редакция «*Нейе цейт*» считала взгляды, проводимые в статьях Бернштейна и неокантианцев, законным оттенком социал-демократии, но затем в результате радикализации рабочего движения в Германии с начала XX в. полемика с неокантианством обостряется и инициатива переходит в руки левых. Раздаются отдельные голоса их за исключение Бернштейна из партии.

На смену неокантианству, особенно с начала эпохи реакции после русской революции 1905 г., широким потоком в «Нейе цейт» вливается струя махистской ревизии марксизма. В 1907—1908 гг. выступил в «Нейе цейт» А. Богданов со статьей «Мах и революция», в которой проводил самую развернутую пропаганду махизма.

Одновременно как бы для освещения создавшегося расположения сил на идеологическом фронте классовой борьбы «Нейе цейт» печатает воззвание «Пролетария» под заголовком «Мах в России». Затем, как из рога изобилия, в теоретический орган немецкой социал-демократии сыплются махистские статьи и заметки (Экштейна, Ф. Адлера и др.).

Вместо того чтобы поручить Ленину, который, как хорошо было известно К. Каутскому и Р. Люксембург, работал над развернутым разоблачением махизма, дать в «Нейе цейт» исчерпывающий ответ махистам или хотя бы поместить рецензию на вышедшую ленинскую работу по философии, К. Каутский ограничился помещением статьи А. Иоффе (А. Деборна) «Философия индивидуализма и буржуазное общество», в которой дается аполитичная характеристика махизма с замаскированной меньшевистской попыткой обвинить в махистских новшествах большевизм.

Как сам Ф. Меринг относился к махизму?

Еще 21 декабря 1902 г. он сигнализировал в своем фельетоне «О неомарксизме» об опасности новых форм идеалистической ревизии марксизма в связи с появлением работы Давида Когена «К истории философии неогегельянства». В своем фельетоне Ф. Меринг отмечал, что идеализм в самых различных формах проникал в социал-демократические ряды, то в общеизвестной форме неокантианства, то в новой форме эмпириомонизма и неогегельянства.

Особенно же Ф. Меринг резко выступил против когеновского «сублиминированного марксизма, или неомарксизма и эмпириокритицизма».

Впоследствии, в 1908—1909 гг., Ф. Меринг констатировал, что «мода на Канта» как будто кончается¹. На смену кантианству однако в качестве философской ревизии

¹ «Нейе цейт», кн. 1, 1910 г.

марксизма пришел махизм, и уже кое-где начало поднимать голову неогегельянство. Ф. Меринг в своей статье «Кант, Дидген, Мах и исторический материализм»¹ выступил с изложением своего отношения к Маху и махизму.

Непоследовательность, проявленная Ф. Мерингом в критике махизма, зависела кроме всего прочего и от следующих причин: 1) Ф. Меринг брал Маха изолированно от его последователей (махистов, эмпириокритиков и т. д.) и неправильно считал его теоретико-познавательные установки близкими к Дидгену, а следовательно, как полагал Меринг, и к марксизму; 2) так как Мах концентрировал свое внимание только на области естествознания, то установки Маха не казались Ф. Мерингу противоречащими историческому материализму Маркса и Энгельса. Общеизвестно, что Ф. Меринг сводил марксизм главным образом к историческому материализму. Ф. Меринг ошибочно утверждал, что «Мах является представителем гносеологического монизма, стремящегося устранить всякий дуализм между физическим и психическим»².

Критикуя махистов за увлечение философией, Меринг не раз подчеркивает, что «сам Мах совершенно неповинен в этом «махизме», и он никогда не испытывал потребности «дополнить» исторический материализм, о котором он, быть может, ничего не знает».

Таким образом критика махизма велась Ф. Мерингом лишь в плоскости доказательств несовместимости марксистского метода исторического материализма с естественно-научным методом исследования махизма и обратно.

«Исторический материализм, — писал там же Меринг, — представляет собою замкнутую теорию, предназначенную для познания исторического развития (подчеркнуто нами. — А. Р.), права которой основываются на ней самой и которую так же мало можно соединить с естественно-научным методом, как и она сама не представляет собой никаких естественно-научных претензий»³.

Ложная информация через «Нейе цейт» Богданова,

¹ «Нейе цейт», кн. 1, 1909 г., стр. 135.

² Там же, 28, кн. 1, 1910 г.,

³ Там же.

с одной стороны, и Деборина—с другой, о происходившей в большевистском лагере дискуссии по вопросу о махизме и о позициях Ленина в этой дискуссии заставляла Ф. Меринга очень осторожно подходить к оценке этой дискуссии. Выступление под махистским знаменем Богданова, Горького, Луначарского сбивало с толку Ф. Меринга, не знавшего ленинских работ и установок Ленина в борьбе с махизмом.

Тем не менее Ф. Меринг в общем высказался против махизма и дицгенизма. «Теперь появилось много молодых сил в марксизме, которые, вместо того чтобы скашивать косою волнующуюся ниву, отбивают эту косу до того, что на ней появляются зазубрины,—писал Ф. Меринг в 1910 г.—Таковыми изъятиями являются «дицгенизм» и «махизм», свирепствующие преимущественно среди наших русских товарищей». Ф. Меринг очень обстоятельно доказал, что, несмотря на заслуги Иосифа Дицгена по части самостоятельной разработки диалектического материализма, несмотря на осуждение им «реакционной болтовни неокантианства», попытки его сына Евгения Дицгена и некоторых махистов противопоставить Иосифа Дицгена Карлу Марксу должны быть решительно отвергнуты. «Дицген не имеет преимуществ перед Марксом и не может «дополнять» последнего..., так как в философии Дицгена царит все же некоторая путаница...»

Сам Дицген, по энергичному выражению Ф. Меринга, всех «дицгенистов», претендующих на дополнение исторического материализма Маркса, послал бы «к чорту в зубы...»

Как известно, с резким возражением Ф. Мерингу, обрушившемуся на «дицгенизм» и «махизм», выступил в «Нейе цейт» Фр. Адлер (махист).

Но вместо того чтобы выступить против западноевропейского теоретика махизма, Ф. Меринг, стоя на половинчатой методологической позиции (о чем уже говорилось выше), сделал в дискуссии о махизме недопустимую принципиальную уступку, согласившись с доводом Фр. Адлера, что «Мах в области естествознания сделал то же самое, что Маркс для общественных наук».

«Мах сходится с Марксом, который совершенно исключил философию, а духовное развитие человечества усма-

тривал только в практической работе в области истории и естествознания»¹.

Защита Ф. Мерингом того положения, что марксистская методология имеет решающее значение только в области исторического материализма, а не в области естественных наук, объективно открывала дверь для махистской ревизии марксизма в области естественных наук.

Когда Ленин писал о «партиях в философии и философских безголовцах», он этим самым подчеркивал глубокую антипартийность всякого нейтралитета в философской борьбе вообще и в борьбе с махизмом в частности.

Ф. Меринг не сумел разоблачить существо махизма, не сумел связать естественно-научные взгляды махизма с его классовой сущностью. Последовательная критика махизма как в Западной Европе, так и на русской почве была дана Лениным. Именно Ленин показал всю антинаучность и реакционность махизма, который выполнял социальный заказ империалистической буржуазии.

Философские и методологические традиции тормозили наметившийся у левых идейно-организационный разрыв с каутскианством. Но на помощь левым социал-демократам пришла Октябрьская социалистическая революция, руководимая ленинской партией. Она показала в теории и на практике, что такое творческий марксизм новой эпохи, и раскрыла контрреволюционное существо международного меньшевизма вообще и центризма (каутскианства) в особенности. И в этот ответственный момент Ф. Меринг, Р. Люксембург и К. Либкнехт сумели освободиться от характерной для них половинчатости и непоследовательности в кардинальных вопросах революционной теории и практики и пошли за Лениным, как вождем, теоретиком и практиком международного пролетариата.

Проходимцам, вроде Тальгеймеров, Брандлеров и К°, мы никогда не отдадим пришедших к марксизму-ленинизму Ф. Меринга, Р. Люксембург и К. Либкнехта, заслуживших своей революционной борьбой право на высокое звание коммуниста, создавших коммунистическую партию Германии. Революционный пролетариат Германии,

¹ Ф. Меринг, Кант, Дигген, Мах и исторический материализм.

руководимый коммунистической партией, выполнит то дело, за которое они взялись сами, но были зверски уничтожены дикой военщиной, при явном попустительстве со стороны социал-демократии.

«...*После победы диктатуры пролетариата*, когда все увидели воочию, к чему ведет марксизм и что может означать его победа, социал-демократия уже не могла щеголять флагом марксизма, не могла кокетничать с идеей диктатуры пролетариата, не создавая известной опасности для капитализма... Между социал-демократией и марксизмом легла пропасть. Отныне *единственным* носителем и оплотом марксизма является ленинизм, коммунизм»¹.

Большевики сделали все от них зависящее, чтобы помочь левым с.-д. в Германии изжить центристские влияния на них и помочь им выйти как можно скорее на большевистскую дорогу. Это была задача далеко не легкая. «Организационная и идеологическая слабость,—писал тов. Сталин,—была характерной чертой левых с.-д. не только в период довоенный. Она, эта отрицательная черта, как известно, сохранилась за левыми и в период после войны... Кто может сомневаться в том, что русские большевики всячески толкали левых с.-д. на Западе, в частности левых в германской социал-демократии, на разрыв, на раскол со своими оппортунистами и центристами? Не вина Ленина и русских большевиков, если левые с.-д. на Западе оказались не созревшими к тому, чтобы идти по стопам русских большевиков»².

К анализу спартаковско-коммунистического периода деятельности Ф. Меринга и других левых мы сейчас и перейдем.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат, 1936 г., стр. 209.

² Там же, стр. 469—470.

ГЛАВА VII

СПАРТАКОВСКО-КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. МЕРИНГА И ДРУГИХ ЛЕВЫХ И ОЦЕНКА ИХ ЛЕНИНЫМ И СТАЛИНЫМ (1914—1919)

«Осуществление диктатуры пролетариата является первым делом для успеха социализма».

Ф. Меринг, 10 декабря 1917 г.

«Горячее дыхание русской революции растопит многие бронзовые твердыни, которые мнят себя незабываемыми... Тогда дипломаты перестанут смеяться и у филистеров революции вытанутся лица».

Ф. Меринг, 31 декабря 1917 г.

К началу войны 1914 г. ряды левых социал-демократов в Германии все более и более редели. Одни ушли к социал-империалистам (Ленш), другие—к центристам (Дитман, Генке и др.).

Необходимо сказать, что из всех левых социал-демократов наиболее последовательную идейно-организационную и тактическую позицию занимал семидесятилетний Франц Меринг.

13 сентября 1914 г., в разгар империалистической войны, он публикует в «Форвертс» письмо-протест против ответа партейфорштанда французским и бельгийским социалистам, в котором последний пытался оправдать ссылками на Энгельса свою поддержку империалистической войны.

«Против этой аргументации (ссылки на Энгельса.— А. Г.) надо решительно протестовать...

Это стало бы тотчас ясно и поверхностному читателю, если бы можно было теперь полностью опубликовать эту статью или статьи Энгельса», — писал Ф. Мering.

И Ф. Мering был не одинок. В сентябре—октябре К. Либкнехт совершил поездку по Бельгии и там также выступал против войны.

Шейдеман от имени партийного руководства в октябре 1914 г. пригрозил К. Либкнехту: «Мы очень сожалеем о ваших выступлениях (в Голландии и Бельгии), ибо партийные органы ни вас, ни других товарищей, на которых вы указываете, не уполномочивали выступать за границей в защиту интересов германской социал-демократической партии».

К. Либкнехт дал в своем ответе отповедь «гнилому национализму мазурских болот» и заявил, что интернационализм для него—«не пустая мечта», а 2 декабря 1914 г. К. Либкнехт не только на социал-демократической фракции, но и на заседании рейхстага открыто голосовал против кредитов. Немедленно после этого голосования он и его единомышленник (О. Рюле) были исключены из социал-демократической партии. Перед левыми социал-демократами встала историческая задача окончательного идейно-организационного размежевания не только с правыми, но и с центристами, которые делали вид, что «они тоже против войны».

Левые не были однако единодушны в своем отношении к сотрудничеству с центристами. Ф. Мering, не имея возможности по состоянию здоровья присутствовать на Циммервальдской конференции, писал большевикам, чтобы они не доверяли центристской искренности.

Однако и после первой общегородской конференции группы левых (март 1915 г.) и выхода в свет первого номера нелегального журнала «Интернационал»¹ левые все же оставались в идейно-организационной связи с независимыми и 9 июля 1915 г. обратились с объединенным письмом к партийному руководству, считая себя лишь внутрипартийной оппозицией.

Позиция левых все время ослаблялась арестами и репрессиями по отношению к ним германского правитель-

¹ 15 апреля 1915 г.

ства. Так, с февраля 1915 г. с небольшими перерывами до ноября 1918 г. Р. Люксембург сидела в тюрьме. Был в тюрьме и К. Либкнехт. И этой изоляцией в значительной степени объясняется их плохая информация о большевистской тактике и принципиальных установках большевиков.

Старик Меринг также был арестован, несмотря на крайнюю слабость его здоровья.

Тем не менее эти репрессии не сломили левых, в том числе и Ф. Меринга. В журнале «Интернационал» Ф. Меринг не переставал открыто заявлять о предательстве вождей немецкой социал-демократической партии, о преступной политике партийного руководства, являющейся антимарксистской с начала и до конца.

На второй конференции группы левых социал-демократов, состоявшейся в общегерманском масштабе 1 января 1916 г., обсуждались тезисы Р. Люксембург, которые наряду с половинчатыми лозунгами содержали уже требования о создании нового интернационала взамен обанкротившегося II Интернационала социал-шовинистов.

7 января 1917 г. состоялась общеимперская конференция всей социал-демократической оппозиции. Собралось только 157 человек, среди которых было 35 представителей группы «Спартак», а после Февральской революции (6—8 апреля 1917 г.) создавалась независимая социал-демократическая партия. За призывом Ф. Меринга порвать связь с этой каутскианской организацией снова спартаковцы не пошли и оставались еще некоторое время на положении фракции в партии независимых социал-демократов.

Между тем революционный подъем не только в России, но и в Германии шел кверху. Союз «Спартак» наконец выбросил лозунг: «Мы должны разговаривать с реакцией по-русски».

В это критическое для левых время современник Парижской коммуны, активный защитник русской революции 1905 г. Франц Меринг играл исключительно революционную роль.

Ф. Меринг переживает период преодоления ошибок и приближения вместе с другими левыми социал-демократами-радикалами к большевизму.

Для характеристики роли Ф. Меринга в левом радикализме можно указать на письмо Р. Люксембург Ф. Мерингу, написанное ею 27 февраля 1916 г.¹

В нем Р. Люксембург писала, что «деятельность Меринга была и остается особенно ценной». Р. Люксембург особенно подчеркивала то, что все лучшее из наследства буржуазной классической философии и литературы Ф. Мерингом передано революционному пролетариату. «Вы научили наших рабочих,—писала Роза,—пониманию того, что марксизм не сводится только к вопросам материальных нужд, но является великим мировоззрением и великим культурным движением... И теперь, когда буржуазная интеллигенция покинула и предала нас, чтобы снова примкнуть к господствующему классу, мы можем ей с улыбкой бросить: «Уходите! Все лучшее, что имелось у немецкой буржуазии по части духовных достижений, таланта и характера, мы получили. Это—Франц Меринг».

Дальнейший ход приближения левых к большевизму показал, что Ф. Меринг стал в первую шеренгу революционного пролетариата и уже 3 июля 1917 г. в статье, посвященной Кларе Цеткин, противопоставляет ее революционность и непримиримость отступничеству социал-демократических вождей.

Меринг понимал, что буржуазный парламентаризм является самой тонкой формой борьбы с пролетарской диктатурой. Поэтому он уделял большое внимание критике парламентаризма². Утверждая, что «парламентаризм» изжил самого себя, и конституционные вопросы являются вопросами силы, а не права, и что поэтому каждый народ должен сам завоевать себе права, а не ожидать дарования их «от щедрот правительства», Меринг в данном вопросе окончательно порывал с лассальянскими традициями, по которым «право всегда должно быть выше силы». Дальше Меринг призывал к борьбе «с миражем парламентаризма, этим недоноском по форме и содержанию, который пришло время утопить или сжечь».

¹ Напечатано в предисловии Эл. Фукса 1/IX 1929 г. к собр. соч. Меринга в немецком издании.

² Статья «Парламентаризация», 26/VI 1917 г.

Ф. Меринг прекрасно видел, что Февральская революция победила лишь наполовину, ибо «с царизмом не был низвергнут империализм... Кто до известной степени знаком,—писал Ф. Меринг,—с историей революции, тот не будет введен в заблуждение медовым месяцем этой революции. Окончательная победа однако остается за пролетарской революцией!»

Ф. Меринг, в отличие от сторонников теории «перманентной революции»—троцкистов, глубоко верил в силы революционного пролетариата. Он писал: «Русский пролетариат не нуждается в нашей поддержке у себя на родине, но мы оказываем ему дальнейшую поддержку, исполняя у себя свой революционный долг».

И в те моменты, когда троцкисты в борьбе с ленинизмом защищали лозунг «Соединенных штатов Европы», Ф. Меринг доказывал, что «мир невозможен по соглашению правительства, это только разговоры империалистических заправил. Его могут добиться лишь народы революционным путем»¹.

Глубоко ставил Ф. Меринг вопрос об идейно-организационном разрыве с независимыми. Например, в своей статье «Призывы к примирению» (16 августа 1917 г.) он охарактеризовал борьбу в социал-демократической партии как «борьбу за голову немецкого рабочего класса» и делал вывод, что «с партией, которая живет по милости осадного положения, а в будущем может надеяться только на милость правительства, т. е. с трупом, нельзя заключать союз».

Но вот пролетариат России завоевал власть, создал государство пролетарской диктатуры. Не было конца радости Ф. Меринга. Несмотря на свои 70 лет, он проявил необычайный революционный энтузиазм, он весь с большевиками. Вследствие ареста Р. Люксембург и К. Либкнехта ему приходилось необычайно много и интенсивно работать в спартаковской группе. Но, отдаваясь целиком этой революционной работе, он питал глубокую уверенность в том, что большевизм в конечном счете победит. Та заплата, которая в форме каутскианства существовала на пути победоносного шествия пролетарской дик-

¹ Ф. Меринг, Требование времени, 26/IX 1917 г.

татуры, была прорвана Октябрьской социалистической революцией.

Русскую революцию социал-демократия окутала густой пеленой провокационной лжи, жертвой которой одно время, очень, впрочем, короткое, сделалась даже Р. Люксембург, получавшая в тюрьме крайне тенденциозную информацию. Она, например, осуждала тактику большевиков в конце 1917 г. и в начале 1918 г., роспуск учредительного собрания, лишение избирательных прав нетрудового населения, Брестский мир и т. д.

Некоторые ренегаты вроде П. Леви и русские меньшевики, желавшие, по словам Ленина, особенно выслужиться перед II и 2½ Интернационалами, а следовательно перед буржуазией, впоследствии в целях дискредитации Р. Люксембург и левых социал-демократов переиздали не предназначенную для печати брошюру Р. Люксембург, назвав ее «Голосом из могилы».

Однако отношение Р. Люксембург к большевизму даже в этот период было совершенно иным, чем например у Каутского.

Р. Люксембург 24 ноября 1917 г. писала Луизе Каутской: «Конечно, в этом шабаше ведьм они (большевики.— А. Г.) не могут удержаться, и не потому, что статистика доказывает отсталость экономического развития России, как высчитал твой ученый супруг, но потому, что социал-демократия высокоразвитого народа состоит из жалких трусов. Они спокойно будут смотреть, как русские истекают кровью».

У Р. Люксембург в это время совершенно не было уверенности в победе большевизма, той уверенности, которая была у Ф. Меринга, но все же отношение ее к стране пролетарской диктатуры не было противосоветским, как это пытались изобразить социал-демократические фальсификаторы.

В этот переломный период мы не видим уже у Ф. Меринга таких теоретических и политических колебаний, какие имели место одно время у Р. Люксембург.

Ф. Меринг гораздо лучше Р. Люксембург и К. Либкнехта сумел оценить всемирноисторический опыт Октябрьской революции и значение в ней Ленина. В своей статье 10 декабря 1917 г. он писал по поводу травли социал-

демократами большевиков: «Единственный промах большевиков, о котором мы можем с немецкой точки зрения судить, свидетельствует скорее об излишней доверчивости (большевиков.—А. Г.) к своим врагам, чем о насаждении беспощадного террора».

Когда же социал-демократия выдвинула против Октябрьской революции и большевизма тот меньшевистский довод, что для победы русской революции не имеется объективных условий, что производительные силы России еще не созрели для социалистической революции, Ф. Меринг писал: «Революцию нельзя рассчитать, как дважды два; осуществление диктатуры пролетариата является первым делом для успеха социализма».

Накануне 1918 г. Ф. Меринг ставит правильный прогноз будущего пролетарской диктатуры в России, столкнувшейся в Бресте лицом к лицу с немецким империализмом.

Как известно, социал-демократия подняла неописуемый вой: сепаратный мир является-де предательством со стороны России и самоубийством для русской революции.

В противовес им Ф. Меринг утверждал, что русская революция не ответственна за сепаратный мир, так как большевики обращались ко всем, кто не хочет захлебнуться в крови империалистической бойни. Их не поддержали, и русская революция оказалась вынужденной пойти на сепаратный мир.

«Мы не в праве терять мужество и отчаиваться в будущем русской революции, которое есть вместе с тем и наше будущее»,—писал Ф. Меринг¹. Затем в 1918 г. Ф. Меринг как искренний друг Советской России писал: «Мы видим сквозь ночные грозовые тучи занимающуюся утреннюю зарю нового дня... Если большевики удержатся у власти, их подвиги будут благословляться рабочим классом всего мира, а если объединенной реакции удастся свалить большевиков, рабочий класс будет отброшен на долгие десятилетия назад»².

«Нас чрезвычайно радует,—писал 26 июня 1918 г. Ленин Кларе Цеткин,—что Вы, товарищ Меринг и другие

¹ Ф. Меринг, Новый год, 31/XII 1917 г.

² Ф. Меринг, Милитаризм, 1918 г.

«товарищи спартаковцы» в Германии «головой и сердцем с нами». Это дает нам уверенность, что лучшие элементы западно-европейского рабочего класса—несмотря на все трудности—все же придут к нам на помощь. Мы здесь теперь переживаем самые, быть может, тяжелые недели за все время революции»¹.

Такова была высокая ленинская оценка Меринга и К. Цеткин.

Между тем революционные события в Германии развертывались с необычайной быстротой. Четвертая конференция союза «Спартак» (7 октября 1918 г.), хотя и не привела еще к организационному разрыву с независимыми социал-демократами, но под влиянием русской революции приняла целый ряд революционных решений о борьбе за советскую власть, требовала экспроприации банковского капитала, национализации недр и крупных поместий, требовала усиления революционной работы в армии и т. д. В первые дни германской революции (ноябрь 1918 г.) спартаковцы проявляли необычайную революционную активность.

Однако спартаковцы оказались организационно неподготовленными, чтобы завоевать большинство рабочего класса и осуществить руководство советами, которое перешло в руки шейдемановцев и независимых, вошедших и в «Совет народных уполномоченных».

Спартаковцы, а в их числе Ф. Меринг, развили необычайно активную пропаганду за советизацию Германии, но партийно-организационная неформленность левых губила все дело. Только 18 декабря 1918 г., после отказа независимых созвать чрезвычайный партийный съезд, произошел откол спартаковцев от них. 29 декабря 1918 г. была созвана последняя конференция спартаковцев, реорганизовавшая союз «Спартак» в коммунистическую партию Германии.

Р. Люксембург была против этого решения конференции: так сильны еще были социал-демократические традиции даже у таких выдающихся революционеров. К. Либкнехт однако сразу же после выхода из тюрьмы обратился с воззванием, от которого, как и от статей Ф. Меринга, веяло духом пролетарской революции. Он

¹ «Правда», № 21, 21/I 1933 г.

писал: «Русский пролетариат создал свое государство—социалистическую республику рабочих и солдат. Она представляет собою фундамент того всемирного социалистического строя, создание которого теперь является исторической задачей международного пролетариата... Пролетариаты всего мира не должны допустить, чтобы пламя социалистической республики было затушено, иначе погибнут все его надежды и все его силы. Гибель русской советской республики была бы поражением пролетариата всего мира»¹.

В это время при содействии шейдемановцев и «независимых» были сконцентрированы социал-демократом Эбертом контрреволюционные силы, и 5 января 1919 г. германское правительство издало распоряжение о смещении берлинской полицией Эйхгорна. Только что возникшая коммунистическая партия Германии решила не сдавать завоеваний революции. Начались уличные бои. Но социал-демократическое правительство потопило восстание в крови рабочих, руководимых коммунистами.

Начался жестокий террор. Контрреволюционная банда 15 января 1919 г. ворвалась в квартиры К. Либкнехта и Р. Люксембург. В результате этого «ареста» последовало их зверское убийство. Ф. Меринг остался один. Тюремное заключение и трагическая гибель двух друзей, ближайших единомышленников—вождей немецкой революции, его боевых товарищей—окончательно подорвали силы Ф. Меринга, и незначительная простуда через две недели после трагической гибели К. Либкнехта и Р. Люксембург свела и его в могилу.

Немецкая контрреволюция; зверски расправившаяся руками социал-демократического правительства с тремя вождями молодой коммунистической партии, временно торжествовала победу. Каутский с Бернштейном, сделав свое черное дело, сбросили маску социал-демократической независимости и впряглись в колесницу Носке и Шейдемана.

* *
*

Во всех своих выступлениях и рефератах по вопросу о войне Ленин приводил в пример Ф. Меринга; про-

¹ «Коммунистический интернационал», русское издание, 1919 г., стр. 513—514.

тивопоставляя его контрреволюционеру Троцкому, Ленин делал при этом вывод о необходимости создания III Интернационала, в котором не было бы уже места оппортунизму и примиренчеству к нему.

В Ф. Меринге, К. Либкнехте, К. Цеткин, Р. Люксембург и их единомышленниках Ленин видел, особенно после краха II Интернационала, единственно надежных друзей Советской республики и в приветствии съезду итальянской социалистической партии высоко оценил их, неизменно остающихся на своем посту, несмотря на оголтелую травлю и обвинения в измене отечеству.

На IV конференции профсоюзов 4 июля 1918 г. Ленин с чувством глубочайшего удовлетворения говорил о Ф. Меринге, «...который теперь в ряде статей доказывает немецким рабочим, что правильно поняли социализм только большевики...»¹.

То же самое говорил Ленин и на V съезде советов (5 июля 1918 г.), требуя, чтобы всякий сознательный рабочий и крестьянин знал такие имена, как К. Цеткин и Ф. Меринг, от которых «большевистское правительство получает выражение признательности и выражение сочувствия и поддержки»².

Когда же и Р. Люксембург, преодолев свои сомнения, активно включилась в борьбу за пролетарскую диктатуру в Германии и в защиту Советской России, то Ленин, критикуя люксембургские ошибки, в то же время с удовлетворением отмечал, что она «в конце 1918 и в начале 1919 годов исправила большую часть своих ошибок».

Когда же К. Либкнехт, Р. Люксембург, а за ними и Ф. Меринг стали жертвами социал-демократической банды лакеев капитала обоих оттенков—шейдемановского и каутскианского (выражение Ленина), Ленин в письме к немецким коммунистам 21 августа 1921 г. писал, чтоб они поняли главный урок из истории вождей своей партии: «...Действительно революционной партии у немецких рабочих ко времени кризиса не оказалось, вследствие опоздания с расколом, вследствие гнета проклятой традиции «единства» с продажной (Шейдемань, Легины, Давиды

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 94.

² Там же, стр. 131.

и К^о) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги и К^о) бандой лакеев капитала»¹.

Ленинизм связывал политические ошибки Р. Люксембург с ее теоретическими ошибками, с ее формально-логическим мышлением в национальном вопросе, в вопросе о поражечестве (например национализм или интернационализм), в трактовке экономических проблем и т. д.

Заслугой Р. Люксембург, в том числе левых, была совершенно правильная установка на то, что начало империалистической бойни показало всем с очевидностью разложение немецкой социал-демократии, превратившейся в «смердящий труп». Вот с каким изречением войдет имя Р. Люксембург в историю всемирного рабочего движения, а на задворках, писал Ленин, «...среди навозных куч куры вроде Павла Леви, Шейдемана, Каутского и всей этой братии, разумеется, будут особенно восторгаться ошибками великой коммунистки»². Однако ошибки Р. Люксембург, по замечаниям Ленина и Сталина, помогают центристам, оппортунистам, меньшевикам, троцкистам. Одну из главных причин люксембургских ошибок Ленин усматривает «в беззаботности левых к теории марксизма». И для врагов ленинизма ошибки левых, и в особенности экономические, политические и организационные ошибки люксембургства, являются удобной лазейкой для протаскивания в компартию всякого рода антиленинской каутскианско-троцкистской контрабанды.

Пример ленинского отношения к наследству левых показал товарищ Сталин. Он, гениальный продолжатель Ленина, видит у левых «не только ошибки, но и их революционные дела».

Эти революционные дела вошли в железный фонд международной пролетарской революции, в славную историю большевизма в Германии.

После союза «Спартак» осталась созданная им славная коммунистическая партия Германии, воспитываемая на началах революционного марксизма-ленинизма, отвергшая ошибки левых социал-демократов и усвоившая их революционные дела. Коммунистическая партия Герма-

¹ Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 485—486.

² Там же, т. XXVII, стр. 204.

нии самоотверженно борется с фашизмом. Ее не останавливают тюрьмы, пытки, провокация, фашистские застенки и т. п.

Критикуя ошибки левых, международный пролетариат с гордостью будет вспоминать их революционные дела и не даст спекулировать их именами всевозможным ренегатам и контрреволюционным троцкистам—агентам гестапо.

Коминтерн и ВКП(б) во главе со своим великим вождем товарищем Сталиным в оценке наследства левых социал-демократов ведут по-ленински беспощадную борьбу на два фронта: с теми, кто недооценивает революционные дела левых во II Интернационале, и с теми, кто прикрывает их ошибки или, пользуясь последними, протаскивает, используя ошибки, в партию каутскианско-троцкистскую контрабанду.

Троцкистско-зиновьевская банда в СССР и особенно на Западе пыталась в борьбе против коммунизма, против строительства социализма в СССР, против Советской власти использовать полуменьшевистские ошибки левых с.-д. Нередко троцкисты в своей гнусной борьбе с коммунизмом, с СССР используют имена Р. Люксембург, Ф. Меринга, допускавших в свой социал-демократический период развития полуменьшевистские ошибки и теоретические извращения марксизма-ленинизма.

Ленин и товарищ Сталин учат нас тому, «чтобы поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срываая с них маски»¹.

---

¹ И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 477.

ГЛАВА VIII

БОРЬБА ВОКРУГ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДСТВА Ф. МЕРИНГА

Товарищ Сталин писал об идейно-организационном бессилии левых социал-демократов в Германии и о всемирно-исторической роли ленинизма следующее: «...левые с.-д. во II Интернационале и, прежде всего, в германской социал-демократии представляли слабую и немогущую группу, организационно не оформленную, идеологически не подкованную группу, боящуюся даже выговорить слово «разрыв», «раскол»¹.

Это положение подтверждается анализом теоретической и практической деятельности и Меринга. Только ленинская партия привела и могла привести к диктатуре пролетариата, и под сталинским руководством ЦК партии продолжает осуществлять блестящие победы на экономическом, политическом и идеологическом фронтах классовой борьбы, завершившиеся построением социалистического общества и принятием VIII Чрезвычайным съездом советов великой сталинской Конституции.

После того как Ленин и Сталин дали исчерпывающую критику всем ошибочным экономическим и политическим взглядам левых и в особенности Розы Люксембург, классовый враг пытается и может и впредь пытаться оправдать ошибки левых, хотя бы с точки зрения философской и методологической, чтобы затем противопоста-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат, 1936 г., стр. 468—469.

вить их ленинизму. Особенно в этом отношении стараются Тальгеймер, Брандлер и К°.

Так, Тальгеймер, бывший левый социал-демократ, который своей контрреволюционной политикой (вместе с Брандлером и К°) немало способствовал поражению немецкой революции в 1923 г., став ренегатом, повел вместе с Брандлером борьбу против Коминтерна и ВКП(б), одновременно продолжая спекулировать именем Ф. Меринга.

Воспользовавшись своим пребыванием в коммунистической партии, он присвоил себе литературно-философское наследство Меринга и начал его издавать, сопровождая работы Меринга своими вводными антиленинскими комментариями.

Философские взгляды Меринга Тальгеймер объявляет последовательным диалектическим материализмом, ничем не отличающимся от учения Маркса и Энгельса. «Меринг—ортодоксально мыслящая голова, у него все с начала до конца пронизано диалектическими основами»,— писал Тальгеймер в своем введении к историко-философскому тому собрания сочинений Меринга. Мы уже проследили феербахские ошибки Меринга в области естествознания, антимарксистский разрыв у него между методом исторического материализма и методом естественно-научного материализма и революционной практикой. Тальгеймер считает все эти расхождения у Меринга лишь терминологическими, несущественными расхождениями, а слабость Меринга в общих вопросах диалектического материализма он рассматривает, напротив, как силу Меринга.

Эта «диалектика» Тальгеймера, превращающая философские ошибки Меринга в сильную сторону философии последнего, оказывается необходимой Тальгеймеру для того, чтобы доказать «равноценность Меринга Розе Люксембург» и затем поставить их обоих в ряд с Марксом и Энгельсом.

Тальгеймер писал свое предисловие и послесловие к философскому тому полного собрания сочинений Меринга, сознательно борясь против ленинского этапа в развитии философии марксизма. Тальгеймер открыто противопоставляет Меринга и Плеханова Ленину.

Философские ошибки, имеющиеся у Меринга, стали философским знаменем для Тальгеймера, который, прикрываясь именем Меринга и отстаивая его ошибки, пытается бороться с ленинизмом.

Когда Тальгеймер говорит о философских взглядах Меринга, он, само собой разумеется, замазывает их различие с ленинскими взглядами и считает даже, что только Ф. Меринг «в единственном числе выступал против эмпириокритицизма». Тальгеймер, далее, замалчивает идеалистические ошибки самого Меринга в борьбе с идеализмом вообще и махизмом в особенности.

Тальгеймер приходит к конечному выводу, что материалистическая диалектика популяризировалась «Мерингом, Лафаргом, Лабриолой, Плехановым и Лениным». Характерно, таким образом, что Ленин попал лишь в «популяризаторы» марксизма, да и то на последнем месте. На первом месте у Тальгеймера оказался Меринг. Тальгеймер, как и полагается говорить ренегатам, много распространяется о борьбе с каутскианством и неогегельянством, на деле же он совершенно игнорирует ленинский этап в философии марксизма и ориентирует читателя как раз на ошибки Ф. Меринга.

Само собой разумеется, что большевистская критика философских взглядов Меринга должна вестись в тесной связи с историей развития внутрипартийной борьбы во II Интернационале. Нельзя в критике левых социал-демократов докатываться до полного отождествления их с каутскианством или, смазывая контрреволюционную сущность центризма, всю силу критического огня направлять только на ошибки Меринга, в конечном счете пришедшего к ленинизму.

Пример антиленинской критики левого радикализма в Германии дал Курт Зауэрлянд¹. Он взялся за очень важное дело, но выполнил его из рук вон плохо. Односторонний и антидиалектический подход в критике левого радикализма Зауэрлянда сопровождается целым рядом левацких загибов, льющих воду на фашистскую мельницу и приводящих тем самым в восторг даже социал-демократические газеты, например пражский «Социал-демократ»

¹ К. Зауэрлянд, Диалектический материализм, Берлин, 1932 г.

(30 октября 1932 г.). Курт Зауэрлянд рассматривает взгляды Меринга антиисторически, оторвав их от той классовой и внутривнутрипартийной борьбы, которая все время велась во II Интернационале. Зауэрлянд отождествил центристов с левыми и обнаружил, в особенности у Меринга, «бернштейнианский разрыв между теорией и практикой». Зауэрлянд охотно отдал Меринга целиком Каутскому и К^о, причем Каутского охарактеризовал «большим марксистом, чем Меринг».

Не Каутский, а главным образом Ф. Меринг и К. Либкнехт создали в марксизме, если верить Зауэрлянду, примиренчество к ревизионизму и оппортунизму. По словам Зауэрлянда, Меринг якобы даже не понимал, что «диалектика является теоретической основой марксизма»¹. У Зауэрлянда все поставлено на голову для того, чтобы «подстричь под одну гребенку» Бернштейна, Каутского и Меринга. Политическое и методологическое невежество преподносилось Зауэрляндром под флагом «углубления» ленинской и сталинской постановки вопроса о левом радикализме. Внутривнутрипартийная же борьба во II Интернационале, которую Ленин и Сталин всегда подчеркивали, совершенно смазана Зауэрляндром. Левацкое пустозвонство последнего объективно превратилось в антипартийную оценку всей деятельности К. Либкнехта, Меринга и др.

При этом оказывается, что положение марксизма может спасти не кто иной, как сам Зауэрлянд, так как он «поставил своей задачей восстановление подлинного марксизма и изложение его на высшей ступени»².

Впрочем, хорошо, что это «восстановление» марксизма в положительной форме Зауэрлянд отложил до... следующего тома, в этом же томе лишь свел счеты с «разрушителями» марксизма вроде Меринга. В зауэрляндовском освещении мы не увидим Меринга воинствующим материалистом; наоборот, по Зауэрлянду, Меринг непрерывно «впадает в идеализм» в области истории философии и т. д.³.

Не было таких идеалистических направлений, в сети которых не попал бы, по Зауэрлянду, Меринг. Последний,

¹ К. Зауэрлянд, Диалектический материализм, Берлин, 1932 г., стр. 152—156.

² Там же, стр. 3, 5.

³ Там же, стр. 156.

оказывается, был в партии проводником неокантианства, махизма и т. д.¹.

По зауэрляндовской интерпретации оказывается, что Меринг даже боролся с лозунгом «Назад к Канту» с идеалистическими позициями. В борьбе с неокантианским ревизионизмом и махизмом Меринг, если на-слово поверить Зауэрлянду, «колебался туда и сюда. Его философский материализм был фальшивым и антимарксистским»².

Такая огульная отрицательная оценка философских взглядов Меринга в корне противоречит существу дела, высказываниям Ленина о Меринге и только льет воду на мельницу Каутских и К°. Механистические ошибки Меринга в области философии Зауэрлянд утрирует до такой степени, что Меринг не марксиста; который, по Ленину, «не только хочет», но и умеет быть марксистом, превращается в «эклетику, механиста и вульгарного материалиста с сильными идеалистическими элементами».

Зауэрлянд по отношению к Мерингу уже в 1932 г. проделал почти то же, что сделал с ним по инициативе Каутского контрреволюционер Рязанов, когда в «Нейе цейт»³ последний превратил Меринга тоже в лассальянца и анархиста, выражая свое удивление, как такие антимарксисты могут существовать в социал-демократической партии!

Рязановская линия в оценке философского наследства Ф. Меринга продолжалась и меньшевистствующими идеалистами.

Враг народа Г. Баммель в своем предисловии к избранным философским работам Франца Меринга считает оценки Д. Рязанова и А. Деборина критерием для правильной характеристики механицизма Ф. Меринга.

Какую общую оценку дает Баммель философии Ф. Меринга?

Он оценивает ее как механистическую ревизию марксизма в области естествознания.

С позиций меньшевистствующего идеализма, прикрывавшего контрреволюционный троцкизм, нельзя защищать

¹ К. Зауэрлянд, Диалектический материализм, стр. 157.

² Там же, стр. 162.

³ «Нейе цейт» № 63, 1913 г., стр. 450.

диалектический материализм и нельзя правильно подойти к критике меринговских ошибок.

Но наряду с этим представители из троцкистского бандитского лагеря пытаются оправдать ошибки Ф. Меринга и Р. Люксембург в своих гнусных контрреволюционных целях (Радек).

Троцкистские контрабандисты вроде Слуцкого, Альтера и др. в борьбе с ленинизмом («и в пропаганде» «центризма») пытались использовать имя великой коммунистки для защиты ее ошибок, для оправдания ряда каутскианско-троцкистских установок. Они поступали в этом случае по примеру ренегата Каутского, Леви и Абрамовича, спекулирующих на ошибках левых в немецкой социал-демократии.

Тот же самый Альтер, который реабилитировал довоенное каутскианство, использовал имя Розы Люксембург для протаскивания троцкизма в СССР.

В свое время на выпады Каутского и Рязанова Меринг отвечал очень резко. История разоблачила всю «ортодоксию» попов марксистского прихода» вроде Каутского и Рязанова.

Выступивший с резкой критикой против Зауэрлянда Юлиус Альпари обрушился на одностороннюю антидиалектическую оценку Зауэрляндом Меринга. Однако в его полемике с Зауэрляндом имеется в ряде мест примиренческое отношение к теоретическим ошибкам левых социал-демократов, отказ от исчерпывающей критики их ошибок и недооценка идеологического фронта классовой борьбы, а самое главное, непонимание принципиальных установок Ленина и Сталина по целому ряду вопросов. Юлиус Альпари совершенно неверно утверждает, будто основная ошибка Розы Люксембург заключается в том, что последняя «ставила вопрос о революции неконкретно», а вот Ленина выручал, по словам Альпари, лишь его «революционный реализм».

Альпари объясняет это только тем, что Р. Люксембург и Ленин действовали в разных условиях. Р. Люксембург якобы не пришлось до 1918 г. конкретно решать вопросы революции в Германии, а Ленина заставила это сделать сама обстановка, и «когда условия изменились, то Роза тотчас же заняла иную позицию». Такая установка исходит, кроме партийно-ошибочных позиций, и из ошибочной

методологической и политической оценки истории левого радикализма в Германии.

Роза Люксембург, как правильно показали Ленин и Сталин, находилась в идейно-организационном плену каутскианства и после Октябрьской революции. Борьба Р. Люксембург с ленинизмом вытекала из ошибочного понимания идейной и организационной сущности марксизма-ленинизма и отражала мелкобуржуазные шатания левых социал-демократов.

Разница между левыми в Германии и ленинизмом не в том, что Р. Люксембург была слишком абстрактна, а Ленин конкретен, а в том, что только Ленин сумел сочетать революционную марксистскую теорию с революционной практикой, ликвидировать тот разрыв их, который существовал у вождей II Интернационала. Альпари же все дело свел к «объективным» условиям русской и немецкой действительности. А между тем коренные вопросы русской революции, как говорил товарищ Сталин, являлись (и являются теперь) коренными вопросами мировой революции. Причина же этому та, что ленинизм «возник на гранитной базе марксизма», чего не имелось у левых радикалов, и нельзя недооценивать значения «марксистских текстов», как это делает Альпари, принижая роль революционной теории. Большевики никогда не были ползучими эмпириками, отрицающими великое значение абстрактного анализа, значение революционной теории, значение философской и методологической борьбы.

А если поверить Альпари, то получается, что центризм в Германии «еще до войны разоблачен до конца по почину Розы Люксембург» (в 1910 г.).

С антиленинских позиций вообще нельзя до конца разоблачать врагов марксизма, в том числе и центристов.

Что верного в установках Ю. Альпари? Прежде всего, это—требование исторического подхода в оценке левых социал-демократов и понимание их специфического отличия от бернштейнства и каутскианства. Зауэрлянд же весь период 1871—1914 гг. рассматривает как «единый оппортунистический период извращения и выхолащивания марксизма».

Ю. Альпари совершенно прав, когда защищает Ф. Меринга от заурляндских голословных обвинений в «беспартийности (Меринга.— А. Г.) при решении религиозных вопросов и мировоззренческих дел» и доказывает читателям Заурлянда, как активно Меринг боролся с различного рода формами идеализма.

Однако Альпари «забывает» при этом непоследовательность и идеалистические срывы самого Меринга, которые нужно не замазывать, а последовательно критиковать с ленинско-сталинских позиций.

Если Заурлянд считает Ф. Меринга сплошным ревизионистом, то Альпари не видит ошибок Меринга и превращает последнего в вполне последовательного марксиста.

Отрицать философские ошибки Ф. Меринга, как это делает Альпари, это значит не понять философских основ левых социал-демократов, значит стереть принципиальное отличие его от ленинизма.

Ошибки Заурлянда и Альпари вносят путаницу в оценку левых социал-демократов, и, к сожалению, эта путаница уже нашла себе сторонников даже среди коммунистов. Так, работа Заурлянда кое-кем рекламировалась как «впервые дающая развернутое систематическое изложение основ диалектического материализма», а «Нижнерейнский революционер» в свою очередь в январе 1933 г. печатал теоретическую и политическую путаницу Ю. Альпари как работу, вносящую «большевистскую ясность». Исходной философской позицией в оценке философских и исторических взглядов левых социал-демократов должна быть марксистско-ленинско-сталинская материалистическая диалектика, которая облегчает пролетариату капиталистических стран борьбу за революционное создание пролетарской диктатуры, а пролетариату СССР, уже создавшему эту диктатуру и построившему социалистическое общество, достижение небывалого культурного и материального роста.

Неисторическая огульная характеристика всех левых и в особенности Ф. Меринга неверна и по существу и по форме. Она не вытекает например из очень высокой оценки Энгельсом понимания исторического материализма Мерингом в «Легенде о Лессинге» и противоречит рекоменда-

ции Ленина читать эту книгу в числе лучшей литературы по историческому материализму.

У Меринга, конечно, имеется ряд философских ошибок, но они все же не дают права отказываться от философского и политического наследства Меринга и утверждать, будто Меринг механист, агностик, позитивист, как это сделал Б. Чагин в своей книге о Меринге¹.

По Чагину оказывается, что «из всех теоретиков II Интернационала только Плеханов отстаивал ту точку зрения, что марксизм имеет свою философию» (стр. 59). Ленин и Сталин после смерти Энгельса являются единственно последовательными теоретиками и практиками революционного марксизма, создавшими в эпоху империализма и пролетарских революций новый этап в развитии теории и практики марксизма.

Меринг же, по Чагину, «целиком и полностью приемлет механистический материализм, за исключением области общественных явлений» (стр. 62).

Меринг совершенно откровенно писал о себе и Плеханове в рецензии на книгу Плеханова «Основные вопросы марксизма», что оба они в области философского материализма, так же, как Маркс и Энгельс,—фейербаховцы. «Маркс и Энгельс,—писал Меринг,—всегда оставались в области философии на точке зрения Фейербаха, поскольку они не углубили и не расширили ее перенесением марксизма в область истории; короче говоря, они в естественно-научной области оставались механистическими материалистами, как в области общественных наук они являлись историческими материалистами. Плеханов доказал это гораздо детальнее, чем это сделал я, так что здесь не остается ничего прибавить»².

Из этого положения вытекают два вывода: 1) в области философии непоследовательность Меринга заключалась в том, что Меринг и Плеханов совершенно неверно считали марксизм историческим материализмом + материализм Фейербаха + диалектический метод Гегеля; 2) Меринг называл механистическим материализмом философские взгля-

¹ Б. Чагин, Философские и социологические взгляды Ф. Меринга.

² Ф. Меринг, Исторический материализм, «Нейе цейт», 1910 г., стр. 552.

ды Фейербаха и его естественно-научный материализм в отличие от идеализма в естествознании. Однако это не значит, что Меринг был механистом, что его надо «с порога отвергнуть» и отдать Каутскому и К^о, а также современным механистам. Совершенно неверно также и чагинское утверждение, будто «Меринг без всякого боя сдает все позиции в области естественных наук идеалистическим противникам марксизма, а в области философии усваивает позитивистскую точку зрения» (стр. 67). Меринг—воинствующий материалист, несмотря на все его ошибки. Он активно, талантливо и остро боролся с современной ему идеалистической философией, хотя и не сумел разоблачить реакционную сущность махистской философии, введенный в заблуждение информацией махиста Богданова в «Нейе цейт» о положительном отношении русских большевиков к этой философии. Однако нельзя Меринга превращать и в агностика и утверждать, подобно Чагину, что «Мерингу чужда марксистская теория отражения. Он стоит на почве агностицизма», что будто бы у Меринга мы видим перед собой неприкрытую защиту Канта от Энгельса, а следовательно прямую ревизию философии марксизма в вопросах теории познания. В свое время Меринг на подобного рода голословные обвинения отвечал очень выразительно и метко. Его ответ надлежит помнить Зауэрлянду, Чагину и др. «Даже две или три ошибки, которые Рязанов старался выудить у меня, извращая мои слова или чрезмерно раздувая вкравшиеся по недосмотру несущественные погрешности, не имеют ни малейшей связи с тем, что для меня было наиболее важно по существу. Его задачей было выставить меня человеком, у которого нет ни надлежащих познаний, ни способности суждения, ни даже доброй воли к тому, чтобы иметь право высказать по существу свое мнение о Марксе.

В его изображении я напоминал те вымазанные киноварью рожи, которые вывешиваются на балаганах, в то время как зазыватель стоит перед ними и кричит: «Посмотрите, что за уродина!»¹

Теоретическая борьба не только с каутскианскими, но и с левыми с.-д. пережитками и тенденциями—необ-

¹ Ф. Меринг, К. Маркс, Москва, 1934 г., стр. 448.

ходимое условие для успехов и на *политическом* фронте классовой борьбы. Надо добиться того, чтобы идеологический фронт классовой борьбы подготовлял эту грядущую победу пролетарской диктатуры в Германии, изнывающей под пятой фашизма. Острое перо Меринга, вскрывшего в свое время идейное и политическое убожество шовинизма и прусской военщины, мужественная защита Мерингом диктатуры пролетариата, утвердившейся в Советской республике, открытое признание им международного значения большевизма имеют не только историко-философское значение. В борьбе за создание единого фронта в Германии, провозглашенного VII конгрессом Коминтерна, в борьбе с фашизмом литературное наследство Франца Меринга поможет революционному пролетариату Германии смести фашизм и всевозможных его лакеев.

Меринг обладал боевой натурой марксиста. Он в самый трудный для международного пролетариата и пролетарской революции момент пришел к Ленину и стал горячим защитником большевиков, а затем и членом коммунистической партии. Сбылись мечты Меринга:

«Горячее дыхание русской революции растопило многие бронзовые твердыни, мнящие себя везыблемыми. И от великих дел пролетарской революции дипломаты перестали смеяться, и у филистеров революции вытянулись лица».

Товарищ Сталин с предельной ясностью дал нам классическую оценку левых в Германии (следовательно, в том числе и Ф. Меринга); эта оценка вносит исчерпывающую ясность в вопрос о том, как мы должны относиться к их философскому наследству.

Товарищ Сталин писал:

«Конечно, у левых в Германии были не только серьезные ошибки. Они имеют за собой также большие и серьезные революционные дела... Именно поэтому и считались с ними большевики, как с левыми, и поддерживали их, толкали их вперед. Но это не уничтожает и не может уничтожить того факта, что левые с.-д. в Германии вместе с тем имели за собой целый ряд серьезнейших политических и теоретических ошибок, что они не освободились еще от меньшевистского груза и нуждались ввиду этого в серьезнейшей критике со стороны большевиков»¹.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, 1936 г., стр. 472.

БИБЛИОГРАФИЯ

Franz Mehring, Gesammelte Schriften und Aufsätze in Einzelausgaben, herausgegeben von Eduard Fuchs, Berlin 1929—1931, Soziol. Verlagsanstalt, I—VII Bücher.

Философские работы Меринга.

1. *John Lock*, «Neue Zeit», XXIII Jhrg., I Bd., 1904, S. 129.
2. Die Philosophie des Selbstbewusstseins, Liter. Nachlass., I Bd.
3. «Kant u. Spinoza», «Neue Zeit», XXVI Jhrg., I Bd., 1908, S. 678.
4. «Immanuel Kant», «Neue Zeit», XXII Jhrg., I Bd., 1904, S. 553, 627.
5. «Kant u. Marx», «Neue Zeit», XXII Jhrg., I Bd., 1904, S. 658.
6. «Philosophie und Proletariat». «Die Sozial-Demokr. Korrespondenz», 29—1, 1914, No. 12.
7. «Fichtes Reden an die Deutsche Nation», «Neue Zeit», XXVI Jhrg., I Bd., 1908, S. 489.
8. «Vom Rechte der Revolution», «Neue Zeit», XIX Jhrg., 2 Bd., 1904, 324.
9. «Die neuen Hegelingen», «Neue Zeit», XXXII Jhrg., I Bd., 1914, S. 964.
10. «Einige Bemerkungen über Hegel», «Neue Zeit», XXVII Jhrg., I Bd., 1908, S. 210.
11. «Berliner philosophische Gesellschaft», «Neue Zeit», XIX Jhrg., II Bd., 1901, S. 409.
12. «F. J. Schmidt, Zur Wiedergeburt des Idealismus», «Neue Zeit», XXVI Jhrg., I Bd., 1908, S. 595.
13. «D. F. Strauss», «Neue Zeit», XXVI Jhrg., I Bd., 1908, S. 578.
14. «Ludwig Feuerbach», «Neue Zeit», XXII Jhrg., II Bd., 1908, S. 513.
15. «Drillinge (Stirner, Bauer)», «Neue Zeit», XII Jhrg., II Bd., 1894, S. 577.
16. «J. Jacoby und die wissenschaftl. Sozialisten», «Archiv für Geschichte d. Sozialismus», II Bd., 1899, Heft 2.
17. «M. Kronenberg, Moderne Philosophie», «Neue Zeit», XVIII Jhrg., I Bd., 1899, S. 4070412.
18. «Eine Ironie Geschichte», «Neue Zeit», XXVIII Jhrg., I Bd., 1909, S. 192. Rez.

19. *J. H. Maskay*, Max Stirner, «Neue Zeit», XXVIII Jhrg., II Bd., 1910, S. 402.
20. Art. Schopenhauer, «Berliner Volkszeitung», 22/II, 1888.
21. «Zurück auf Schopenhauer», «Neue Zeit», XXVII Jhrg., II Bd., 1909, S. 621.
22. «Zur Philosophie und Poesie des Kapitalismus (Nitzsche)», 1891, IX Kapit. «Kapital und Poesie».
23. «Ueber Nitzsche», «Neue Zeit», XVII Jhrg., I Bd., 1899, S. 569.
24. «Nitzsche gegen den Sozialismus», «Neue Zeit», XV Jhrg., I Bd., 1897, S. 54.
25. *K. Eisner*, Psychopatia Spiritualis, F. Nitzsche, «Neue Zeit», X Jhrg., II Bd., 1892, S. 677. Rez.
26. *R. Richter*, Fr. Nitzsche. «Neue Zeit», XXII Jhrg., II Bd., 1904, S. 638.
27. *W. v. Gwinner*, Schopenhauers Leben, «Neue Zeit», XXIX Jhrg., I Bd., 1911, S. 614.
28. «Stöcker Zwilling (Büchner)», «Neue Zeit», XIII Jhrg., 1895, S. 321.
29. Nekrologe (B. Büchner), «Neue Zeit», XVII Jhrg., II Bd., 1899, S. 195.
30. «Weiträtsel», «Neue Zeit», XVIII Jhrg., II Bd., 1899, S. 417.
31. «Kant und der Sozialismus», XXVIII Jhrg., II Bd., 1900, S. 1.
32. «Die Neokantianer», «Neue Zeit», XVIII Jhrg., II Bd., 1900, S. 53.
33. «Schriften über Kant», «Neue Zeit», XXII Jhrg., 2 Bd., 1900, S. 53.
34. «Kant, Dietzgen, Mach und der historische Materialismus», «Neue Zeit», XXVIII Jhrg., I B., 1909, S. 173.
35. «Eine Antwort an Friedrich Adler», «Neue Zeit», XXVIII Jhrg., I Bd., 1910, S. 685.
36. «I. Kant der Urteilskraft», «Neue Zeit», XIX Jhrg., II Bd., 1902, S. 123, Rez.
37. *K. Vorländer*, Geschichte der Philosophie, «Neue Zeit», XXI Jhrg., II Bd., 1903, S. 94.
38. «Und abermals Kant. K. Vorländer, «Kant und Marx», «Neue Zeit», XXIX Jhrg., II Bd., 1911, S. 377.
39. *K. Vorländer*, Immanuel Kants Leben, «Neue Zeit», XXX Jhrg., I Bd., 1912, S. 762.
40. *Henr. Roland-Holst*, Im. Kant, «Neue Zeit», XXX Jhrg., I B., 1912, S. 762.
41. «Der Dietzgenismus; zum letzten Male», «Neue Zeit», XXIX Jhrg., I B., S. 7...
42. «Neu-Lamarckismus und mechanischer Materialismus», «Neue Zeit», XVII Jhrg., II Bd., 1910, S. 593.
43. «Neu-Marxismus», «Neue Zeit», XX Jhrg., I Bd., 1901, S. 385.
44. *Johann Plenge*, Marx und Hegel, «Neue Zeit», XXIX Jhrg., II Bd., 1911, S. 1.
45. «Ueber Wundt», «Neue Zeit», XVII Jhrg., 1899, I Bd., S. 417.

46. «Die Neukantianische Bewegung um Sozialismus», «Neue Zeit», XX Jhrg., II Bd., S. 123.
47. Lange, Einstellung und Kommentar zu Schillers, «Neue Zeit», XIII Jhrg., I Bd., S. 281.
48. «Ein Wort über Woltär (Zum 200. Geburtstag)», «Neue Zeit», XIII Jhrg., I Bd., S. 257.
49. «Ein Eselsstritt (Prof. Herlich Rede über Engels)», «Neue Zeit», XIV Jhrg., I Bd., S. 417.
50. Epigonen, «Neue Zeit», XXVII Jhrg., I Bd.
51. SümmeI, Kant, «Neue Zeit», XXII, II Bd., S. 570.
52. Antonio Labriola, «Neue Zeit», XXII, I Bd., S. 585.
53. «Philosophieren und Philosophie», «Neue Zeit», XXVII Jhrg., I Bd., 1909, S. 921.
54. «Ueber den historischen Materialismus», 1893.
55. «Historischer Materialismus», «Neue Zeit», XXVIII Jhrg., 2 Bd., 1910, S. 545.
56. «Ein «wahrer» Marxist», «Neue Zeit», XVII Jhrg., II Bd., 1899, S. 730.
57. «Vom «wahren» Marxismus», «Neue Zeit», XVIII Jhrg., I Bd., 1899, S. 86.
58. «Ein letztes Wort über den «wahren» Marxismus», «Neue Zeit», XVIII Jhrg., I Bd., 1899, S. 280.
59. Häckels «Ueber Wundt», «Neue Zeit», XVIII Jhrg., I Bd., 1900, S. 477, No.
60. «Ergänzung des historischen Materialismus», «Neue Zeit», XXVIII Jhrg., I Bd., 1909, S. 441.
61. «Sozialistische Leipziger Volkszeitung», 1907, №№ 63, 84, 98.
62. «Moderne Evangelkritik», «Neue Zeit», XIX Jhrg., II Bd., 1901, S. 79.
63. «Der Ursprung des Christentums», «Neue Zeit», XXVII Jhrg., I Bd., 1908, S. 281.
64. $3 \times 1 = 1$. Kapital über historische Methode. «Neue Zeit», XXVII Jhrg., I Bd., 1909, S. 769.
65. «Christentum und Sozialdemokratie», «Neue Zeit», XIX Jhrg., I Bd., 1900, S. 27.
66. «Festgedanken», «Berliner Volkszeitung», 4. April 1898.
67. «Proletariat und Religion», «Leipziger Volkszeitung», 17. Mai 1902.
67. «Religion und Politik», «Berliner Volkszeitung», 18. April 1888.
69. «Auferstehung», «Leipziger Volkszeitung», 1902, № 721.
70. «Soziale Theologie», «Neue Zeit», I Bd., 1902, S. 385.
71. «Ein Eselsstritt (Prof. Nerlich Rede über Engels)», «Neue Zeit», XIV Jhrg., I Bd., 1909, S. 417.
72. «Eine Bergpredigt», «Neue Zeit», XXII Jhrg. II Bd., 1904, S. 257.
73. A. Kalthoff, Die Entstehung des Christentums, «Neue Zeit», XXII Jhrg. II Bd., 1904, S. 732.
74. «Proletarische Religion», «Leipziger Volkszeitung», 1905, S. 713.
75. «Eine neue Reformation», «Neue Zeit», XXIII Jhrg., II Bd., S. 713.

76. «Kirche und Sozialdemokratie», «Sozial-Demokr. Korrespondenz», 1914, No. 7, 15 Januar.
77. «Methodologisches Problem», «Neue Zeit», XX Jhrg., I B., S. 448.
78. «Politik und Sozialismus», «Neue Zeit», XV Jhrg., I Bd., S. 44.
79. «Bürgerliche Dialektik», «Neue Zeit», XXV, II Bd., S. 137.
80. «Der revolutionäre Wille», «Neue Zeit», XVIII, I Bd., S. 577.
81. «Lessings Legende», «Neue Zeit», 1891—2.
82. «Meine Berichtigung», Leipzig 1903.

РАБОТЫ Ф. МЕРИНГА, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

1. *Меринг*, Некоторые замечания о теории и практике марксизма, изд. Ив.-Воанесенск 1904 г.
2. *Меринг*, Исторический материализм, СПБ 1906 г., и изд. ВЦИК, 1918 г.
3. *Меринг*, Легенда о Лессинге, «Знание», СПБ 1907 г.
4. *Меринг*, История германской с.-д., т. I—IV.
5. *Меринг*, История Германии с конца средних веков, перев. и пред. Степанова, М. 1920 г.
6. *Меринг*, К. Маркс. История его жизни, перев. Венгеровой.
7. *Меринг*, Из литературного наследия Маркса, Энгельса и Лассаля, т. I—III.
8. От утопии к науке, сб., Ростов-на-Дону.
9. В дни войны, сб., перев. Краковской, ГИЗ, 1922 г.
10. В эпоху войны и краха интернационала, сб., перев. Гиммельфарба, П., 1919 г.
11. *Меринг*, Шиллер и великие социалисты, П. 1919 г.
12. *Меринг*, Вильгельм Вейтлинг, перев. Мавдельштама, СПБ 1905 г.
13. *Меринг*, Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции, М.—Л. 1926 г.
14. *Меринг*, Рабочее движение 1862—1867 в Лейпциге, СПБ 1926 г.
15. *Меринг*, Фрейлиграт, Харьков 1924 г.
16. *Меринг*, Юношеские годы К. Маркса, М. 1906 г.
17. «Капитал» Маркса в изложении Меринга и др. Ростов-на-Дону 1925 г.

ОСНОВОПОЛОЖИКИ МАРКСИЗМА О ФРАНЦЕ МЕРИНГЕ

1. *Маркс*, Письма к Энгельсу, 1 авг. 1877 г. и 3 авг. 1882 г., соч., т. XXIV, стр. 488, 566.
2. *Энгельс*, Письмо к Бернштейну о Меринге и письмо Меринга, 13—14 июля 1893 г.

3. Ленин, Замечания о Меринге: соч., т. IV, стр. 398; т. V, стр. 341; т. VIII, стр. 119, 124, 237; т. XI, стр. 72, 172; т. XII, стр. 111; т. XV, стр. 205; т. XVII, стр. 544; т. XVIII, стр. 14, 69, 76; т. XIX, стр. 176; т. XIII, стр. 94; т. XXV, стр. 434, и «Ленинский сборник» XIV, стр. 18, 69, 143; XVI, стр. 66, 178, 181; XVII, стр. 386; XIX, стр. 277.

4. Сталин, Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» и «Основы ленинизма».

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. «Die Wage», Wochenblatt für Politik und Literatur, herausgegeben v. Gwido Weiss, Berlin 1873 и другие годы.
2. «Berliner Volkszeitung» (1875—1888).
3. «Die Neue Zeit» (1888—1913).
4. «Leipziger Volkszeitung» (1902—1911).
5. «Internationale» 1915.
6. «Internationale Presse Korrespondenz» No. 97—99, 1932.
7. «Интернационал», журн., русск. изд. 1933 г., ст. Мартынова и Зорького.

РАБОТЫ ЛЕВЫХ

Карл Либкнехт

1. Studien über die Bewegungsgesetze der gesellschaftlichen Entwicklung, München 1920.
2. Briefwechsel zwischen K. Liebknecht und dem Vorstand d. SDPD.

Роза Люксембург

1. Избранные сочинения, т. I—II, изд. «Московский рабочий», 1930 г.
2. Введение в политическую экономию, изд. «Прибой», 1925 г.
3. Реформа и революция, П. 1919 г.
4. Всеобщая забастовка и немецкая с.-д.
5. К. Маркс, Краткий очерк его учения, Киев 1906 г.
6. Душа русской литературы, П. 1922 г.
7. Накопление капитала, М. 1921 г.

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>	<i>По чьей вине</i>
15	1 сн.	Ф. Мering, Легенда о Лессинге, стр. 77.	Ф. Мering, История Германии конца средних веков, перевод Степанова, М. 1920 г.	авт.
138	10 сн.	Ein Eselfusstrit	Ein Eselfustritt	кор.

А. ГАГАРИН. Франц Меринг и его философские взгляды